

801-20
11955-4

ВИЗАНТІЙСКІЕ

[91 ИСТОРИКИ,
[58

801-14
3030

ПЕРЕВЕДЕННЫЕ СЪ ГРЕЧЕСКАГО

ПРИ

С. ПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

I

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГРИГОРІЯ ТРУСОВА,

1858.

Отъ Санктпетербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать
позволяется. Июля 30 дня 1838 года.
Цензоръ Архимандритъ Фотій.

5 fr.

2012403592

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ
НИКИФОРА ВРІЕННІЯ.

(976—1087).

КРАТКОЕ СВѢДЕНІЕ

О

ВРІЕННІѢ

И ЕГО ЗАПИСКАХЪ.

Никифоръ Вріенній Кесарь, сановникъ при дворѣ византійскаго государя Алексѣя Комнина, происходилъ изъ рода Вріенніевъ, не столько древняго по времени, сколько знаменитаго по силѣ и значенію его въ государствѣ. Родоначальникъ Никифора Вріеннія, называвшійся также Никифоромъ, принадлежалъ къ адріанопольскому дворянству и въ одиннадцатомъ вѣкѣ (1057 г.) былъ Этнархомъ или Префектомъ Каппадокіи. Прадѣдъ его имѣлъ санъ Куропалаты и извѣстенъ исторіи какъ военачальникъ, успѣшно противустоявшій Скиѣамъ и ослабившій ихъ могущество. Дѣдъ его командовалъ сильнымъ легіономъ царскихъ войскъ въ Болгаріи и Диррахіи, но по случаю возникшей тогда борьбы партій, домогаясь престола вооруженною рукою, былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и ослабленъ. Въ этомъ же самомъ сраженіи схваченъ и лишенъ зрѣнія отецъ Никифора Вріеннія. Мудрѣйшимъ и опытнѣйшимъ изъ тогдашнихъ царедворцевъ и вождей безспорно былъ Алексѣй Комнинъ. Уничтоживъ замыслы

Вріенніевъ и другихъ искателей и хищниковъ царской власти, онъ самъ вступилъ на престолъ и сдѣлался главою новой династіи византійскихъ государей. Новый царь удостоилъ Никифора Вріеннія особенной довѣренности и, возводя его отъ почестей къ почестямъ, наконецъ провозгласилъ Кесаремъ и Паниперсевастомъ⁽¹⁾, и выдалъ за него дочь свою Анну.

Въ это время государственной своей дѣятельности Вріенній Кесарь, конечно по чувству признательности къ благодѣтельствувавшему его царю и, какъ говорить Анна Комнина въ предисловіи своей книги, по просьбѣ супруги Алексѣя Ирины, написалъ записки о событіяхъ, предшествовавшихъ вступленію на престолъ династіи Комнинныхъ, и объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ ея воцареніе. Періодъ, обнимаемый этими записками, заключается въ предѣлахъ времени, между царствованіемъ Дуки Василія II и утверженіемъ на престолѣ Алексѣя Комнина, то есть между 976 и 1087 годами. Написаны онѣ вѣроятно въ половинѣ двѣнадцатаго вѣка, уже послѣ смерти Алексѣя; ибо въ предисловіи къ этимъ запискамъ говорится, что Алексѣй предъ смертію завѣщалъ царскій престолъ Іоанну Комнину.

⁽¹⁾ Паниперсевастами (πανυπερσεβαστος) назывались верховные сановники при дворѣ византійскихъ государей, — со времени Алексѣя Комнина, который въ первый разъ возвелъ въ сие достоинство родственника своего Михаила Тарронитскаго, а потомъ Никифора Вріеннія. Лице, облачаемое этимъ саномъ, допускалось къ участию въ управленіи государствомъ, или въ соправители царю. Паниперсевасту усвоились также особыя одежды, особыя сапоги и чепракъ на конѣ lutei coloris (apud Dominic. Macrum Hierolex. ex glossario Maurisii).

Но вышедши въ свѣтъ не позже, какъ во второй половинѣ двѣнадцатаго вѣка, записки Никифора Вріеннія оставались въ совершенной неизвѣстности до семнадцатаго столѣтія и найдены только случайно. Ученые изслѣдователи древнихъ письменныхъ памятниковъ, конечно знали, что Никифоръ Вріенній описывалъ событія тѣхъ временъ, потому что свидѣтельства о томъ находили въ запискахъ Анны Комниной⁽¹⁾; но этотъ историческій документъ считали навсегда потеряннымъ. Наконецъ іезуитъ Петръ Поссинъ въ началѣ семнадцатаго вѣка захотѣлъ отыскать древнѣйшій кодексъ записокъ Анны Комниной, бывший нѣкогда въ рукахъ Фабра, написавшаго Thesaurum eruditionis scholasticae, и по догадкамъ, долженствовавшій храниться у кого-нибудь въ Тулузѣ. Объ этомъ желаніи сообщилъ онъ Антонію Дадіану Альтасеррѣ, который, чтобы угодить другу, обыскалъ все углы Тулузы и дѣйствительно нашелъ требуемое сокровище. Найденный кодексъ былъ выпрошенъ на самый короткій срокъ и отправленъ къ Петру Поссину. Этотъ ученый

⁽¹⁾ О запискахъ Вріеннія Кесаря Анна Комнина упоминаетъ во многихъ мѣстахъ своихъ книгъ. Такъ напримѣръ, говоря о побужденіяхъ по которымъ Вріенній старшій домогался царскаго престола, она пишетъ (L. 3. p. 9): τὸ μὲν ὄθεν καὶ ὅπως, οὐκ ἀναγκάσιον ἐστὶν ἡμῖν διηγεῖσθαι· φθάνει γὰρ ἡ τοῦ Καίσαρος ἐγγυγραφή. τὸ αἴτιον τῆς ἀποστραφῆς ἐκ-ιστορίας. Потомъ, немного далѣе упоминаетъ о выступленіи Алексѣя противъ Вріеннія старшаго, также о пораженіи, плѣнѣ и ослѣпленіи сего послѣдняго, она прибавляетъ, что говорить объ этомъ ей нѣтъ надобности; τὸ γὰρ ἀκριβὲς τῆς ιστορίας τὸν βουλόμενον μάτεῖν ἐς τὸν Καίσαρα παραπέμπωμεν. Такимъ же образомъ, рассказывая о сраженіи Исаака съ Турками близъ Антиохіи, она говоритъ (L. 10. p. 271): ὅπως δὲ τὸ λεπτομερέστερον ἐθέλοντι μάθεῖν, ἔσται ἀπὸ τῶν τοῦ κλεινοῦ Καίσαρος ἐγγυγραμμάτων διεντυχεῖν.

тотчасъ приступилъ къ чтенію рукописи и прежде всего замѣтилъ, что она отличалась чрезвычайною древностію восточнаго почерка, потомъ увидѣлъ, что въ ней содержится текстъ всѣхъ пятнадцати книгъ Анны Комниной, во многихъ мѣстахъ несогласный съ текстомъ существовавшего уже тогда печатнаго изданія ихъ, и что предисловія, заимствованнаго изъ Гёте-левыхъ извлеченій и приложеннаго къ печатному изданію, въ ней не было, а вмѣсто его книгамъ Комниной предшествовало какое-то сочиненіе длинное, но безъ надписанія, безъ имени сочинителя и безъ начала; ибо перваго листа, на которомъ должно было быть показано заглавіе сочиненія, имя писателя и начало предисловія, въ подлинникѣ не доставало; такъ что первый наличный его листъ означенъ былъ цифрою 2, и потомъ счетъ продолжался непрерывно до самаго конца рукописи. Разбирая это предварительно положенное сочиненіе, Петръ Поссинъ сперва принялъ его за непомѣрно длинное предисловіе къ запискамъ Анны Комниной, но продолжая читать далѣе, къ удивленію своему, увѣрился, что въ его рукахъ находятся записки Никифора Вріеннія Кесаря, собственноручно списанныя супругою его Анною Комниною. Такъ открытъ былъ драгоцѣнный памятникъ древней исторической письменности, вѣроятно похищенный въ Константинополѣ крестоносцами и многія столѣтія лежавшій въ пыли книгохранилищъ, принадлежащихъ французскимъ библіофиламъ.

Впрочемъ записки Никифора Вріеннія, изданныя въ первый разъ Петромъ Поссиномъ по найденной имъ рукописи, наполнены были множествомъ ошибокъ и пропусковъ. Рукопись ли была источникомъ ихъ,

или усердіе Поспина, старавшагося возстановить правильное чтеніе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно казалось ему испорченнымъ, — не извѣстно. Последнее кажется болѣе вѣроятнымъ. Второе изданіе Вріенниевыхъ записокъ сдѣланное въ 1836 году Августомъ Мейнекке, гораздо исправнѣе перваго. Но не видно, чѣмъ руководствовался онъ въ исправленіи текста и, по крайней мѣрѣ, имѣлъ ли подъ руками Поспиновъ кодексъ. Переводя этотъ текстъ на русскій языкъ по изданію Мейнекке, мы живо чувствовали нужду въ подлинной рукописи особенно тамъ, гдѣ Мейнеккево изданіе представляетъ явные пропуски.

СОДЕРЖАНІЕ.

Вступленіе. Цѣль этихъ записокъ—показать, что Алексѣй Комнинъ справедливо поступилъ, отнявъ у Вотаниата верховную власть. Въ нихъ повѣствуется о возмущеніи Вотаниата противъ Михаила Дуки; объ усилии Алексѣя доставить престолъ Константину, брату Михаила Дуки, и другому Константину, сыну Михаила Дуки; о различныхъ козняхъ, строимыхъ Алексѣемъ, и о томъ, что подвергаясь опасностямъ, онъ содѣйствовалъ возвышенію неблагонамѣренныхъ властителей, но что, овладѣвъ престоломъ, предупредилъ и разрушилъ козни ненавистниковъ и въ сотоварищи управленія царствомъ принялъ юнаго Константина, подавъ ему надежду наслѣдія престола; также о побужденіи, по которому предпринято это сочиненіе, о его цѣли и образѣ изложенія.

Книга I. Мануилъ Комнинъ, при смерти, поручаетъ своихъ сыновей Василю Августу, который особенно заботится объ ихъ воспитаніи (1), а когда они выросли, даетъ имъ правительственныя мѣста и женить ихъ (2). Старшій изъ нихъ Исаакъ дѣлается царемъ (3), и хочетъ передать царство брату Іоанну; когда же этотъ отказался, возводитъ на престолъ Кон-

стантина Дуку, а самъ принимаетъ монашество (4. 5). Константинъ Дука правосудно управляетъ государствомъ въ продолженіи семи лѣтъ. Его смерть. Пять сыновей Іоанна Комнина и три дочери. Удивительныя способности Алексѣя (6). Діогенъ восходитъ на престолъ. Начало Турецкой войны. Происхожденіе Турокъ. Магометъ, повелѣвая Персами, Мидянами и Абританами, проситъ помощи у Турковъ и при ихъ содѣйствіи побѣждаетъ Вавилонянъ. Но Турки, когда Магометъ хотѣлъ направить ихъ въ Индію, возмущившись противъ него, отдѣляются (7), обращаютъ въ бѣгство посланныхъ противъ нихъ десять вождей (8), потомъ побѣждаютъ самаго Магомета и переселяются въ Персію. Вождь ихъ Странголинъ становится Султаномъ (9). Мидійскій намѣстникъ Патрицій Стефанъ безразсудно раздражаетъ Турковъ, побѣжденъ и взятъ въ плѣнъ (10). Турки занимаютъ Мидію. Мануилъ попадаетъ въ плѣнъ Турку Хризоскулу, но убѣждаетъ его перебѣжать отъ Султана (11). Мануилъ умираетъ. Діогенъ, предпринявъ походъ противъ Турковъ, отсылаетъ Алексѣя къ матери (12). Неблагоразумно управляя войною и будучи обманываемъ льстецами, онъ побѣждается Турками и попадаетъ къ нимъ въ плѣнъ (13 — 17). Услышавъ объ этомъ, Іоаннъ Кесарь возводитъ на престолъ племянника Михаила Дуку, съ участіемъ въ управленіи и матери его Евдокіи (18). Султанъ принимаетъ Діогена съ почестію и даетъ ему свободу (19). Евдокія заключается въ монастырь (20). Діогенъ съ войскомъ занимаетъ Амасію. Андроникъ разбиваетъ его въ сраженіи. Хутатарій помогаетъ Діогену (21). Михаилъ тщетно старается примириться съ Діогеномъ. Анна, мать Комниновъ, ссылается съ дѣтьми на островъ

Принца (22). Противъ Діогена посылается Андроникъ старшій сынъ Кесаря (23), разбиваетъ его войско, беретъ въ плѣнъ предводителя Хутаторія и обходится съ нимъ почтительно (24). Ему выдаютъ потомъ и Діогена, который, по приказанію Михаила, противъ воли Андроника, ослѣпляется и немного спустя умираетъ (25).

Книга II. Комнины вызываются изъ ссылки. Возведеніе Никифора въ санъ Логовета (1). Его ненависть къ Кесарю, который потому устранился отъ двора (2). Походъ Исаака Комнина противъ Турковъ (3). Франкъ Урзелій отдѣляется отъ римскаго лагеря (4). Исаакъ побѣждается Турками и попадаетъ въ плѣнъ. Вылазки Алексѣя изъ лагеря (5). Бѣгство римскихъ воиновъ. Θεодотъ благоразумнымъ совѣтомъ спасаетъ Алексѣя (6). Алексѣй собираетъ деньги для выкупа брата, котораго однакожъ находитъ въ Анкирѣ, уже освобожденнымъ (8). Турки осаждаютъ Исаака и Алексѣя въ деревенскомъ домѣ (9). Мудрость и мужества Алексѣя въ этомъ случаѣ (10). Опасность одного великана изъ войска римскаго (11). Неустранимость двухъ Алановъ (12). Возвращеніе въ городъ и похвалы Алексѣю (13). Урзелій дѣлаетъ набѣги на римскія области. Козни Логовета Іоанну Кесарю, по которымъ онъ посылается въ походъ противъ Урзелія. Урзелій, окруживъ его и пользуясь — частію перебѣжчиками, частію бѣгствомъ его воиновъ, разбиваетъ его и беретъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ тяжело-раненымъ сыномъ его Андроникомъ (14. 15). Два сына Андроника, представленные вмѣсто его заложниками, замышляютъ бѣгство, которое однакожъ удается только одному (16). Скоропостижная смерть другаго сына Кесарева Константина. По совѣту Урзелія, Іоаннъ Кесарь

стремится къ верховной власти,—Евнухъ Никифоръ поднимаетъ противъ нихъ Турковъ (17). Взятіе въ плѣнъ Кесаря и Урзелія. Урзелій, по окончаніи войны, получаетъ свободу. Кесарь, выкупленный Михаиломъ, отъ страха вступаетъ въ монашество (18). Урзелій снова нападаетъ на понтійскіе земли и побѣждаетъ противопоставленнаго ему Палеолога (19). Но посланный противъ Урзелія Алексій доводитъ его до крайняго безсилія (20), при помощи Турокъ, беретъ его въ плѣнъ (22) и показываетъ видъ, будто ослѣпилъ его (23. 24); потомъ усмиряетъ бунтъ Амасійцевъ, беретъ обратно занятія Урзелемъ крѣпости (24), показываетъ Докіану, что Урзелій невредимъ (25), посѣщаетъ Маврикса (26), обращаетъ въ бѣгство Турковъ, спасается отъ кораблекрушенія заступленіемъ Богородицы (27), благосклонно принимается царемъ, внимательно обходится съ Урзелемъ. Исаакъ, поставленный правителемъ Антиохіи, обманомъ удаляетъ изъ Антиохіи патріарха Эмилиана и заставляетъ его отправиться въ Константинополь (28). Возмущеніе Антиохійцевъ противъ Исаака; побѣжденный Турками, онъ взятъ въ плѣнъ и потомъ выкупленъ Антиохійцами (29).

Книга III. Андроникъ, сынъ Кесаря, умираетъ; западныя области опустошаются Славянами, Скиеами, Хорватами и Диоклейцами (1). Михаилъ думаетъ въ соправители принять Вріеннія. Въ этомъ препятствуетъ ему Константинъ Друнгарій (2). Вріенній разбиваетъ Славянъ, усмиряетъ Иллиріянъ, очищаетъ море отъ морскихъ разбойниковъ (3), но по навѣтамъ враговъ подвергается ненависти царя и, узнавъ о томъ, раздражается. Василики и братъ Вріеннія, обиженные царемъ, замышляютъ измѣну (4). Къ Іоанну Вріеннію

подсылается убійца (5). Кесарь предлагаетъ Алексію Комнину въ супружество дочь своего сына Андроника. Это дѣло, многими разстроиваемое, приводится къ концу (6). Іоаннъ Вріенній наконецъ объявляетъ измѣну; къ нему присоединяется Траханиотъ (7). Царь Михаилъ назначаетъ Дуксомъ Иллиріи Василики; Вріенній Никифоръ удаляется изъ Иллиріи и соединяется съ братомъ своимъ, шедшимъ на Константинополь (8). Смѣлый и удачный поступокъ сына его Патрикія Вріеннія (9). Вріенній—въ Адрианоуполь (10). Іоаннъ Куропалата, посланный Вріенніемъ въ Константинополь съ войскомъ, теряетъ расположеніе гражданъ за сожженіе предмѣстія (11. 12). Нападеніе на Константинополь, защищаемый Алексѣемъ (13). Вріенній снимаетъ осаду и присоединяетъ къ себѣ прежде побѣжденных имъ Скиеовъ (14). Возмущеніе Вотаніата (15). Безуспѣшное сопротивленіе ему Никифора Мелиссинскаго. Вотаніатъ избѣгаетъ засады нанятыхъ противъ него Турковъ и, подкупивъ ихъ, овладѣваетъ Никеею, гдѣ и провозглашается царемъ (16. 17), потомъ возбуждаетъ заговоръ противъ царя въ самомъ Константинополѣ (18. 19). Царь, отрекается отъ престола (20). Братъ его Константинъ, отказавшись также отъ верховной власти, отправляется къ Вотаніату съ Алексѣемъ (21. 22. 23). Михаилъ вступаетъ въ монашество и рукополагается Мвѣ итрополита Ефесскаго (24). Вотаніатъ принимаетъ Алексѣя въ число друзей; имѣя уже жену, женится на Маріи, супругѣ живаго еще Михаила (25). Логоуетъ, измѣннически преданный Урзелемъ Вотаніату, изгоняется въ ссылку и лишается жизни (26).

Книга IV. Вотаніать безразсудною расточительностію истощаетъ казну (1). Безуспѣшное посольство къ Вріеннію (2. 3). Походъ Алексѣя противъ Вріеннія (4. 5. 6). Сомнительное сраженіе (7). Алексѣй побѣждаетъ Вріеннія и беретъ его въ плѣнъ (8—16). Вріенній лишается зрѣнія (17). Другой походъ Алексѣя противъ Василяки (18 — 21). Василяки испытываетъ поражение (22—26), взять въ плѣнъ и ослѣпленъ (27—28). Возвращеніе Исаака Комнина изъ Антиохіи и милость къ нему царя (29). Алексѣй прогоняетъ Скивовъ изъ Болгаріи (30). Возстаніе Никифора Мелиссинскаго при содѣйствіи Турковъ (31). Алексѣй отказывается идти противъ него. Вмѣсто его посылается Іоаннъ евнухъ (32). Онъ осаждаетъ Никею, но поставляется въ необходимость отступить (33—35). Опасное положеніе войска, преслѣдуемаго Турками (36). Удивительное мужество Георгія Палеолога (37). Великія благодѣянія его евнуху (38. 39). Неблагодарность евнуха къ Георгію (40).

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ ВРІЕННІЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ (').

Съ восточной стороны государства противъ Михаила Дуки возстаетъ Никифоръ Вотаніать и, взявъ верхъ, восхищаетъ царскій престолъ. Ему, какъ мы сказали, ввѣрено было управленіе восточными войсками и областями, а онъ тому самому, коего довѣренностію пользовался, заплатилъ зломъ и сдѣлалъ это по мысли и стачкѣ нѣкоторыхъ негодныхъ людей, вовсе не помышлявшихъ о благѣ государства и не научившихся сохранять вѣрность къ тѣмъ, кому они должны были быть вѣрными; весь же народъ такъ—безъ размысленія послѣдовалъ ихъ желанію; ибо между людьми зло обыкновенно бываетъ сильнѣе, чѣмъ добро. Да и то опять:—толпа любитъ потѣшаться такими переворотами. И такъ на высоту царскаго престола

(') Въ оригинальной рукописи историческихъ записокъ Вріеннія, какъ мы сказали, сообщая свѣденіе о его жизни и сочиненіи, не доставало перваго листа. Потому настоящее предисловіе, не имѣя начала въ первыхъ строкахъ, не совсѣмъ понятно. — Но темное здѣсь пояснится впоследствии въ самыхъ запискахъ. См. кн. 3.

возводится Вотаниатъ. Въ ранніе годы своей жизни онъ обнаруживалъ много ума и силы въ рукѣ, но теперь, утомленный старостию и временемъ, истощившій нѣкогда свое честолюбіе на удалство и потерявшій едва не всю живость дѣятельности, не имѣлъ уже силъ достойно стоять на такой высотѣ. Когда же принялъ онъ царскій скипетръ и предпочтенъ былъ тому, кто имѣлъ на него естественное право (а таковъ былъ братъ Михаила Дуки, Константинъ Порфирородный); тогда Алексѣй Комнинъ, видя всю неумѣстность этого порядка дѣлъ, такъ какъ тутъ и не уваженъ законный наслѣдникъ, и не вспомнута право на престолъ рода Комниныхъ, ради прежде царствовавшего дяди Алексева Исаака Комнина, котораго (тогда при воцареніи) съ такимъ желаніемъ всѣ единодушно возвели на престолъ, и поставили надъ собою царемъ, такъ что казалось болѣе справедливымъ быть избрану теперь кому нибудь изъ тѣхъ, которые ведутъ родъ свой прямо отъ него,—видя все это, Алексѣй Комнинъ скорбѣлъ, болѣзновалъ сердцемъ, старалъ ревностию по правдѣ, всѣми поиранной, и не могъ болѣе переносить такого положенія дѣлъ. Между тѣмъ какъ получавшіе въ то время жребій владычества, достигнувъ своей цѣли, помышляли только о своихъ выгодахъ, а гибель римскаго царства вѣняли ни во что,—онъ съ пронзеннымъ сердцемъ, показывая благородство своей души, не могъ при такомъ ходѣ дѣлъ, оставаться въ покоѣ и терпѣть, чтобъ имѣющій право на престолъ подчинялся другому, не имѣющему на то права.

О томъ, какъ Комнинъ обращался къ брату (Михаила) ⁽¹⁾ Дуки и своими усилями и внушеніями старался посадить на царскомъ престолѣ Михайлова сына, какъ онъ, надѣвъ ему на ноги багряныя туфли, велъ его во дворецъ, какъ въ то время, когда они проходили по главнымъ улицамъ, народъ будто одними устами громко кричалъ, что этого онъ не хочетъ имѣть царемъ, и какъ упомянутое дитя, испуганное такимъ крикомъ и утрашенное словами народа, отвратилось душею отъ сдѣланнаго ему предложенія (просило и Комнина оставить это намѣреніе и не неволить его болѣе), — о всемъ томъ разскажъ—въ устахъ каждаго, это подтверждаютъ люди благомыслящіе и всѣ, которые не пили воды забвенія и помнятъ бывшее. Послѣ того Комнинъ рѣшился идти къ своей цѣли другимъ путемъ. Онъ привелъ юнаго Константина къ Вотаниату и, напомнивъ послѣднему о естественномъ правѣ, принадлежащемъ этому дитяти по наслѣдству, предложилъ ему благоразумный совѣтъ—позакономѣе пользоваться доставшеюся ему властію, именно: принять благосклонно и съ честью брата Дуки, какъ брата прежняго его господина и царя, и дать ему титулъ лица царственнаго, на дѣлъ же управлять царствомъ самому Вотаниату, до конца жизни.

(1) Въ греческомъ подлинникѣ это мѣсто, читаемое такъ: *ὁ δὲ οὖν ὁ Κομνηνὸς τῷ ἀδελφῷ προσήνεχεν τῷ Δούκῃ, καὶ τοῦτου ὑπὸ τῇ δικαίᾳ διουσίᾳ* и проч., Поссинъ поясняетъ слѣдующимъ дополненіемъ: *ἀδελφῷ προσήνεχεν βασιλεὺς τοῦ Μιχαὴλ τοῦ Δούκα καὶ αὐτοῦ διὰ τοῦτου τὸν υἱὸν τῆ οικίας* и проч. То-есть, у Михаила Дуки, прежняго царя былъ братъ Константинъ, содержавшійся подъ стражею, и сынъ Константинъ—еще дитя.

ни, а потомъ возвестъ на престолъ этого наследника (то-есть сына Михайлова Константина), имѣющаго къ тому времени сдѣлаться уже способнымъ управлять царствомъ. Но и этотъ планъ не удался, и Комнинъ своею смѣлостію выигралъ только то, что его стали подозрѣвать—какъ Вотаниать съ его приближенными, такъ и многіе другіе, особенно же два Вотаниатовы раба, Ворильтъ и Германъ,—люди наемные, незнатнаго рода, ничего несмыслящіе въ дѣлахъ, касающихся общественнаго блага. Послѣдніе задумали уже погубить Комнина, а вмѣстѣ съ тѣмъ устроить гибель и порфирородному брату Дуки, что, когда лишится онъ такого охранителя и останется безъ всякой защиты, было бы уже весьма сподручно наветникамъ. Съ этой цѣлію они посылаютъ Комнину указъ, предписывающій ему удалиться изъ столицы. Но какъ скоро этотъ указъ дошелъ до рукъ Комнина,—онъ самъ лично явился съ нимъ къ царю, и объяснилъ ему все дѣло. Царь, пристыженный чрезвычайнымъ благородствомъ и разсудительностію сего мужа, и помнившій о многихъ геройскихъ его подвигахъ, потупилъ глаза и, браня составителей указа, отмѣнилъ это дѣло. Итакъ замысль о высылкѣ тогда не осуществилась. Но Вотаниать снова подчинился вліянію помянутыхъ рабовъ и, всячески вводимый въ заблужденіе частыми ихъ наущеніями и подстреканіями, задумалъ ослѣпить Комнина. Впрочемъ, изъ уваженія къ справедливости и истинѣ, не хотѣлъ онъ привести эту мысль въ исполненіе такъ прямо—съ открытою безсовѣстностію, но избралъ иной спо-

собъ подвергать невиннаго различнымъ опасностямъ и подъ благовиднымъ предлогомъ постав-лять его въ затруднительныя обстоятельства, чтобы потомъ вызвать противъ него обвиненіе отъ лица самой истины. Для этого всякій разъ, какъ встрѣчалось какое нибудь дѣло, требовавшее великаго ума и сильной руки, или заставлявшее приняться за оружіе, — дѣло, въ совершеніи котораго надлежало показать геройство духа и подвергнуться неизбежной опасности, — тотчасъ выборъ, преимущественно предъ всѣми, падалъ на Комнина, и такія великія и трудныя дѣла всегда предлагались ему въ той мысли, что онъ — или послушается приказанія, и съ геройскимъ мужествомъ, по своему обычаю, совершая какое нибудь изъ подобныхъ дѣлъ, пойдетъ среди мечей и, получивъ опасную рану, падетъ въ битвѣ, особенно, если для подлежащаго дѣла не дать ему достаточнаго количества войска; или, когда не послушается, либо совершить дѣло не такъ, какъ будетъ предписано, — подастъ поводъ справедливо обвинить его и подвергнуть законной казни.

Между тѣмъ отъ Вотаниата отложились уже Вріенній и Васибеки—мужи, по происхожденію, благородные и знаменитые, не могшіе сносить, чтобы на царскомъ престолѣ возсѣдалъ тотъ, кто, какъ они знали, былъ подобно имъ, измѣнникомъ царю Михаилу и виновенъ въ одномъ съ ними преступленіи. — Прежде они возмущались противъ Михаила, а теперь тоже самое рѣшили сдѣлать и въ отношеніи къ Вотаниату,

посему вооружились противъ него со множествомъ войскъ и не маловажными силами. Для отраженія этихъ мужей, противувонтеlemъ и вождемъ, по опредѣленію царя, тотчасъ назначается Комнинъ, имѣвшій тогда санъ Великаго Доместика ⁽¹⁾. И вотъ онъ выступаетъ противъ нихъ, отважно завязываетъ битву, схватывается съ ними не одинъ разъ, но многократно, подвергая опасности свою жизнь, и наконецъ побѣждаетъ противниковъ, пріобрѣтаетъ славный трофей, беретъ въ плѣнъ враждебныхъ вождей и, приведши ихъ въ царственный городъ, сдаетъ царю. Объ этомъ знаютъ все и эти событія переходятъ изъ устъ въ уста, такъ что нѣтъ ни одного благомыслящаго человѣка, которому они были бы неизвѣстны. Но когда Комнину, за эти и многія другія съ истиннымъ мужествомъ и геройствомъ совершенныя имъ великія дѣла, не было никакого вознагражденія и возмездія; когда напротивъ онъ замѣчалъ

⁽¹⁾ Доместиками у Римлянъ первоначально назывались преторианскіе воины, имѣвшіе обязанность охранять особу царя. Въ этомъ смыслѣ Греки давали имъ имя *οἰκιστῶν*, *οἰκιστῆς* (Amm. Marcell. L. 14 et 15). Цѣлая фаланга ихъ именовалась школою Доместиковъ (ib. L. 26). Лице, управлявшее ими, носило титулъ Великаго Доместика, или по преимуществу Доместика. Доместики пользовались особенною довѣренностію царей, и потому на нихъ часто возлагаемы были разныя должности какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціяхъ. Отсюда произошли названія: *Domesticus fossarum*—начальникъ лагеря (*Codin de offic. Constantinop.*, p. 50); *Domesticus mensae, vel rei domesticae*—завѣдывающій царскимъ столомъ и домашнею экономіею царя; *Domesticus legionum*—главнокомандующій; *Domesticus mitorum*—комендантъ крѣпости или города; *Domesticus regionum*—тоже, что генералъ-губернаторъ; *Domesticus judiciorum*—министръ юстиціи; *Domesticus scholarum*, и пр.

одну злую зависть, интриги и козни, какъ бы воздать ему за добро зломъ, вырвать у него глаза и погубить его, а вмѣстѣ съ нимъ стереть съ лица земли и Порфиророднаго: тогда это было для него уже невыносимо. Потому видя, что все его дѣла обращаются ему во зло, и помня, что нѣкогда его дядя добровольно передалъ другому свое наследство.... ⁽¹⁾ нынѣшнему обладателю престола никто изъ царскаго рода не передалъ его, слѣдовательно въ это наследіе втѣснился другой—человѣкъ совсѣмъ посторонній, и вмѣстѣ заботясь о собственной безопасности, какъ бы не потерпѣть чего худаго, ибо много уже было противъ него замысловъ,—онъ ушелъ изъ столицы и удалился въ Адрианополь. Нашедши же, что собранныя тамъ войска большею частию недовольны царствованіемъ Вотаниата, а ему преданы, такъ какъ подъ его предводительствомъ совершили много доблестныхъ подвиговъ, и заставляютъ его даже насильно провозгласить себя царемъ, Комнинъ склонился на ихъ желаніе и объявилъ свое наследственное право на престолъ послѣ своего дяди. Съ этого времени онъ беретъ въ свои руки скипетръ правленія, не имѣя однакожъ въ мысли лишить участія въ немъ Порфиророднаго, когда онъ придетъ въ надлежащій и потребный для управленія возрастъ. Да и могъ ли иначе по-

⁽¹⁾ Здѣсь въ греческомъ текстѣ пропускъ. Пропущенная мысль могла быть такова: «Комнинъ рѣшился возстановить право своего рода на царскій престолъ; зная притомъ, что

ступить тотъ, кто прежде употреблялъ всѣ средства для возведенія на престолъ Михайлова брата? Съ этою цѣлю онъ тотчасъ обручаетъ ему собственную дочь, (') дѣлаетъ его участникомъ въ царствованіи и въ дѣлахъ управленія, даетъ ему право принимать обыкновенныя привѣтствія и подписываться на грамотахъ красными чернилами, обѣщая ему чрезъ то въ будущемъ царское достоинство, и свидѣтельствуя, что имѣетъ твердое намѣреніе возвести его на царскій престолъ, когда придетъ время,—когда т. е. онъ успѣетъ возбудить въ народѣ доброе къ себѣ расположеніе и погасить въ немъ прежнюю къ себѣ непріязнь. И этотъ планъ осуществился бы, если бы прежде вкравшаяся въ Порфиророднаго тяжкая болѣзнь позволила ему взойти на такую высоту власти и не восхитила его вскорѣ изъ среды живыхъ. Да и самъ Вотаніатъ, когда Алексѣй Комнинъ, сдѣлавшись царемъ, подступилъ къ столицѣ, не возсталъ и не вооружился противъ него, но признавая за нимъ принадлежащее ему по родству право на царство, сложилъ съ себя власть безъ борьбы и не хотѣлъ оспаривать ее оружіемъ и войною, когда внутри—въ душѣ воевала противъ него совѣсть и поражала его съ той и другой стороны, т. е. представляя ему неродственность съ царскимъ домомъ его самаго, и родство съ нимъ Алексѣя Комнина.

(') То-есть Анну,—ту самую, которая послѣ смерти Константина, обрученная себѣ жениха, выдана была за Никифора Врѣннѣя и оставила намъ свою лѣтопись.

Итакъ Комнинъ не инымъ какимъ-нибудь способомъ достигъ царской власти, но путемъ права, поколику то-есть былъ кровнымъ родственникомъ дома Комниныхъ и находился въ родственной близости съ Дуками. Взявъ себѣ подругу жизни изъ рода Дукъ, онъ сочеталъ оба эти рода во едино и образовалъ изъ нихъ какъ бы одно (родовое) дерево. Притомъ, отличающееся древностію, какъ говорятъ, достойно большаго уваженія. Посему, уважая древній домъ Комниныхъ и Дукъ, и того, кто происходилъ изъ него, какъ на примѣръ Алексѣя Комнина, почитая имѣющимъ большее право на царство, чѣмъ кого другаго, всѣ охотно избрали его въ цари. Вѣдь если бы кто захотѣлъ по теченію времени восходить назадъ, то нашелъ бы, что родъ Дукъ есть первая отрасль поколѣнія великаго Константина; потому что и тотъ первый Дука, принадлежавшій къ числу лицъ, влѣдъ за великимъ Константиномъ оставившихъ древній Римъ и переселившихся въ новый, по крови, былъ ближайшій его родственникъ, именно племянникъ, котораго онъ возвелъ въ санъ Дуки константинопольскаго. Отъ него уже и всѣ потомки его стали называться Дуками. Такимъ образомъ царь Алексѣй, возвратилъ своему роду царскую власть и, какъ самъ возвысившись ею, такъ возвысивъ и ее, — поколику множествомъ великихъ дѣлъ наполнилъ востокъ и западъ, о чемъ свидѣлствуютъ событія,—предъ смертію передалъ скипетръ сыну своему Іоанну, имѣвшему на то двоякое право: то-есть, по происхожденію

и отъ рода Комниныхъ, въ которомъ царская власть, какъ выше сказано, сдѣлалась наследственной, и отъ рода Дукъ, котораго благороднымъ плодомъ была его мать. Да и кто послѣ Порфиророднаго, тогда уже умершаго, могъ имѣть большее право на престолъ? Отсюда видно, что тотъ славнѣйшій между царями Алексѣй, за присвоеніе царскаго скипетра, не только не заслуживаетъ обвиненія, но еще, по суду людей здравомыслящихъ, долженъ быть почитаемъ, какъ человѣкъ достойный похвалъ, и представляемъ, какъ добрый примѣръ и образецъ для потомковъ, чтобы и другіе, коль скоро видятъ, что естественные ихъ владыки не уважаются, и что перешедшее къ нимъ отъ предковъ право отнимается у нихъ, вступались за тѣхъ, которые терпятъ неправду и прилагали все стараніе къ тому, чтобы защитить ихъ и возвратить имъ то наследіе, котораго ихъ лишаютъ. Если же, по неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, они достигнуть этого не могутъ, то чтобъ насилію притѣснителя противопоставляли силу и изгоняли того, кто изгналъ ихъ изъ ихъ наследія, не позволяя ему наслаждаться плодами злой своей изворотливости, такъ какъ несправедливо поступающіе въ отношеніи къ другимъ не должны пользоваться тѣмъ, чего лишаютъ другихъ. Тѣ, которые тогда понимали это иначе и не только не присоединились къ Комнину, или, что все равно, къ Дукъ, для возвращенія имъ наследственного права, но еще нѣкоторымъ образомъ противодействовали имъ, не бросая оружія и не кланяясь природному ихъ владыкѣ, за ко-

торого скорѣе надлежало бы имъ поднять оружіе, — тѣ какого не заслужили наказанія! — Они достойны были не только потери денегъ, имущества и всякаго рода лишеній, но и самой смерти, и притомъ смерти тяжелой и плачевнѣйшей. Иначе какимъ бы образомъ Богъ сохранилъ первыхъ отъ злостраданій, если бы послѣднимъ не возмѣрялъ тою же мѣрою, какою они мѣряли? Такъ какъ они забыли естественное право и немилосердо дѣйствовали въ отношеніи къ природному своему властителю, то справедливо и имъ испытать немилосердіе свыше, и какъ враждующимъ противъ самаго Бога, повергнуться жестокой казни. А что это вступленіе на престолъ Алексѣя Комнина совершилось по мановенію свыше и по Божіей волѣ, — о томъ ясно свидѣтельствуетъ состояніе римскаго царства; ибо съ того времени дѣла въ немъ пошли къ лучшему и постоянно улучшаются донынѣ. Теперь, по благоволенію и милости Божіей, какъ на востокъ, такъ и на западъ все идетъ удачно; добрыя же послѣдствія явно указываютъ и на доброе начало.

Итакъ, изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ подвиговъ, ты, мудрѣйшая по уму и сердцу (¹), предложи мнѣ самый важный — описать дѣянія великаго Алексѣя, который, принявъ въ управленіе римскія области во времена трудныя, когда

(¹) Подъ этою метониміею Вріенній разумѣетъ, безъ сомнѣнія, супругу Алексѣя Комнина Ирину, которая, по словамъ Анны Комниной въ предисловіи къ ея лѣтописи, просила Вріеннія описать событія, предшествовавшія вступленію Алексѣя на престолъ, и тѣмъ освободить его отъ нареканія въ похищеніи царской власти.

дѣла Римлянъ, находились въ совершенномъ упадкѣ и готовы были совсѣмъ разстроиться, — всецѣло возстановилъ ихъ и возвысилъ до величайшей славы. Соединивъ мудрость съ мужествомъ, и сказать нельзя, сколько трофеевъ доставилъ онъ Римлянамъ быстротою своихъ дѣйствій; такъ что своими подвигами (¹) иныхъ непріятелей обратилъ въ бѣгство, другихъ поработилъ, а нѣкоторыхъ сдѣлалъ римскими союзниками. Описание его дѣяній было бы трудно, превышало бы мои силы, и я отказался бы отъ этой работы, если бы не понуждала меня къ тому геркулевская сила, внушающая мнѣ этимъ кратковременнымъ трудомъ хотя мало возблагодарить за полученныя мною величайшія блага. Да и чѣмъ другимъ могъ бы я достойно воздать (Алексѣю) за все, что онъ воздалъ мнѣ; когда бы прошелъ молчаніемъ его дѣянія и попустилъ имъ покрыться глубокимъ мракомъ забвенія? Если же мое слово не въ состояніи будетъ высказать все, то да не подвергнется оно за это ни отъ кого порицанію; ибо не исторію писать и не похвалы сплетать ему я намѣренъ: это не безъ труда могло бы быть сдѣлано даже съ способностію Фукидида и съ краснорѣчіемъ Димосѣена. Я приступаю къ сему дѣлу, имѣя въ виду только подать нѣкоторый поводъ другимъ, которые за-

(¹) Въ текстъ греческаго подлинника здѣсь опять пропускъ. По этому слову: *ὡς ἵνα τὰ πράγματα*, какъ ни къ чему не относящіяся, мы оставляемъ безъ перевода, а для связи рѣчи, прибавляемъ: «своими подвигами».

хотѣли бы описывать его дѣянія. Моему слову да будетъ имя лишь историческаго матеріала. Но время уже намъ начать.

КНИГА I.

I. Однимъ изъ рода Комниныхъ былъ знаменитый Мануилъ. Онъ служилъ посредникомъ по случаю сношеній и мирныхъ условій между тогдашнимъ скиптродержцемъ Василиемъ и Вардою (¹) Жестокимъ (*Σκληροῦ*), тиранствовавшимъ многіе годы и опустошившимъ едва не весь востокъ, и, стараясь соединить въ одно цѣлое расторгенныя части римскаго царства, очень умными и рѣшительными своими дѣйствіями въ самомъ дѣлѣ соединилъ ихъ. У этого Мануила было два сына, старшій назывался Исаакомъ, а младшій — Іоанномъ. Оба они были еще очень малы, и потому отецъ ихъ, заболѣвъ и замѣтивъ, что прибли-

(¹) Варда Жестокій — правитель восточныхъ областей Римской имперіи, стремясь къ верховной власти, всталъ противъ тогдашняго Византійскаго царя Василія II и брата его Константина младшаго Порфиророднаго. Zonag.

жается къ концу, вздумалъ того и другаго ввѣрить царю; ибо матери—охранительницы ихъ жизни, лишились они давно. Возымѣвъ это прекрасное намѣреніе, онъ осуществилъ его, — дѣйствительно передалъ своихъ сыновей царю. Царь, отличавшійся кротостію и умѣвшій уважать благородство, — и сказать нельзя, какъ заботился объ этихъ дѣтяхъ. Онъ поставилъ надъ ними педагоговъ (воспитателей) и педотривовъ (учителей), и однимъ приказалъ образовывать нравъ юношей, а другимъ — учить ихъ воинскому дѣлу: — искусно вооружаться, закрываться щитомъ отъ вражескихъ стрѣлъ, владѣть копьемъ, ловко управлять конемъ, бросать стрѣлу въ цѣль, вообще — знать тактику, то-есть умѣть, какъ слѣдуетъ, построить фалангу, рассчитывать засады, приличнымъ образомъ располагать лагерь, проводить рвы, и все прочее, относящееся къ тактикѣ. Мѣсто для сихъ занятій отведено было въ студійской обители (¹) — по двумъ причинамъ: во-первыхъ потому, чтобы они, подражая наилучшимъ мужамъ, и въ добродѣтели усовершеншались; во-вторыхъ потому, чтобы, находясь внѣ города, удобнѣе могли отправляться на охоту и заниматься оружіемъ.

2. Когда же оба они достигли совершеннолѣтія, — тотчасъ были причислены къ придвор-

(¹) Студійская обитель находилась за городомъ близъ золотыхъ воротъ, какъ это явствуетъ изъ хроники Alex. A. Neraclii 17. и изъ словъ Кедрина in Mich. Rhang. Мимо этой обители лежала дорога въ подгородное селеніе Филопатисовъ, куда цари выѣзжали на охоту и для гимнастическихъ упражненій. См. Not. ad Villhard. п. 39, и Syntagma de invent. Cap. S. Ioann. Bapt. с. 83 п. 8.

нымъ чинамъ; ибо у римскихъ царей было въ обычаѣ — дѣтей, принадлежащихъ вельможамъ и людямъ благороднымъ, причислять къ своей придворной свитѣ. Затѣмъ немного прошло времени, какъ они достигли уже великихъ почестей, сдѣлались епархами, начальниками фаланги и вождами. Такъ какъ симъ, столь знаменитымъ по происхожденію юношамъ, надлежало и браки устроить блистательные, то и это было для нихъ сдѣлано. Исаакъ женился на старшей дочери Болгарскаго царя Самуила, по имени Екатеринѣ; а Іоаннъ — на дочери Алексѣя Харона, которому царь ввѣрилъ дѣла Италіи, человека разсудительнаго и мудраго, могучаго и смѣлаго, который и прозваніе получилъ отъ мужества, — ибо названъ Харономъ оттого, что на кого бы изъ противниковъ ни напасть, убивалъ его на смерть. Женившиеся на его дочери, Аннѣ, по матери происходившей отъ Далассиновъ — отъ тѣхъ знаменитыхъ Адриановъ и Теофилактовъ, Іоаннъ сдѣлался отцемъ прекрасныхъ дѣтей. Изъ нихъ было пять сыновъ — Мануиль, Исаакъ, Алексѣй, Адрианъ, Никифоръ, и три дочери — Марія, Евдокія и Теодора, которыя оставались въ живыхъ до его смерти, ибо онъ при нихъ окончилъ жизнь. Но объ этомъ — послѣ; а теперь будемъ разсказывать, что слѣдуетъ.

5. Восходя отъ почестей къ почестямъ, оба брата до конца сохранили единодушіе: младшій во всемъ повиновался старшему, а старшій отдавалъ должную честь младшему. Когда же Исаакъ возведенъ былъ на высоту царскую; тогда брата поч-

тилъ онъ саномъ Куропалаты⁽¹⁾ и объявилъ его начальникомъ западныхъ войскъ, котораго нѣкогда называли Доместикомъ школь, а теперь титулуютъ великимъ Доместикомъ. Лишнимъ дѣломъ было бы говорить объ Исаакѣ, какъ онъ получилъ царскій скипетръ, сколько и какъ управлялъ царствомъ. Желающіе могутъ читать объ этомъ въ исторіяхъ. Что же касается до Іоанна, то получивъ, какъ уже сказано, начальство надъ западомъ, онъ въ своихъ дѣлахъ оставилъ незабвенный памятникъ и Оракіянамъ, и Македонянамъ, и Илирійцамъ, и Болгарамъ,—начальствующимъ и подчиненнымъ. И не было никого, кто не испыталъ бы душевной доброты этого мужа. Кроткій и умѣренный, какъ никто изъ людей, онъ привлекъ къ себѣ сердца всѣхъ, будучи, всегда скоръ на благотвореніе и медленъ на наказанія. Много и другихъ доказательствъ добродѣтели Іоанна, но не меньшею доблестію было и отреченіе его отъ царства. Какъ это случилось,—покажетъ слѣдующее повѣствованіе.

4. На третьемъ году своего царствованія, братъ его и царь, переѣхавъ за пропонтидскій проливъ, проводилъ время въ предмѣстіи городка Онората, часто ѣздилъ на охоту и занимался гим-

⁽¹⁾ Куропалатою (Κουροπαλάτης) въ восточной римской имперіи назывался министръ двора—*Curator palatii* ο' προκαθήμενος τῶν μεγάλων παλατίων, или ἄρχων τῶν παλατίων (de offic. Constantinop. p. 47). Во время торжественныхъ выходовъ онъ нѣлъ въ рукѣ золотой жезлъ (auream virgam) и непосредственно предшествовалъ царю (Corippus Africanus L. 1. Numer. 8). У древнихъ Галловъ куропалатъ соотвѣтствовалъ Majordomus.

настикой (для поправленія здоровья). Но эта гимнастика нисколько ему не помогала: его схватила обычная болѣзнь—колотье въ бокахъ. Три дня онъ перемогался, но наконецъ, почувствовавъ себя не хорошо, сѣлъ на царскій дромонъ⁽¹⁾ и переѣхалъ во дворецъ. Тутъ немедленно озаботила его мысль, кто будетъ послѣ него царствовать. Всѣмъ предпочиталъ онъ брата, какъ человѣка добродѣтельнаго и способнаго управлять дѣлами государственными. Посему Іоаннъ тотчасъ былъ призванъ,—и царь началъ слѣдующую увѣщательную къ нему рѣчь. «Любезнѣйшій братъ! конецъ жизни моей приблизился и нудитъ меня къ исходу.—Тебѣ надобно принять на себя дѣла общественныя и кормило правленія: это будетъ полезно, думаю, не только тѣмъ, которые одной съ нами крови, но и всѣмъ находящимся подъ властію Римлянъ. Итакъ, возложивъ на себя діадиму, пока я еще дышу, возми въ свои руки дѣла; ибо многіе, какъ тебѣ извѣстно, съ завистію посматриваютъ на римское царство». Выслушавъ эти слова, Іоаннъ рѣшительно отказался отъ управленія государственнымъ дѣлами и готовъ былъ скорѣе все потерпѣть, чѣмъ взять ихъ на себя. Таково было его расположеніе. Напротивъ жена его, узнавъ, что говорилъ онъ царю, огорчилась его отр-

⁽¹⁾ Царскій дромонъ (βασιλικὸς δρόμων) лодка длинная и быстрая на ходу, построилась нарочно для плаванія по константинопольскому проливу и Золотому Рогу, равно какъ для загородныхъ прогулокъ. Нынѣ для этого служатъ канки (Constant. de Admir. C. 41). Тѣ лодки, на коихъ перевозили тяжести, назывались δρόμονες ὀγκώδες или просто ὀγκώδες. Theophylact. Simocatta Hist. Mauric. L. 7. C. 10.

ченіемъ и, сѣвъ возлѣ мужа, обратилась къ нему съ слѣдующими словами: «для чего-это ты, господинъ мой, обнажаешь мечъ противъ самаго себя и противъ тѣхъ, которые должны быть тебѣ дороги, и никакой не имѣешь заботы ни объ этихъ несчастныхъ малюткахъ, ни обо мнѣ? Развѣ не знаешь, что кто другой ни получилъ бы власть надъ Римлянами, — поспѣшить истребить весь родъ нашъ, надѣясь чрезъ то прочнѣе утвердить за собою царство? Что это мы съ тобою такъ обезсмыслились, что себя и любезныхъ дѣтей подвергаемъ видимой опасности и отказываемся отъ римскаго царства—этого для всѣхъ драгоценнаго блага? Что за философія, столь вредная, и что за смиренничанье, столь неблаговременное! Итъ, если ты хоть сколько нибудь мнѣ вѣришь, —спѣши, какъ можно скорѣе, склониться на совѣты царя и брата, и возми въ свои руки дѣла правленія».

5. Сказавъ это и еще больше этого (ибо сильна была словомъ и дѣломъ), но не убѣдивъ мужа, она обратилась къ просьбѣ и стала умолять его съ слезами и воздыханіями; видя же, что онъ не смягается и ко всему безчувственъ, и отчаявшись въ возможности убѣдить его, замолчала и предалась скорби, скрывая ее въ своемъ сердцѣ. Такимъ образомъ Іоаннъ отрекся отъ царства,—и царь, видя, что болѣзнь его усиливается, и не надѣясь болѣе убѣдить брата, обратилъ свой взоръ на Константина Дуку — человека, обладавшаго великими дарованіями. Онъ тотчасъ призвалъ его и, поговоривъ съ нимъ объ общественныхъ дѣлахъ, возложилъ на него

діадиму и вѣнчалъ его царскимъ вѣнцемъ, снявъ съ себя напередъ порфиру и замѣнивъ ее ангельскою схимою (монаха). Послѣ сего царь отвезенъ былъ въ студійскую обитель; а Дука, принявъ бразды правленія, тотчасъ началъ истреблять любостяжательность и вводить повсюду умѣренность и справедливость, что и удалось ему. Видя, что весьма многіе вдалились въ неправосудіе, онъ обратилъ свое вниманіе на судопроизводство. Не взирая въ судъ на лица и не уклоняясь, по Пророку, ни на десно, ни на шуе, но шествуя царскимъ путемъ, онъ для обидчиковъ являлся строгимъ и грознымъ, и пресѣкалъ всѣ ухищренія неправды, а къ обижаемымъ былъ привѣтливъ и милостивъ. Равнымъ образомъ и въ отношеніи къ тому, кто воцарилъ его, не оказался онъ неблагодарнымъ, ибо когда Исаакъ, прежде собиравшійся умирать, по принятіи монашеской жизни и одежды и по удаленіи въ студійскую обитель, поправился отъ своей болѣзни и совсѣмъ выздоровѣлъ, —Дука оказывалъ ему всякія почести, именовалъ его владыкою и царемъ, уступалъ ему даже предсѣдательство, когда тотъ посѣщалъ его, — а посѣщалъ онъ его часто. И не Исаака одного чтить онъ, но и всѣхъ его родственниковъ—жену, дочь, брата и прочихъ. Проживъ такимъ образомъ годъ со времени нареченія Константина царемъ, Комнинъ умеръ.

6. Но законно правивъ римскимъ царствомъ въ продолженіе цѣлыхъ семи лѣтъ, Дука и самъ скончался; царскую же власть послѣ него приняла жена его Евдокія съ дѣтьми Михаиломъ и

Константиномъ ⁽¹⁾. Потомъ вскорѣ послѣ смерти Дуки умеръ и Куропалата, оставивъ, какъ было сказано, восьмерыхъ дѣтей — пять мужескаго и трехъ женскаго пола, которыхъ всѣхъ мать воспитала хорошо и достойно ихъ рода. Двѣ ея дочери, еще при жизни отца, были выданы замужъ за людей благородныхъ и богатыхъ: старшая Марія—за Михаила Таронитскаго, а вторая послѣ ней Евдокія—за Никифора Мелиссинскаго—человѣка мудраго и дивнаго, который по отцу происходилъ отъ рода Мортіевъ; послѣднюю же изъ всѣхъ Оеодору мать, уже послѣ смерти отца, выдала за сына Діогенова Константина, тогда какъ отецъ его уже получилъ скипетръ римскаго царства,—за человѣка благороднаго и храбраго, но съ характеромъ, какъ послѣ оказалось, не совсѣмъ похвальнымъ. Такова была судьба этихъ дѣвицъ. Изъ сыновей же старшій Мануиль, еще при жизни отца, началъ служить въ войскѣ и, подражая подвигамъ своихъ предковъ, старался сдѣлаться достойнымъ ихъ. Второй послѣ него, Исаакъ шелъ по слѣдамъ своего брата. Третій—Алексѣй отличался весьма многими достоинствами: лице его цвѣло такою красотою, какой не видавали ни въ комъ другомъ; онъ былъ всегда веселъ и полонъ добросердечія. Но что можно сказать о немъ равносильное чистотѣ его нрава и доблестямъ его души? Это былъ многосторонній обра-

⁽¹⁾ Къ этимъ двумъ сыновѣмъ Евдокіи другіе историки причисляютъ еще третьяго—Андроника: но ни изъ чего не видно, что онъ пережилъ своего отца.

зецъ красоты физической и нравственной,—какъ бы нѣкоторый прекраснѣйшій даръ (Богу), составившійся изъ двухъ противоположностей. Остроумный и дѣятельный больше всѣхъ, кого мы видали сами, онъ вмѣстѣ отличался такою кротостію души, что, кажется, совсѣмъ недоступенъ былъ для движеній гнѣва. Еще не дождавшись совершеннолѣтія, онъ упросилъ свою мать отпустить его вмѣстѣ съ братомъ на войну; и дѣйствительно слѣдовалъ за нимъ въ военныхъ его походахъ и, показавъ примѣры доблести,—носилъ щитъ (*σάκος*) превосходно дѣйствовалъ копьемъ, и скоро заставилъ говорить о себѣ всѣхъ. Но съ разказами о немъ надобно немного подождать; пусть наше слово идетъ послѣдовательно. Простираясь такимъ образомъ впередъ, по порядку, оно встрѣтится съ его дѣяніями послѣ того, какъ упомянетъ о двухъ прочихъ его братьяхъ. Эти братья были—Адріанъ и Никифоръ, тогда еще очень малолѣтние. Мать приставила къ нимъ учителей и приказала преподавать имъ науки, входившія въ кругъ воспитанія.

7. Когда бразды правленія принялъ Діогенъ-Романъ ⁽¹⁾, — первый изъ братьевъ, Мануиль сдѣлался очень близкимъ къ царю и возведенъ въ Протостраторы ⁽²⁾, а немного спустя, наимено-

⁽¹⁾ Діогенъ—Романъ, не происходившій изъ рода Дуковъ, сдѣлался царемъ потому, что Евдокія, по смерти перваго своего супруга Константина, вступила во второй съ нимъ бракъ.

⁽²⁾ Протостраторъ—почетная и высокая должность при восточномъ дворѣ. Лице, получавшее это званіе, заведывало царскими лошадьми, а во время путешествій царя заботилось и вообще

ванъ и главнокомандующимъ надъ восточными войсками. — Тогда, переправившись чрезъ Пропонтиду, онъ расположился въ Галатіи, потому что Турки начали уже опустошать восточныя области. Но сперва надобно разсказать по порядку, кто такіе Турки, откуда они сначала вышли и какъ потомъ сдѣлались сосѣдями Римлянъ. Первоначально они жили на сѣверѣ, по ту сторону Танаиса и Босфора, неподалеку отъ горъ кавказскихъ ⁽¹⁾. Этотъ народъ издавна независимый, питавшійся молокомъ, многолюдный и весьма воинственный, никогда не былъ поработенъ никакимъ другимъ народомъ. Когда Персія покорена была сынами Агари и владычество Сарациновъ простерлось не только на Персію, Мидію, Вавилонію и Ассирію, но и на Египетъ, Ливію и немалую часть Европы, и когда за тѣмъ потомки Агари, возставаая одни противъ другихъ, раздѣлили огромное свое царство на многія меньшія, — изъ которыхъ одно досталось одному, другое другому, что ввергло этотъ народъ въ междоусобныя войны: тогда сынъ Іамвранла, Магометъ, бывшій вождемъ Персовъ, Мидянъ и Авританцевъ (во дни царствованія Василія),

объ удобствахъ его помѣщенія при остановкахъ и ночлегахъ. Въ геральдикѣ двора великихъ Князей русскихъ Византійскій Протостраторъ называется Конюшимъ. Западные Римляне переводили это слово именемъ: Equiso, Hierolex. VI.

(1) Обитая на сѣверѣ отъ кавказскихъ горъ и по сѣвернымъ берегамъ Чернаго и Каспійскаго морей, Турки были еще народомъ кочующимъ; позднѣе они перешли въ среднюю Азію и, поселившись близъ сѣверовосточныхъ предѣловъ Персіи, получили имя Туркомановъ. Willhelm. Tyrius. l. 1. c. 7. Сюда-то присылалъ къ нимъ своихъ пословъ Магометъ и просилъ ихъ помощи.

и воевавшій съ Индійцами и Вавилонянами, замѣтивъ, что его дѣла идутъ безуспѣшно, счелъ нужнымъ отправить посольство къ предводителю Гунновъ ⁽¹⁾ и просить у него помощи, а для успѣха посольства, отправилъ къ нему съ послами и дорогіе подарки. Послы возвратились и привели съ собою три тысячи ратниковъ, имѣвшихъ своими предводителями Странголипа и Мукалета, сына Макеклова, которые, переправившись чрезъ Араксъ ⁽²⁾ по мосту, защищенному съ той и другой стороны башнями, вступили въ Персію. Присоединивъ такимъ образомъ къ своему войску этихъ наемныхъ Турковъ, Магометъ напалъ сперва на предводителя Арабовъ Писсарія и легко обратилъ его въ бѣгство; а потомъ, возвратившись въ свою землю, успѣшно сталъ вмѣстѣ съ союзниками готовиться къ войнѣ и противъ враждебныхъ Индійцевъ. Но Турки начали требовать и докучать, чтобы онъ отпустилъ ихъ домой, предоставивъ имъ только охраненіе моста на Араксѣ. Когда же Магометъ не хотѣлъ того и готовъ былъ употребить насиліе, — они, боясь, чтобы не случилось съ ними какой бѣды, рѣшились отложиться отъ него и удалились въ пустыню карбонитекую, откуда, не смѣя по своей малочисленности вступить въ

(1) Врѣнный называетъ здѣсь Турковъ Гуннами потому, что послѣднее названіе было общее или родовое; такъ какъ Турки были соплеменниками Гунновъ.

(2) Этотъ Араксъ надобно отличать отъ Аракса, впадающаго въ Каспійское море съ западной стороны. Араксъ, чрезъ который Турки вступили въ Персію, отдѣлялъ это государство отъ Туркестана и назывался также Оксосомъ. Ammian. 1, 23,

открытый бой съ столькими тысячами, дѣлали набѣги на земли Сарациновъ и производили грабежи и убійства.

8. Раздосадованный этимъ, Магометъ собралъ войско почти въ двадцать тысячъ и выслалъ его противъ Турковъ подъ предводительствомъ десяти вождей, извѣстныхъ между Сарацинами по своему мужеству и благоразумію. Отправившись въ походъ, они подошли къ Карбонитъ, но вступить въ пустыню, по недостатку тамъ воды и скудости въ продовольствіи, не сочли полезнымъ, а расположились лагеремъ у входа въ нее и соображали, какъ приступить къ войнѣ. Между тѣмъ Странголипъ, находившійся въ глубинѣ пустыни, узнавъ о вооруженіи противъ себя, посоветовался съ своими и, нашедши выгоднымъ самому напасть ночью на Агарянъ и Персовъ, послѣ двухъ дней ускоренной ходьбы, на третью ночь напалъ на нихъ,—тогда какъ они безпечно оставались въ палаткахъ и не ожидали никакой бѣды,—и легко обратилъ ихъ въ бѣгство. Получивъ чрезъ это огромную добычу и завладѣвъ большимъ количествомъ колесницъ и лошадей, Странголипъ уже не хотѣлъ долѣе оставаться въ Карбонитъ и, подобно бѣглецу и разбойнику, дѣлать нападенія скрытно, но явно вышелъ въ открытое поле; а между тѣмъ стали искать у него пристанища люди, за свои злодѣянія боявшіеся смертной казни, также не малое число рабовъ и бродягъ, питавшихся надеждою хищничества, такъ что въ короткое время около него собралась огромная сила, не меньше пяти-

десяти тысячъ человѣкъ. Такъ шли его дѣла. А Магометъ, негодуя на случившееся, десять возвратившихся военачальниковъ селѣшилъ, военовъ, избѣгшихъ опасности, грозилъ провести торжественно въ женскомъ платьѣ, самъ же сталъ готовиться дать отпоръ непріятелю.

9. Но воины, услышавъ о его угрозахъ, перешли къ Странголипу. И такъ, когда у Странголипа набралось такое множество всякихъ войскъ, онъ, соединивъ ихъ, двинулся на Магомета, чтобы скорѣе порѣшить дѣло генеральнымъ сраженіемъ. И Магометъ, съ своей стороны, вооруживъ Сарациновъ, Персовъ, Кабировъ и Арабовъ, и набравъ войска около пятисотъ тысячъ, съ сотнею вооруженныхъ башнями слоновъ, сѣвши въ свою очередь противустать лицомъ къ лицу Странголипу. Они дѣйствительно сошлись у такъ называемой Аспахи, (¹) и битва произошла жесточайшая: съ обѣихъ сторонъ пало много людей, палъ и самъ Магометъ. Не стрѣлою былъ онъ пораженъ, и не копьемъ; но, когда, сидя на конѣ, ободрялъ свой народъ, конь подъ нимъ поскользнулся, а съ конемъ упалъ на землю и самъ онъ и, сломивъ себя шею, умеръ. По смерти его, бывшая съ нимъ толпа Персовъ перешла на сторону Странголипа,—и Странголипъ немедленно отъ всѣхъ провозглашенъ былъ царемъ Персін. Провозглашенный царемъ, онъ посылаетъ истребить стражу на мо-

(¹) Аспаха, Аспаганъ или Испаганъ знаменитый персидскій городъ при рѣкѣ Сендеруѣ въ провинціи Герахъ, бывший некогда столицею персидскихъ царей около 72 лѣтъ. Hoffm. lex.

сту Аракса и зоветъ Турковъ въ Персидскую землю. Когда такимъ образомъ путь въ Персію былъ открытъ и переходъ чрезъ Араксъ сдѣлался удобнымъ, — Турки перешли туда почти всѣмъ народомъ, — исключая тѣхъ, которыхъ удержала на мѣстѣ любовь къ родинѣ, и, подчинивъ себѣ Персовъ и Сарациновъ, сами стали властителями страны, а Странголипа наименовали султаномъ, что означаетъ у нихъ царя царей и вседержца. Странголипъ отнялъ у Персовъ и Сарациновъ всякое начальство и, правительственные должности передавъ Туркамъ, подчинилъ имъ всю Персію.

10. Такъ-то, получивъ власть надъ Персами, Турки стали сосѣдями Римлянъ. Но можетъ быть нужно еще сказать и о причинахъ, по которымъ они начали воевать съ Римлянами, не смотря на то, что сначала боялись войны съ ними и трепетали отъ одной молвы о доблестяхъ трехъ предшествовавшихъ царей, — разумью Никифора Фоку, Іоанна и порфиророднаго Василія, — ибо думали, что у Римлянъ сохраняется еще тоже мужество и таже сила. Когда Странголипъ, сдѣлавшись какъ мы сказали, царемъ Персовъ, сталъ обладателемъ большого богатства и многочисленнаго войска и смирилъ Сарациновъ; тогда народы, обитающіе прежде по сосѣдству съ Персами и воевавшіе съ Магометомъ, сговорившись между собою, начали замышлять противъ Персовъ войну. Проникнувъ ихъ замысль, Странголипъ самъ выступилъ противъ правителя Вавилона Писсарія, разбилъ его не въ одномъ сраженіи, умертвилъ, и сдѣлался полнымъ властелиномъ надъ Вавилоня-

нами; а противъ вождя Арабовъ Кармеса выслалъ сына дяди своего, Кутлума, давъ ему сильный отрядъ войска. Но этотъ, сразившись съ Арабами, былъ побѣжденъ и постыднѣйшимъ образомъ бѣжалъ. Возвращаясь оттуда и намѣреваясь пройти чрезъ землю Мидянъ, онъ хотѣлъ расположиться станомъ вблизи Вааса, но, боясь владѣвшихъ тогда Мидією Римлянъ, отправилъ посольство къ правителю той страны (а правителемъ былъ тогда Стефанъ, дядя Константина, который пользовался особеннымъ благоволеніемъ тогдашняго царя и назывался также Лихудіемъ) и просилъ свободнаго пропуска, обѣщая не трогать страны и сохранить ее неприкосновенною. Но правитель, переговоривъ съ послами и принявъ ихъ просьбу за трусость, собралъ областное войско и сразился съ Турками, — неопытный въ военномъ дѣлѣ съ опытными; почему не только не сдѣлалъ ничего замѣчательнаго, но былъ побѣжденъ въ стычкѣ, — причемъ пало много Римлянъ, да и самъ онъ взятъ былъ въ плѣнъ. Находясь въ Бризіумѣ, Кутлумъ продалъ своего плѣнника, а самъ, возвратившись къ султану, оправдался въ неудачѣ своего похода и какъ-бы мимоходомъ замѣтилъ о Мидіи, что эта страна весьма плодородна, а держится женщинами, намекая тѣмъ на сражавшихся съ нимъ воиновъ. Воодушевленный этими словами, султанъ выслалъ противъ Римлянъ около двадцати тысячъ войска, поставивъ надъ нимъ военачальникомъ племянника Асана, прозваннаго Глухимъ, и поручивъ ему какъ можно скорѣе добраться до мидійской области и, если она сама не сдается

ему, занять ее силою. Съ тѣхъ-то поръ Турки, начавъ войну съ Римлянами, продолжаютъ ее и до настоящаго времени. Но обратимся къ тому, о чемъ мы начали было рассказывать.

11. Мануиль Куропалата, какъ сказано, былъ назначенъ отъ Діогена главнокомандующимъ надъ восточными войсками и, пребывая около Халтики, наблюдалъ за набѣгами Турковъ. Тутъ получилъ онъ извѣстіе отъ лазутчиковъ, что къ мѣстечкамъ Армянской области подступаетъ для грабежа множество Турковъ, подъ предводительствомъ Хризоскула, который происходилъ отъ султанскаго рода и потому полагалъ, что ему принадлежитъ власть надъ Персами. Узнавъ объ этомъ, онъ взялъ войско, выступилъ противъ Турковъ и, нашедши ихъ въ движеніи разсѣянномъ, какъ обыкновенно выходятъ для фуражировки, легко обратилъ въ бѣгство, но, преслѣдуя ихъ, слишкомъ приблизился къ турецкому лагерю и попалъ на засаду. Долго защищался онъ и мужественно боролся: когда же римская фаланга обратилась въ бѣгство, не могъ долѣе держаться, и тоже предался бѣгству, но былъ окруженъ Турками и взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ двумя своими зятьями, Мелиссинскимъ и Тарронитекимъ. Тутъ же попались и нѣкоторые другіе Римляне. Приведенный къ Хризоскулу, онъ размышлялъ, какъ-бы сдѣлать что-либо достойное своего рода, и дѣйствительно сдѣлалъ нѣчто заслуживающее разсказа. Узнавъ, что его побѣдитель отложился отъ султана и домогается владычества надъ Персами, онъ рѣшился подступить къ нему съ этой стороны. Посему,

пришедши къ нему, когда тотъ былъ одинъ, началъ испытывать его мысли, и когда узналъ, что этотъ человѣкъ находится въ большомъ страхѣ, не имѣя войска, достаточнаго для борьбы съ султаномъ, сталъ говорить ему съ участіемъ, а смягчивъ этимъ суровость его чувства, воспользовался дѣйствіемъ вкрадчивыхъ своихъ словъ для другой попытки. Если онъ ищетъ персидскаго царства, но не можетъ противустать его властелину, по неимѣнію сильнаго войска, говорилъ Мануиль; то ему никогда не достигнуть своей цѣли, пока онъ не перейдетъ на сторону римскаго царя и не приобрѣтетъ въ немъ себѣ союзника и помощника для исполненія задуманнаго дѣла. Хризоскулъ склонился на его совѣтъ и, отдавшись его руководству, поспѣшно прибылъ съ нимъ въ столицу. Такимъ образомъ побѣдившій оружіемъ былъ плѣненъ хитростію рѣчей. Это дѣло доставило Куропалатѣ великую славу, — и оно дѣйствительно было достойно похвалы. Царь благосклонно принялъ того и другаго и почтилъ большими подарками.

12. Съ началомъ весны, онъ выступилъ въ походъ противъ Турковъ, ведя съ собою и Хризоскула; но, когда дошли они до Вионіи, Куропалата, пораженный оталгіею (болѣзнь въ ушахъ), умеръ, оставивъ царя въ великой скорби; потому что онъ очень любилъ этого человѣка. Да и Хризоскулъ едва не отправился за нимъ: — горе до того одолѣло его, что онъ самъ желалъ разстаться съ жизнію. Такъ было съ царемъ и Хризоскуломъ. А мать Куропалаты, оставшаяся въ столицѣ, какъ ско-

ро услышала о болѣзни сына, тотчасъ догадалась, что это была болѣзнь трудная и неизлѣчимая и, поспѣшно переправившись на азіатскую сторону, прибыла въ митрополию Виноиіи. Узнавъ здѣсь, что сыну хуже, она переправилась чрезъ гору, которая у туземцевъ зовется Азала, и нашла его въ больницѣ одной обители въ честь Богоматери— (имя обители Безпечальная—*Ἀλυσος*) у подошвы сей горы, при послѣднемъ издыханіи. Съ ея приходомъ, окружавшіе Куропалату подняли вопль, а онъ, видя, что пришла мать, торопливо всталъ съ постели, обнялъ ее, сталъ цѣловать и, не имѣя силъ при этомъ высказать ей что нибудь, просилъ только удостоить его одной съ нею могилы. Затѣмъ онъ тотчасъ легъ и, спустя немного, умеръ; а доблестная и бодрая духомъ мать, отдавъ сыну священный долгъ и оплакавъ его, какъ слѣдовало, что лишилась такого сына—воинна и вмѣстѣ военачальника, немного успокоилась отъ своей горести и потомъ послала къ царю славнаго своего Алексѣя, чтобы и этотъ находился съ нимъ въ походѣ. Прощаясь съ матерію и проливая ручьи слезъ, Алексѣй какъ бы расторгаясь былъ двумя чувствованіями—любовію къ матери и жаждою войны; потому что едва ли кто болѣе его и любилъ войну, и привязанъ былъ къ матери. Отправившись оттуда, онъ прибылъ къ царю въ то время, какъ послѣдній, оставившись у Дорилеи ⁽¹⁾, собиралъ войско. Увидѣвъ

(1) Дорилея—городъ великой Фригіи при рѣкѣ Гермусѣ. Plin. l. 5 cap. 29.

его и вспомнивъ о несчастіи, царь началъ плакать и спрашивалъ его о матери, а въ заключеніе побуждалъ возвратиться домой, говоря, что не хорошо оставлять мать безъ утѣшенія въ столь великой горести и къ одной скорби прибавлять другую, то есть, къ смерти того—и твою долговременную отлучку. Такъ говорилъ царь. Но Алексѣй усиливался остаться и слѣдовать за царемъ въ походѣ противъ варваровъ; только, высказывая это желаніе, онъ не убѣдилъ царя: царь приказалъ препроводить его къ матери противъ его воли. Такъ онъ и отправился, а царь, подвигаясь впередъ, собиралъ римскія войска и готовился къ войнѣ.

13. Достигши Каппадокіи, онъ созвалъ главнѣйшихъ военачальниковъ и, предложивъ имъ войти въ совѣщаніе о войнѣ, спрашивалъ о томъ, слѣдуетъ ли имъ вторгнуться въ Персію и тамъ схватиться съ Турками, или оставаться на своей землѣ и ожидать ихъ прихода, ибо уже донесено было, что и султанъ вышелъ изъ Персіи и спокойнымъ, медленнымъ шагомъ идетъ на Римлянъ. Тогда одни, болѣе самонадѣянные и склонные къ лести, предлагали, что лучше не оставаться на мѣстѣ, а идти впередъ и схватиться съ султаномъ въ Ватанъ ⁽¹⁾ Мидійской; а Магистру ⁽²⁾ Іосифу

(1) Ватана—тоже что Экватана, городъ древней Персіи и Мидіи при рѣкѣ Евфратѣ. По свидѣтельству Псидора харапейскаго, онъ былъ хранилищемъ сокровищъ, принадлежащихъ царямъ персидскимъ.

(2) Значеніе титула *Магистръ*—*Magister*, въ геральдикѣ какъ западной, такъ и восточной римской имперіи имѣло ближайшую связь

Трахониоту, начальствовавшему тогда надъ многими полками, и Дукеу (¹) всего запада Никифору Вриеннию такіе совѣты представлялись весьма ошибочными и опасными. Посему они умоляли царя, если только можно, выжидать и влечь непріятелей къ себѣ, а окружные города укрѣпить и поля выжечь, чтобы непріатели имѣли недостатокъ въ продовольствіи; когда же не то, — по крайней мѣрѣ дойти только до Θεοδοсіополя и, тамъ остановившись лагеремъ, ожидать непріятелей, чтобы недостатокъ въ вещахъ необходимыхъ принудилъ султана схватиться съ Римлянами на такой мѣстности, которая представляетъ имъ выгоды боя. Но это была пѣсня для глухого, и совѣты льстецовъ одержали верхъ. Надлежало послушаться людей, доказавшихъ уже свое мужество; а онъ внималъ болѣе льстецамъ, чѣмъ добрымъ совѣтникамъ, гордясь прежними своими трофеями и много думая о нихъ, что т. е., взялъ крѣпость

съ значеніемъ слова *magistratus*. Магистромъ вообще назывался начальникъ или предсѣдатель какого нибудь правительственного мѣста, или *ἐξάρχος τινος πράματος*. Отсюда — Магистръ корабля; Магистръ — педагогъ, Магистръ хора, Магистръ счетоводства, Магистръ церемоній, Магистръ пира, Магистръ всадниковъ или дворянства, Магистръ войска, — тоже, что начальникъ штаба, Магистръ правовъ или цензоръ, Магистръ народа или диктаторъ, и проч. Hoffm. Lexic. univers.

(¹) Дукеъ (*dux*) сперва было именемъ должности и означало командующаго корпусомъ войска; потомъ — почетнымъ титуломъ, и прилагалось къ императорамъ и правителямъ областей, которые имѣли въ своихъ рукахъ власть военную и гражданскую; а наконецъ титулъ Дукеа (князя) сдѣлался наследственнымъ. Hoffmann. Lexic. univ. Вриенний былъ Дукеъ, какъ дѣйствительный правитель западныхъ областей восточной римской имперіи.

Мебетъ и, встрѣтивъ Турковъ, шедшихъ для фуражировки отдѣльными отрядами, обратилъ ихъ въ бѣгство и многихъ изъ нихъ перебилъ, а не мало даже взялъ въ плѣнъ. Этими-то гордясь трофеями и надѣясь болѣе надлежащаго на то, что имѣлъ при себѣ больше войска, чѣмъ сколько бывало у его предшественниковъ, онъ со всѣмъ своимъ войскомъ пошелъ прямо въ Персію и направился противъ непріятелей.

14. Когда онъ достигъ Мазикерта (¹), съ нимъ встрѣтился Василакѣ, ведшій съ собою не мало войска изъ Сиріи и Арменіи. Это былъ человекъ отважный, сильный, но дерзкій и неудержимый въ порывахъ. Желая польстить царю, онъ на его вопросъ не сказалъ ничего путнаго о томъ, что писалъ ему Вестархъ (²) Левъ Діаванскій, будто султанъ, узнавъ о походѣ (Римлянъ) и испугавшись силы ихъ, оставилъ Персію и убѣжалъ въ Вавилонъ. Положившись на эти слова, царь раздѣлилъ войско на двѣ части и одну удержалъ на мѣстѣ, а другую выслалъ къ Хлеату, поставивъ надъ нею военачальникомъ Юсифа Траханиота, мудраго въ воинскихъ дѣлахъ совѣтника и искуснаго полководца, но въ то время вовсе не расположеннаго въ пользу такого распоряженія и совѣтовавшаго царю всѣ силы держать внутри своей земли и не раздѣлять войска, такъ какъ

(¹) Мазикертъ — городъ мидійскій; Греки называли его Θεοδοσιопολεμъ. Isaac. Catholicus Invectiva II in Armenios p. 411.

(²) Вестархъ — почетный титулъ областнаго правителя. См. Zonar. p. 218. 219. Allatius de libr. eccles. Graec. dissert. II, p. 169 cact.

непріятели находятся вблизи. Не убѣдивъ однакожь царя своими словами, онъ поднялся съ полками и отправился къ Хлеату. А городъ Хлеатъ находился во владѣніи Турковъ и былъ достаточно снабженъ турецкимъ гарнизономъ. Не прошло еще трехъ дней, какъ Турки уже сдѣлали нападеніе на Римлянъ, вышедшихъ для сбора сѣна, и однихъ побили, а нѣкоторыхъ взяли въ плѣнъ. Какъ скоро донесли объ этомъ царю, онъ тотчасъ позвалъ Васиlaki и спрашивалъ его о Туркахъ,—кто такіе здѣсь нападаютъ и откуда они пришли. Тотъ, по обычной своей необдуманной дерзости, утверждалъ, что это просто толпа изъ Хлеата, вышедшая для грабежа. Такимъ образомъ царь остался въ совершенномъ невѣдѣніи, что султанъ съ войскомъ находится недалеко отъ его лагеря и хорошо располагаетъ ходомъ войны. Желая завлечь царя впередъ и заманить его въ свои сѣти, онъ высылалъ передовые отряды, которые подбѣзжали къ оградѣ римскаго стана и тотчасъ отбѣгали, показывая видъ, что обращаются въ бѣгство. Дѣлая это часто, они схватили нѣкоторыхъ начальниковъ, изъ коихъ первымъ былъ схваченъ Васиlaki. Желая убѣдить царя, что набѣги эти дѣлаютъ не воины изъ персидскаго войска, а жители Хлеата, онъ испросилъ дозволеніе выйти за ограду стана, обнажилъ саблю, прищипорилъ лошадь, и безъ всякихъ предосторожностей устремился на непріятелей; да и окружавшіе его слѣдовали не въ порядкѣ, а кому какъ случилось. Непріятели замѣтивъ, что они несутся въ безпорядкѣ, притворились бѣгу-

щими; но когда увидѣли, что отвлекли ихъ далеко отъ ограды стана, вдругъ повернули коней и, напавъ на нихъ порознь, разбили ихъ на голову. Тутъ пало много воиновъ, такъ что почти не осталось, какъ говорится, и вѣстника, чтобы сказать о несчастіи; тутъ же взяли были въ плѣнъ и Васиlaki.

15. Когда донесено было царю, что Васиlaki, вышедши за ограду стана, безъ порядка понесся на непріятелей,—онъ призвалъ Вріеннія, Дукса всего запада, командовавшаго теперь лѣвымъ крыломъ, и приказалъ, чтобы онъ, со ввѣреннымъ ему войскомъ, какъ можно скорѣе вышелъ и помогъ Васиlaki, если съ нимъ случится что нибудь опасное, и поддержалъ его при отступленіи;—ибо началъ уже предчувствовать бѣду. Вріенній пошелъ и вывелъ войско за ограду, но вышедши, никого не видѣлъ,—ни друзей, ни недруговъ. Потомъ, идя поспѣшно впередъ, сталъ замѣчать, что непріятели расположились около холмовъ; а прошедши еще немного, нашелъ и мертвые тѣла и недоумѣвалъ, что бы такое могло случиться съ Васиlaki. Въ эту минуту наткнулся онъ на одного воина, еще дышавшаго, и спросилъ его, куда дѣвался Васиlaki и что значитъ видимое здѣсь. Пока тотъ все рассказывалъ, Турки стали собираться со всѣхъ сторонъ и намѣревались окружить фалангу. Замѣтивъ это, Дуксъ сталъ убѣждать воиновъ явить себя доблестными и не дѣлать ничего унижительнаго, недостойнаго геройскаго духа Римлянъ. Затѣмъ повернулъ фалангу лицомъ къ лагерю и пошелъ въ порядкѣ, не обращая вниманія на преслѣ-

довавшихъ. Подошедши же весьма близко къ оградѣ, взявъ онъ часть фаланги и, приказавъ прочимъ оставаться на мѣстѣ, внезапно понесся на преслѣдовавшихъ и легко обратилъ ихъ въ бѣгство; но когда замѣтилъ, что и другіе изъ непріятелей стекаются въ огромномъ числѣ, — взялъ всѣхъ своихъ и опять началъ отступать къ фалангѣ. Между тѣмъ Турки надвинули на него и окружили; онъ былъ уже раненъ копьемъ въ грудь, а двумя стрѣлами въ спину, но подвизаясь геройски, присоединился къ фалангѣ и вмѣстѣ съ нею прибылъ въ лагерь. Пришедши къ царю онъ разсказалъ ему о случившемся и получилъ приказаніе оставаться въ палаткѣ и залѣчивать раны.

16. Въ ту пору онъ пошелъ въ палатку. Но лишь только разсвѣло и солнце поднялось на горизонтъ, его немедленно позвали къ самодержцу, — и онъ, не обращая вниманія на раны, отправился. Тутъ въ совѣтѣ предложено было для рѣшенія, вытти ли на войну, или держать войско внутри стана. Одни весьма умно полагали оставаться внутри ограды и обратно призвать полки отъ Хлеата; а льстецамъ показалось лучшимъ противное — потому ли, что они такъ и думали, сказать не могу, только совѣты худшіе опять взяли верхъ. Итакъ войска были выведены. Турки наступали съ силою и въ большомъ количествѣ. Произошло сраженіе, — и въ бою пало много Турковъ, а еще больше Римлянъ. Раненъ былъ во многихъ мѣстахъ тѣла и самъ Вріенній, но будучи искусенъ въ воинскомъ дѣлѣ, сохранилъ въ цѣлости большую часть своей фаланги. Видя, что Турки силь-

но нападаютъ, царь самъ вывелъ войска, какъ-бы для сраженія, и построилъ ихъ предъ оградю. Правое крыло велъ Аліатъ, Каппадокіецъ, человекъ близкій къ царю, лѣвое — Вріенній, а серединою управлялъ самъ царь; начальство же надъ заднею частию войска поручено было сыну Кесаря (¹), Проедру (²) Андронику, командовавшему полками союзниковъ и архонтовъ, человекъ и знатнаго рода, и отличному во всѣхъ отношеніяхъ; ибо онъ и по разсудительности былъ выше всѣхъ, и мужествомъ превосходилъ другихъ, и хорошо зналъ воинское дѣло, но не очень былъ расположенъ къ царю.

17. Видя, что царь выстраиваетъ войска не по фалангамъ и не по отрядамъ, и не желая попасть Римлянамъ въ руки, Турки притихли. Султанъ, стоя гдѣ-то вдалекѣ, устроялъ все нужное для войны (³), а самое дѣло битвы поручилъ евнуху, человекъ у него весьма сильному, по имени Тарангъ, вѣривъ ему значительнѣйшую часть войска. Таранга, раздѣливъ войско на много частей, устроилъ мѣста

(¹) Кесаремъ римскіе императоры со временъ Августа называли то лице, которое допускалось къ царствованію или предназначалось къ наслѣдованію престола, и въ послѣднемъ случаѣ оно именовалось также *princeps juventutis* (Tacit. annal. L. 1. c. 3). Кесарь отличался также самою одеждою: потому что ему давалось право надѣвать багряницу — только безъ золота. Это установлено было въ первый разъ Адріаномъ (Ioh. Rosin. antiquit. Roman. L. VII. c. 13).

(²) Проедръ — (Πρόεδρος) одинъ изъ почетныхъ титуловъ, которыми Греки награждали отличившихся въ сраженіи. Hoffmann. Lexic. univers.

(³) Описываемое здѣсь сраженіе, по сказанію арабскаго историка Ел-Мадина, произошло въ 1069 году.

засады, скрытно расположилъ въ нихъ отряды и приказалъ, обошедши римскіе полки со всѣхъ сторонъ, пускать въ нихъ стрѣлы. Римляне, видя, что ихъ лошади падаютъ, вынуждены были нападать на враговъ, и когда тѣ намеренно обращались въ бѣгство, преслѣдовали ихъ, а такимъ образомъ попадали на ихъ засады и терпѣли много вреда. Когда же царь, желая за всѣхъ принять на себя всю бѣду, медленно пошелъ впередъ въ той надеждѣ, что найдетъ фалангу Турковъ, сразится съ нею и тѣмъ окончитъ войну,—Турки разсыпались во всѣ стороны. Но потомъ, стремительно обратившись назадъ, съ крикомъ напали на Римлянъ и обратили въ бѣгство правое крыло ихъ. При этомъ отступило и заднее (аррьергардъ) войско; а Турки, окруживъ царя, ударили на него со всѣхъ сторонъ. На защиту его устремилось было лѣвое крыло, но не было допущено Турками, которые, находясь въ тылу царскаго отряда, окружили и это крыло, и принудили его къ бѣгству. Будучи отрѣзанъ со всѣхъ сторонъ и лишень подкрѣпленія, царь обнажилъ мечъ на враговъ, многихъ умертвилъ, а другихъ заставилъ обратиться въ бѣгство. Но окруженный множествомъ непріятелей, получилъ рану въ руку и, узнанный, кто онъ такой, отвсюду обхваченъ былъ врагами. При этомъ стрѣла поразила его коня,—и онъ, повалившись, уронилъ съ собою и всадника. Такимъ образомъ римскій царь (не знаю, по какимъ причинамъ такъ устроилъ божественный Промыслъ) дѣлается плѣнникомъ и связанный отводится къ султану. При этомъ взята была въ плѣнъ не

малая часть и другихъ военачальниковъ; прочіе же либо сдѣлались добычею меча, либо спаслись бѣгствомъ. Взяты были также—и весь лагерь, и царскій шатеръ, и казна, и драгоцѣннѣйшіе изъ царскихъ знаковъ, между которыми находилась и знаменитая жемчужина, называвшаяся сиротою (*ορφανὴ*). Спасшіеся же отъ пораженія разсѣялись—кто куда, спѣша добраться до своей родины.

18. Спустя немного дней послѣ того, кто-то изъ убѣжавшихъ съ поля сраженія первый возвѣстилъ въ (столичномъ) городѣ о несчастіи, за нимъ тотчасъ другой, заѣзжими третій, четвертый,—но никто не могъ какъ должно объяснить дѣла; рассказывали только о несчастіи, и каждый толковалъ по своему: одни утверждали, что царь убитъ, другіе—что онъ взятъ въ плѣнъ, третьи—что сами видѣли его раненымъ и поверженнымъ на землю, а иные,—что онъ былъ связанъ и отвезенъ въ станъ враговъ. Объ этомъ доложили царицѣ,—и немедленно позванъ (въ столицу) Кесарь, который, находясь въ подозрѣніи у царя, проживалъ въ Вионніи и занимался охотою. Еще не успѣлъ онъ прибыть, какъ царица уже разсматривала въ совѣтѣ вопросъ, что теперь дѣлать. Всѣ согласились оставить царя, взятъ ли онъ въ плѣнъ, или убитъ, и управлять царствомъ ей и ея дѣтямъ. Дѣло еще не было рѣшено, какъ присоединился къ совѣту и Кесарь. Онъ одобрилъ это государственное постановленіе и прибавилъ, что въ царствованіи должны участвовать оба правительственные лица—мать и старшій изъ ея сыновей. Сынъ долженъ почитать свою мать, какъ

родительницу, а мать вмѣстѣ съ сыномъ должна благоустроить дѣла государства. Это понравилось и (избранному) царю Михаилу, и онъ легко согласился съ желаніемъ дяди. Но люди, желавшіе поживиться на счетъ государственныхъ дѣлъ и рѣшить дѣло о царской власти по своимъ корыстнымъ видамъ, стали одну подстрекать къ единовластительству, а другаго спѣшили вооружить противъ матери.

19. Но еще не утихло это волненіе, какъ начало возбуждаться и шумѣть другое. Вождь Персовъ, увидѣвъ римскаго царя своимъ плѣнникомъ, не возгордился удачею, но смирился такимъ счастливымъ для него исходомъ дѣла и воспользовался побѣдою такъ умѣренно, какъ никто не ожидалъ. Онъ утѣшалъ плѣнника, раздѣлялъ съ нимъ трапезу, освободилъ для него тѣхъ изъ узниковъ, кого онъ хотѣлъ, а наконецъ и самаго отпустилъ изъ плѣна ⁽¹⁾. Совершивъ съ нимъ обрядъ мира и взявъ съ него клятвенныя обѣщанія, не унижительно для достоинства Римлянъ (ибо царь готовъ былъ скорѣе умереть, чѣмъ принять условія примиренія, недостойныя его величія), онъ немедленно, съ какою только возможно пышностію и воинскими почестями, препроводилъ его въ предѣлы его царства. Это-то обстоятельство и сдѣлалось источникомъ зла и причиною мно-

⁽¹⁾ Впрочемъ это дружелюбное расположеніе къ римскому царю не воспретствовало Султану, по тогдашнему обычаю варваровъ, употреблять тѣло царственнаго плѣнника вмѣсто подвожной скамейки для восхожденія на престолъ. Tyrius, Guillemus Apuliensis. 1. 2.

гихъ несчастій. Получивъ неожиданно то, чего не надѣялся, царь нисколько не сомнѣвался, что безпрепятственно снова вступить въ управленіе Римлянами, и, сдѣлавшись для царицы какъ бы вѣстникомъ о своемъ счастіи послѣ того величайшаго несчастія, написалъ къ ней собственноручно письмо о томъ, что съ нимъ случилось. Тотчасъ же около дворца собрался народъ и поднялся шумъ, при чемъ одни удивлялись случившемуся, другіе не вѣрили. Царица колебалась, не зная, что предпринять, и, созвавъ приближенныхъ къ себѣ людей, предложила имъ свое недоумѣніе.

20 ⁽¹⁾ Боясь за себя и за дѣтей брата, чтобы не потерпѣть чего-либо отъ Діогена, если Діогенъ тотчасъ приметъ правленіе, Кесарь немедленно приблизилъ къ себѣ дворцовыхъ стражей. Этотъ народъ прибылъ изъ варварской страны, находящейся близъ океана, и издревле отличался вѣрностію римскимъ царямъ, вооружаясь щитомъ и нося на плечахъ сѣкиру. И такъ, раздѣливъ сихъ стражей на двѣ части, однимъ приказалъ онъ слѣдовать за сыновьями и исполнять ихъ приказанія, а другимъ—идти за нимъ и подъ его водительствомъ выполнить задуманное предпріятіе. Тогда бывшіе при знаменитомъ Андроникѣ и Константинѣ (такъ назывались двое сыновей Кесаря), обступивъ царя (т. е. Михаила) и составивъ

⁽¹⁾ Въ греческомъ подлинникѣ здѣсь пропускъ. Августъ Мейнеке, не рѣшаясь возстановить греческій текстъ, пополняетъ недостающее слѣдующею латинскою фразою: At Caesar non deliberationibus ducendis, sed actionibus repraesentandis rem obtineri certius ratus...

около него кругъ , повели его въ верхніе покои дворца и тамъ , въ слѣдъ за дѣтьми Кесаря , провозглашали самодержцемъ Михаила , а находившіеся при Кесарѣ , ударяя въ щиты , по варварскому обычаю , издавая радостные крики и бряцая взаимно скрещаемыми саблями , направились къ покоямъ царицы. Услышавъ этотъ шумъ и крикъ , она накинула на голову покрывало и убѣжала въ одну потаенную комнату , походившую на пещеру. Между тѣмъ какъ царица скрывалась въ этомъ уголкѣ , тѣ , обступивъ входъ въ него , кричали и наводили на нее великій ужасъ ; такъ что она умерла бы , можетъ быть , если бы не вошелъ къ ней Кесарь и не разсѣялъ ея страха. Онъ посоветовалъ ей уйти изъ дворца , чтобы не потерпѣть отъ стражей чего-нибудь худого. Она согласилась и , спустившись къ морю , взшла на царскій дромонъ и поплыла туда , гдѣ ей опредѣлено было жить ,—т. е. къ храму (') , который сама соорудила во имя Богородицы , въ предмѣстьѣ Стеносѣ , находившемся при морѣ. Потѣмъ , не много спустя , дано было ей новое повелѣніе вступить въ монашество ,—что немедленно и исполнено. Такъ поступили съ царицею.

21. А освободившійся изъ плѣна царь Діогенъ считалъ для себя крайне несноснымъ—не получить снова верховной власти. Посему , разсылая по всеѣмъ городамъ и селамъ нарочитыхъ , онъ собиралъ войска и запасался деньгами. Когда изъ

(') Этотъ храмъ впоследствии сдѣлался храмомъ монастыря , который въ лѣтописи Анны Компиной 1, 9, называется Пикеродъ.

множества стекшихся къ нему людей составилъ у него значительный отрядъ , онъ со всеѣмъ своимъ войскомъ занялъ прославляемый всеѣми городъ Амасію. Узнавъ объ этомъ , приближенные къ царю и Кесарю стали думать , кого бы выставить для борьбы съ Діогеномъ , и положили въѣрить римское войско младшему изъ сыновей кесаревыхъ , человѣку мужественному и отличавшемуся дивною остротою ума. Взявъ войско , онъ выступилъ противъ Діогена и , подошедши къ Амасіи , сначала стянулъ полки и , тревожа противника стрѣльбою , всячески старался или взять городъ , или выгнать изъ него Діогена. Въ самомъ дѣлѣ , находясь въ стѣснительномъ положеніи , Діогенъ принужденъ былъ вывести войско и сразиться съ Дукою. Тогда схватились оба войска ,—и пало весьма много доблестныхъ воиновъ какъ съ той , такъ и съ другой стороны. Наконецъ , когда Константинъ Дука отважно бросился на стоявшихъ въ челѣ и сдѣлалъ натискъ на ихъ фалангу ,—воины Діогеновы обратились въ бѣгство. При этомъ много пало защитниковъ Діогена , самъ же онъ убѣжалъ и съ немногими заперся въ одной крѣпости. Этотъ первый успѣхъ воодушевилъ приверженцевъ царя Михаила и положилъ начало гибели Діогена. Онъ и тогда уже попался бы въ плѣнъ , если бы—не слѣдующій случай. Былъ въ то время нѣкто , по имени Хутатарій , производившій свой родъ изъ Арменіи , человѣкъ умный и мужественный. Получивъ отъ Діогена одну изъ самыхъ важныхъ правительственныхъ должностей , когда Діогенъ былъ еще

римскимъ царемъ, онъ теперь, желая воздать ему благодарностію въ его несчастіи, привелъ къ нему большое число ратниковъ, совѣтовалъ ему не унывать и обѣщалъ весьма много, но отклонялъ его отъ сраженія съ войсками Дуки Константина, а перевелъ въ Киликію, въ ущелья тамошнихъ горъ ⁽¹⁾, гдѣ увеличилъ его войско, снабдилъ его оружіемъ, далъ денегъ и, во время войны съ противникомъ, обѣщалъ держать военные расходы.

22. По этому случаю царю Михаилу и Кесарю опять настала надобность въ совѣтахъ, — и члены сената были собраны. Однимъ казалось лучше примириться съ Діогеномъ и уступить ему часть верховной власти, другимъ же — воевать съ нимъ и никакъ не допускать его вступить снова на престолъ. Сперва было принято предложеніе мира, — и отъ царя Михаила послана была къ нему чрезъ пословъ грамота, съ обѣщаніемъ забвенія зла. Но Діогенъ, которому какъ будто приписывали какое-то зло, тогда какъ онъ не сдѣлалъ ничего злаго, по справедливости отвергъ такое предложеніе, и не только не отказывался отъ царства, но и объявилъ себя крайне несправедливо оскорбленнымъ. Такъ шло дѣло съ Діогеномъ. Между тѣмъ ненавистникъ добрыхъ людей воздвигъ гоненіе на Комниныхъ, — и вотъ какъ это было. Онъ

⁽¹⁾ Киликія была страна самая гористая, ибо по всѣмъ направленіямъ прорѣзывалась скалистыми отроками Тавра. Притомъ въ Киликіи было построено множество крѣпостей, которыя по гористой ихъ мѣстности, были непреодолимы. Поэтому Киликійскія ущелья совершенно обезопасивали войска Діогена.

нашелъ одного дерзкаго на словахъ человѣка и, изощривъ языкъ его, какъ змѣиный, вооружилъ его противъ благородной матери Комниныхъ. Сплетши нѣкоторую клевету — порожденіе лжи, онъ составилъ подложное письмо отъ имени Комниной къ Діогену, и представилъ его царю. Царь, не обративъ вниманія на то, кто такой обвинитель, тотчасъ же увлекся гнѣвомъ. Собравъ судъ, — и эта благородная, мужественная и мудрая жена позвана во дворецъ. Является. Но царь самъ постыдился принять участіе въ разсужданіи дѣла; пришли же только судьи, да госпожа, — и глашатай позвалъ ее къ суду. Мужественная и великодушная, она приступаетъ съ свѣтымъ лицомъ и, спокойно вынувъ находившуюся у ней подъ верхнею одеждою икону Судіи всѣхъ, съ внушающимъ уваженіе видомъ и взоромъ обращается къ судьямъ и говоритъ: «здѣсь предстоитъ теперь Судія мой и вашъ; взирая на Него, произнесите мнѣніе, не недостойное Судіи, видящаго тайная». Выслушавъ это сильное слово, судьи были поражены страхомъ, и нѣкоторые, порицая клевету, стали отказываться отъ участія въ судѣ; ибо истина просіяла (для нихъ), какъ огонь, таившійся подъ пепломъ. Но, тогда какъ одни питали въ сердцѣ своемъ страхъ Божій и болѣзновали духомъ спасенія, другіе, желавшіе все дѣлать въ угоду сильнымъ, остались строгими ея судьями. Впрочемъ, такъ какъ имъ невозможно было подтвердить клевету, а между тѣмъ они совѣстились державнаго, еще же болѣе совѣстились того, кто

устроилъ эту клевету; то, не произнося рѣшительнаго суда, положили оставить дѣло въ подозрѣніи. Вотъ глупость! Какое тутъ подозрѣніе, — смѣло могъ бы сказать имъ кто-нибудь, — когда обвинитель говоритъ безсовѣстно, а обвиняемый отражаетъ обвиненіе благородно, и когда одинъ — бродяга, готовый, если нужно, продать правду и за оволь, а другой — выше всякаго подозрѣнія и едва не краснѣетъ предъ самою правдою! Этимъ-то заключеніемъ окончено совѣщаніе, походившее чуть не на каіафино, — и обвиненная съ дѣтьми сослана была на островъ Принца ⁽¹⁾.

23. Такъ поступили съ Комниными. Между тѣмъ царь Михаилъ и приверженцы Кесаря, по возвращеніи въ Константинополь Дукса Константина, втораго, какъ выше сказано, сына кесарева, который, сражался съ Діогеномъ и побѣдилъ его, — отчаявшись уладить дѣло миромъ, разсуждали о томъ, какъ имъ противустать Діогену. Они боялись, чтобы, пользуясь теперь безопасностію и свободою, онъ не набралъ войска еще больше прежняго, не собралъ денегъ въ округѣ антїохійскомъ и не увеличилъ тѣмъ трудности побѣдить его. Посему Кесарь тотчасъ призываетъ къ себѣ своего сына Константина и приказываетъ

(1) Островъ Принца лежитъ на Мраморномъ морѣ въ виду Константинополя. Gyllius libr. 5, de Bosphoro Thracio. Это названіе получилъ онъ, говорятъ, отъ того, что на него перѣдко удалялись дочери государей, избравшія жизнь отшельническую. Кедринъ свидѣтельствуетъ, что на этомъ островѣ Юстиніанъ младшій выстроилъ монастырь, который потомъ бывалъ мѣстомъ заточенія знаменитыхъ особъ женскаго пола. Theophan. p. 403.

ему снова взять войско и выступить противъ Діогена. Когда же этотъ отказался, позванъ былъ старшій сынъ Андроникъ и получилъ тоже приказаніе — идти въ походъ. Послушный отцу, болѣе чѣмъ кто другой, онъ тотчасъ приготовился къ этому дѣлу и, въ тотъ же день противившись съ царемъ и Кесаремъ, переправился чрезъ Халкидонскій проливъ. Въ окрестностяхъ Халкидона провелъ онъ шесть дней, пока заготовлено было все нужное для похода, а потомъ, направляя оттуда путь къ востоку, сталъ собирать войска. Поспѣшно собравъ все, онъ пошелъ съ ними къ Киликіи. Первою заботою Андроника было водворить согласіе и единомысліе во всемъ войскѣ. Достигши этого своею справедливостію въ отношеніи къ каждому и дружескимъ обращеніемъ со всѣми, онъ постановилъ для себя другую цѣль — дѣйствовать скрытно отъ непріятеля и пройти тѣнины киликійскія прежде, чѣмъ Діогенъ узнаетъ о его походѣ. И это исполнилось по его желанію: войска Андроника, прошедши тѣнины и стремнины киликійскія, все неожиданно предстали приверженцамъ царя Діогена.

24. Узнавъ объ ихъ наступленіи, и царь вывелъ свои силы, а дѣло войны ввѣрилъ армянину Хутатарію, о которомъ мы говорили выше, и подчинилъ ему почти все войско. Предводителемъ и конницею и пѣхотою, Хутатарій спѣшилъ занять выгодныя мѣста, но обманулся въ своихъ надеждахъ; потому что Доместикъ школъ Андроникъ занялъ ихъ прежде. Не успѣвъ въ

этомъ, онъ поставилъ свою фалангу прямо противъ непріятеля; а Андроникъ сталъ противъ него. Центромъ своей фаланги командовалъ самъ онъ, лѣвымъ крыломъ—Франкъ Криспинъ, а правымъ—нѣкто другой изъ вождей, подчиненныхъ Андронику. Но прежде чѣмъ войска сомкнулись и дѣло дошло до схватки, Франкъ, издавна ненавидѣвшій царя Романа и питавшій къ нему чувство мщенья, при видѣ непріятельской конницы, напередъ сказалъ Андронику, что она обратится въ бѣгство и, ударивъ своего коня нагайкою, вмѣстѣ съ окружающими его устремился на непріятеля. Отъ этого сильнаго нападенія войско Хутатарія обратилось въ бѣгство, и преслѣдовавшіе его многихъ убили, а многихъ взяли въ плѣнъ. Когда же конница такимъ образомъ была разсѣяна, тогда и пѣхота, боясь быть окруженною и отрѣзною, показала тыль и обратилась въ бѣгство. Спаслись только скрывшіеся въ горныхъ ущельяхъ или въ лѣсныхъ чащахъ; прочіе же или пали, или были захвачены въ плѣнъ. Такъ Діогеново войско было разбито и разсѣяно. Когда же Андроникъ послѣ побѣды возвратился въ свою палатку и въ веселіи сердца приносилъ благодареніе Богу,—новый счастливый случай увеличилъ его радость. Поспѣшно прискакалъ одинъ всадникъ, привезшій съ собою кого-то изъ непріятелей и желавъ видѣть военачальника. Выглянувъ изъ палатки, Андроникъ увидѣлъ предметъ, крайне его обрадовавшій,—увидѣлъ, что къ нему ведутъ связаннаго Хутатарія. Во время бѣгства лишившись коня, онъ, какъ самъ рассказывалъ, засѣлъ въ

чащу и надѣясь тамъ укрыться: но кто-то изъ преслѣдовавшихъ замѣтилъ его и, схвативъ, хотѣлъ убить. Хутатарій сталъ упрашивать схватившаго, и этотъ, видя слезы его, только снялъ съ него одежду и, оставивъ раздѣтымъ въ чащѣ, удалился. Потомъ увидѣлъ его другой и, замѣтивъ, что онъ прячется, тоже хотѣлъ лишить его жизни; — но онъ объявилъ ему свое имя и просилъ отвести себя къ военачальнику. Тогда воинъ, проворно посадивъ его на лошадь, привезъ къ Андронику. — Увидѣвъ изъ своей палатки, что привезли его нагимъ, Андроникъ вышелъ и взглянулъ на него милостивымъ окомъ; потомъ наготу его прикрылъ приличною мужественному полководцу одеждою и держалъ его подъ стражею, но не въ узахъ. Тронутый привѣтливостію къ себѣ Андроника, Хутатарій объявилъ, что въ той чащѣ, въ которой схватили его, онъ спряталъ драгоцѣнный камень и просилъ послать съ нимъ людей, чтобы принести его. Люди были посланы и принесли вещь, на которую стоило посмотреть: по величинѣ, камень этотъ былъ больше почти всѣхъ драгоцѣнныхъ камней, а блескомъ превосходилъ всѣ камни самоцвѣтные. Въ послѣдствіи Андроникъ подарилъ его царицѣ Маріи.

25. Между тѣмъ Діогенъ, не смотря на неблагоприятный ходъ дѣла, не впалъ въ отчаяніе, но ободрялъ своихъ и поддерживалъ въ нихъ надежду тѣмъ, что, по его словамъ, должна была скоро придти къ нему помощь изъ Персіи, и сверхъ того отправилъ пословъ къ Криспину, стараясь возбудить въ немъ непріязненное чув-

ство противъ Андроника. Но узнавши объ этомъ, Андроникъ сталъ еще ласковѣе обращаться съ Криспиномъ, и такимъ образомъ Діогеново посольство сдѣлалъ безуспѣшнымъ. Вслѣдствіе же безуспѣшности этого посольства и замедленія персидской помощи, бывшіе на сторонѣ Діогена, потерявъ всякую надежду, вступили въ сношенія съ Андроникомъ и, получивъ отъ него увѣреніе въ своей безопасности, выдали ему царя и сдали крѣпость. Люди, принадлежавшіе къ сторонѣ Дукса Андроника, схватили Діогена, сняли съ него порфиру, надѣли на него монашеское платье и, въ такомъ видѣ выведши его изъ крѣпости, съ особенною радостію привели къ Андронику. Сострадая его бѣдствію, Андроникъ прослезился, подаль ему руку и, введши его въ свою палатку, раздѣлилъ съ нимъ трапезу. Лучше было бы, если бы здѣсь и положенъ былъ конецъ несчастіямъ этого человѣка; но ему нельзя было избѣжать стрѣлъ ненависти. Приближенные къ царю Михаилу, собственное свое желаніе прикрывая заботливостію о его лицѣ, стали выражать ему опасеніе, какъ бы Діогенъ опять не затѣялъ чего нибудь и не подаль царю повода къ новымъ безпокойствамъ, а по сему отправили къ одному изъ значительныхъ тогда правительственныхъ лицъ письменное приказаніе выколоть глаза Діогену. Это весьма огорчило Андроника, тѣмъ болѣе, что онъ пытался спасти Діогена и не могъ: царскіе послы сильно на то настаивали. Писалъ онъ и къ своему отцу, Кесарю, убѣждая его не соглашаться на совершеніе такого преступленія, чтобы въ про-

тивномъ случаѣ не подпасть скоро приговору суда Божія. Такъ думалъ Андроникъ; но получившіе предписаніе ослѣпили Діогена и отправили его въ созданный имъ же самимъ монастырь на островъ Протъ (*). Лишенный глазъ, Діогенъ жилъ не долго и умеръ послѣ трехлѣтняго управленія римскимъ царствомъ. Таковъ былъ конецъ Діогена!

КНИГА II.

1. Такимъ образомъ стараясь возвысить благосостояніе Римлянъ, начинавшее уже клониться къ упадку, но необдуманно и неискусно принявшись за это, царь Романъ Діогенъ и самъ палъ, и съ собою вмѣстѣ уронилъ дѣла Римлянъ. А какимъ образомъ,—отчасти видно было изъ прежняго разсказа, отчасти же уяснится дальнѣйшимъ. Избавившись отъ Діогена, царь Михайлъ вызвалъ Куропалатиссу Анну, мать Комниныхъ, которая, какъ сказано выше, съ своими сыновьями жила въ ссылкѣ, и посредствомъ брачныхъ союзовъ породнился съ нею. Женатый самъ сперва на Маріи,

(*) Островъ Протъ одинъ изъ Принцевыхъ острововъ.

дочери независимаго Правителя ⁽¹⁾ Иверіи, онъ племянницу ея, Ирину, дочь Аланскаго владѣтеля, выдалъ въ замужество за старшаго сына Куропалатиссы, Псаака. Кесарь, видя, что племянникъ его неспособенъ заниматься государственными дѣлами, и самъ съ благороднымъ рвеніемъ брался за нихъ, и приблизилъ къ царю эвнуха Никифора, котораго лѣтиво называли уменьшительнымъ Никифорушка—*Νικηφορίτζης*, и которому данъ былъ титулъ Логовета ⁽²⁾ почтъ. Этотъ человѣкъ былъ расторопенъ и дѣтеленъ, краснорѣчивъ и опытенъ въ дѣлахъ, — но скрытенъ и способенъ еще болѣе запутывать дѣлопроизводство, чѣмъ сколько Перикль, говорятъ, произвелъ запутанностей въ Элладѣ. Кесарь тогда не зналъ, что приготовляетъ въ немъ врага самому себѣ.

(1) По свидѣтельству Теча, Иверцы, Авазги и Аланы составляли одинъ народъ. Но это надобно разумѣть не такъ, что сіи названія были тождественны, а такъ, что упомянутыя племена находились подъ главнымъ правленіемъ одного, именно иверійскаго государя; Аланы же и Авазги управлялись его намѣстниками. По этому Врѣнній иверійскому царю приписываетъ *παυκράτεσιν τῶν Ἰβήρων*, а владѣтелю Аланскому—имя *ἡξοναίζοντος*. Впрочемъ и *Τζετζής* (Chil. 8. с. 17) говоритъ: *οἱ Ἰβήρες πρῶτοι, οἱ Ἀβαζγοὶ δευτεροί, οἱ Ἀλανοὶ δ' ἐσχίστασι τὰς τριῶν ὑστεραίαν*.

(2) Логоветъ, греч. *Λογοθέτης*, есть изслѣдователь причинъ; въ геральдикѣ же константинопольскаго двора этотъ титулъ имѣлъ не одно и тоже значеніе. Въ имперіи Логоветы были двухъ родовъ: церковные, которыхъ должность описываетъ *Codin. de Offic.* и гражданскіе, завѣдывавшіе государственнымъ казначействомъ вообще, и частными отраслями государственныхъ расходовъ. См. *Meurs. in Геліодѣ, Ковратѣ, Λογοθέτης*. Отсюда произошли названія: Логоветъ Великій, или главный, Логоветъ частныхъ имуществъ, Логоветъ секретовъ, Логоветъ стада, Логоветъ воинскаго казначейства, Логоветъ почтъ, или *τοῦ δρόμου*.

2. Воспользовавшись легкомысліемъ царя, Никифоръ совершенно привязалъ его къ себѣ и внушилъ ему не обращать вниманія на дядю своего, Кесаря. Кесарь сперва показывалъ видъ, будто не замѣчаетъ, что дѣлается, и продолжалъ заниматься дѣлами; но когда увидѣлъ, что холодность къ нему царя увеличивается съ каждымъ днемъ и что онъ держится исключительно Логовета,—счелъ нужнымъ испытать его. И вотъ, подъ предлогомъ, что желаетъ ѣхать въ Малую Азію на охоту, онъ получилъ на то согласіе царя и, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Андроникомъ переплывъ чрезъ Пропонтидскій заливъ, уѣхалъ въ Азію во время осенняго поворота солнца. Другой же сынъ его Константинъ остался при царѣ, потому что былъ сдѣланъ Протостраторомъ; а это была должность важная и всегда давалась отъ царей лицамъ только значительнымъ. Своимъ замедленіемъ въ Азій Кесарь надѣялся уврачевать двоудшіе царя; ибо душа его ограничивалась двумя противоположностями—легкомысліемъ и коварствомъ.

3. Итакъ, живя въ Азій, Кесарь показывалъ видъ, что съ увлеченіемъ занимается охотою; а царь Михаилъ, видя, что дѣла его государства находятся въ стѣснительномъ положеніи и на востокъ и на западъ (ибо Турки, узнавъ о томъ, что случилось съ Діогеномъ, и полагая, что вмѣстѣ съ тѣмъ разрушены договоры и условія, заключенныя чрезъ него съ Римлянами, жгли и грабили весь востокъ; а взволновавшіеся Скиѣны дѣлали набѣги на Фракію и Македонію, такъ что

этими двумя врагами опустошаема была почти вся Азія и Европа) — въ такихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ уполномоченнымъ военачальникомъ въ войнѣ съ Турками назначилъ Исаака Комнина, котораго недавно приблизилъ къ себѣ чрезъ родство и сдѣлалъ Доместикомъ ⁽¹⁾ восточныхъ школъ. Взявъ войска, Исаакъ пошелъ по направленію къ Каппадокіи. Ему сопутствовалъ и братъ его Алексѣй, въ то время только еще подававшій Римлянамъ великія надежды, впоследствии же дѣйствительно принесшій имъ важнѣйшую пользу. Тогда у него не было еще и пуху на бородѣ: но и до совершеннолѣтія онъ уже показывалъ болѣе военачальническихъ доблестей, чѣмъ, по свидѣтельству римскихъ историковъ, Сципіонъ, когда онъ сопровождалъ полководца Эмилиа въ войнѣ противъ Македонянина Персея ⁽²⁾. Алексѣй помогалъ брату, становилъ войска въ строй, располагалъ засады, представляя себя начальникомъ фаланги, и такимъ образомъ, еще не испытавъ войны, уже показывалъ военачальническую сообразительность. Пришедши въ митрополию Каппадокіи, то есть, въ знаменитую

⁽¹⁾ См. прим. на стран. 6. Подъ школами въ этомъ титулѣ надобно разумѣть не училища, а воинскіе ранги или чины, назначавшіеся для исполненія царскихъ повелѣній. Это были адъютанты царя. Слѣдовательно Доместикъ школъ — тоже, что у насъ Генералъ-Адъютантъ. Hoffm. Lex.

⁽²⁾ Вріенній указываетъ здѣсь на побѣду Эмилиа, описанную Ливіемъ въ книгѣ XLIV, когда усыновленный Эмилиемъ Сципіонъ, бывъ еще только семнадцати лѣтъ, находился уже въ войскахъ своего отца.

Кесарію, они расположились лагеремъ около стараго города и разрушившимися его стѣнами воспользовались вмѣсто рва и ограды стана. Этотъ городъ давно уже почти весь погибъ отъ землетрясенія; уцѣлѣли только нѣкоторыя башни—для того, думаю, чтобъ свидѣтельствовать о благоденствіи древняго города. Расположившись здѣсь лагеремъ, они стали разсуждать, какимъ-бы образомъ отразить набѣги Турковъ и прекратить разоренія селеній.

4. Этимъ заняты были они. Между тѣмъ, находившійся съ ними франкъ Урзелій, принадлежавшій къ дружинѣ Криспина и послѣ смерти его управлявшій его фалангою, старался найти благовидный предлогъ къ осуществленію давно замышленной измѣны. И вотъ теперь случилось, что одинъ изъ его фаланги сильно обидѣлъ нѣкотораго туземца, и этотъ, пришедши къ военачальнику, громко жаловался на несправедливость. Военачальникъ потребовалъ оскорбителя на судъ. Такое-то событіе послужило Урзелію предлогомъ къ измѣнѣ. Онъ расположилъ свой отрядъ внѣ общаго лагеря, обѣщаясь снова возвратиться въ лагерь, но въ полночь поднявъ келтійскую свою фалангу, бѣжалъ по направленію къ Севастіи. Когда на зарѣ дали знать объ этомъ Исааку Комнину, — онъ положилъ ввѣрить нѣкоторую часть войска брату Алексѣю и послать его въ погоню за Урзеліемъ. Но между тѣмъ какъ производилось объ этомъ разсужденіе и собираемо было войско, лазутчики дали знать, что на Римлянъ идутъ въ большомъ числѣ Турки и что они рас-

положились лагеремъ гдѣ-то уже не подалеку. Тогда Исаакъ оставилъ преслѣдованіе Урзеля и сталъ приготовляться къ сраженію, а брату приказалъ остаться внутри ограды и охранять лагерь. Не охотно принялъ онъ такое приказаніе и обѣщался остаться подъ тѣмъ только условіемъ, если послѣ будетъ отправленъ противъ Турковъ съ значительными римскими фалангами.

5. Повинуясь брату, Алексѣй остался въ лагерь, а Исаакъ, снявшись, повелъ войска противъ Турковъ и встрѣтилъ ихъ на границахъ Капшадокин. Произошло сраженіе. Но Римляне обратились въ бѣгство, а самъ онъ мужественно боролся съ окружающими его врагами; когда же раненъ былъ подъ нимъ конь и, упавъ, уронилъ съ собою всадника,—онъ взятъ былъ въ плѣнъ. Разсѣявши войско Римлянъ, Турки направили путь къ ихъ лагерю. Но когда они сдѣлали на него напоръ,—Алексѣй съ небольшимъ числомъ бывшихъ при немъ людей, попробовалъ отстоять его. И дѣйствительно успѣлъ онъ сдѣлать отпоръ и спасти почти всѣхъ; за то самъ подвергался опасности и едва не былъ взятъ въ плѣнъ. Пробившись въ средину непріятелей, онъ поразилъ копьемъ и убилъ одного напавшаго на него воина; но потомъ былъ окруженъ врагами, которые со всѣхъ сторонъ бросали въ него стрѣлы,—и только вышняя десница сохранила его невредимымъ. Лошадь на которой онъ сидѣлъ, во многихъ мѣстахъ раненная стрѣлами, упала на землю вмѣстѣ съ всадникомъ; но окружавшіе Алексѣя, изъ любви къ этому достойному любви человѣку, соскочивъ

съ своихъ лошадей и мужественно отбиваясь вмѣстѣ съ нимъ, исторгли его отъ опасности, хотя изъ пятнадцати человѣкъ только пять возвратилось въ лагерь, прочіе же или были убиты, или взяты въ плѣнъ. И возвратившись въ лагерь, онъ не давалъ себѣ покоя, но, обѣгая вокругъ весь станъ, ободрялъ духъ воиновъ, чтобы они не сдѣлали чего нибудь недостойнаго благородныхъ Римлянъ. Такъ, пока былъ день, они стояли твердо и, удивляясь мужеству Алексѣя, прославляли его, простирали къ нему руки и называли его своимъ благодѣтелемъ и спасителемъ. «Да здравствуетъ, говорили они, юноша спаситель, правитель, избавитель уцѣлѣвшаго римскаго войска! Да здравствуетъ онъ въ тѣлѣ едва не безтѣлесный! О, если бы намъ еще наслаждаться твоими доблестными подвигами и тебѣ еще долго быть хранителемъ общаго намъ блага!» Одобривъ этими словами мужество юнаго вождя, они оставались въ лагерь, а онъ дѣлалъ внезапныя вылазки изъ стана и изъ числа нападавшихъ враговъ однихъ убивалъ, другихъ прогонялъ. При наступленіи же ночи, видя, что всѣ готовятся, радовался,—какъ видно, въ той мысли, что они приготовляются къ битвѣ, и раздавалъ приказанія своей прислугѣ.

6. Но тогда какъ другіе при этомъ молчали, одинъ благородный человѣкъ, отличавшійся отъ прочихъ и силою руки и опытностію, по имени Θεодотъ, сказалъ: «то, что теперь дѣлается, не предвѣщаетъ ничего добраго: съ наступленіемъ ночи всѣ разбѣгутся. Эти слова огорчили юношу, полагавшаго

что всё также благородны, какъ самъ онъ. Однако же онъ пошелъ въ палатку поужинать, потому что цѣлый день ничего не ѣлъ. Но между тѣмъ какъ Алексѣй былъ еще въ палаткѣ и закусывалъ, воины его, тайно выпедши за станъ, убѣжали. Когда ему было донесено, что все войско его убѣжало и остался онъ одинъ съ немногими,—онъ, потребовалъ коня и хотѣлъ помочь дѣлу—остановить бѣжавшихъ. Но вмѣсто коня едва нашли мула, на котораго онъ сѣлъ и поспѣшилъ къ выходу, чтобы занять его и удержать внутри стана по крайней мѣрѣ оставшихся. Однакожъ почти всё уже успѣли уйти. Тогда выпелъ и самъ онъ. Турки же, узнавъ о бѣгствѣ Римлянъ, быстро и въ большомъ числѣ поспѣшили въ погоню за ними,—и Алексѣй былъ бы взятъ въ плѣнъ, если бы не Θεодотъ, о которомъ мы сказали выше. Услышавъ топотъ коней и понявъ, что на нихъ несется множество Турковъ, онъ уговорилъ его свернуть нѣсколько съ дороги. Уклонившись въ сторону и укрывшись въ одномъ лѣсистомъ мѣстѣ, они пробыли тамъ, пока не прошло турецкое скопище; потомъ оттуда отправились по направлению къ Дидимовой горѣ. Но, на этомъ пути встрѣтившись съ Турками и испытавъ ихъ нападеніе, они разсѣялись и, такъ какъ была ночь, то и послѣ не могли собраться въ одно мѣсто, но каждый бѣжалъ куда понало. Тогда доблестный Алексѣй, оставшись одинъ, достигъ подошвы Дидимовой горы, и, какъ мулъ его усталъ и не могъ далѣе идти, онъ сошелъ съ него и пошелъ на гору пѣшкомъ въ латахъ, которыхъ, по юно-

шеской ревности, снимать не хотѣлъ. Ктому же одинъ случай, живо сохранившійся въ его памяти, какъ говорилъ онъ самъ, не позволялъ ему сдѣлать это: я слышалъ, говорить, какъ отецъ мой смѣялся надъ однимъ воиномъ, сложившимъ свое оружіе;—вотъ почему, и идя пѣшкомъ, не снималъ онъ латъ. Удивительно, что и при большомъ кровотеченіи изъ носу съ первой минуты, какъ началъ идти пѣшкомъ, во всю ночь, онъ и не снималъ оружія, и не останавливался на дорогѣ, пока не дошелъ до городка въ Гавадоніи.

7. Когда же пришелъ сюда Алексѣй, всё туземцы сбѣжались къ нему и, видя, что плащъ его покрытъ кровавыми пятнами, вздыхали и плакали. Слухъ о его прибытіи дошелъ до городскихъ начальниковъ,—и они, явившись къ нему, взяли его къ себѣ и приняли съ великою честію и радушіемъ, доставили приличное такому лицу одѣяніе и всячески старались успокоить утомленное тѣло юноши, по своему обычаю принесли ему и зеркало, чтобъ онъ посмотрѣлся. Но увидѣвъ зеркало, Алексѣй улыбнулся и тѣмъ изумилъ ихъ. «Мужчинамъ, а тѣмъ болѣе воинамъ, говорилъ онъ, не свойственно смотрѣться въ зеркало; это прилично только женщинамъ, заботящимся о томъ, чтобы нравиться своимъ мужьямъ. Украшеніе воина—оружіе и жизнь простая и чуждая нѣги». Услышавъ такія слова отъ юноши, они дивились его умѣренности и мудрости. Прогостивши у нихъ три дня, Алексѣй съ своими приближенными, которые уже

собрались къ нему, пошелъ по направленію къ Анкирѣ; потому что одинъ изъ воиновъ, пощаженныхъ битвою, на распросы Алексѣя о братѣ, назвалъ ему мѣстечко, въ которомъ будто бы жилъ убѣжавшій отъ преслѣдованія Исаакъ. Считая это извѣстіе справедливымъ, онъ спѣшилъ увидѣться съ братомъ. Но этотъ вѣстникъ ушелъ, а Алексѣй дорогою удостовѣрился, что братъ его въ плѣну. Обманувшись въ своихъ надеждахъ, онъ печалился, скорбѣлъ, вздыхалъ и плакалъ,—однакожъ не переставалъ продолжать свой путь.

8. Находясь въ Анкирѣ, Алексѣй всюду разослалъ людей для собранія болѣе полныхъ свѣдѣній о братѣ, и отъ нихъ услышалъ, сколько тысячъ золота хотятъ за выкупъ его брата тѣ, у которыхъ онъ содержался. Получивъ это свѣдѣніе, онъ не сталъ много горевать и поспѣшилъ въ царственный городъ, чтобы тамъ достать денегъ и выкупить брата. Въ короткое время собравши нужную сумму, онъ снова отправился въ Анкиру и, чтобы скорѣе достигнуть этого города, ѣхалъ по цѣлымъ днямъ, захватывая и большую часть ночи. Къ Анкирѣ пріѣхалъ онъ поздно вечеромъ и, нашедши городскія ворота закрытыми, просилъ, чтобы ихъ отворили. Но въ крѣпости боялись, не изъ враговъ ли кто хитритъ, ибо Турки еще не далеко стояли лагеремъ, — и потому требовали сказать кто они. Спутники Алексѣя тотчасъ же сказали, кто онъ, — и спрашивавшимъ это извѣстіе, по особенному случаю, доставило тогда удовольствіе, — да и не столько тогда, но и теперь (при воспоминаніи). — Между тѣмъ какъ

Алексѣй Комнинъ ѣздилъ (въ столицу), чтобы собрать выкупъ за брата, Исаакъ, боясь, что вдали отъ римскихъ предѣловъ ему труднѣе будетъ избавиться отъ плѣна, послалъ по окружнымъ городамъ извѣстіе, что онъ въ плѣну и что варвары требуютъ за него выкупа, и просилъ прислать ему, сколько кто можетъ, прежде чѣмъ они удалятся отъ римскихъ границъ, обѣщаясь присланное возвратить съ процентами. Многіе изъ людей достаточныхъ доставили ему деньги, и онъ отдалъ выкупъ, а въ замѣнъ недостающаго оставилъ заложниковъ и, освобожденный, отправился въ митрополию Галатіи, Анкиру. И такъ случилось, что оба брата прибыли въ городъ въ одинъ день. Исаакъ, пришедши прежде, отдыхалъ въ одномъ помѣщеніи, находившемся надъ воротами. Самъ онъ заперъ ворота и ключи держалъ у себя. Услышавъ же за воротами голосъ брата, вскочилъ съ постели и, взявъ ключи, побѣжалъ къ воротамъ, отворилъ ихъ и всѣхъ выпустилъ въ городъ. Изумленный столь неожиданною встрѣчею (потому что ничего не зналъ объ этомъ), Алексѣй соскочилъ съ лошади и, заключивши брата въ объятія, цѣловалъ его. Въ большой радости взойшли они на верхъ и, тогда какъ одинъ, ничего не ѣвши цѣлый день, ужиналъ, другой рассказывалъ, что потерялъ онъ въ плѣну. Такимъ образомъ ужинъ ихъ приправленъ былъ и радостью, и слезами.

9. Давъ себѣ и лошадямъ трехдневный отдыхъ и узнавъ, что Турки находятся далеко отъ римскихъ предѣловъ, они поднялись оттуда и

поѣхали въ царственный городъ. Переправившись чрезъ р. Сангарію, они двинулись къ Никодиміи; но когда проѣзжали чрезъ мѣстечко, называемое Дектою, нѣкто изъ близкихъ къ нимъ встрѣтилъ ихъ и пригласилъ въ свой домъ немного отдохнуть. Склонившись на приглашеніе этого человѣка, они заѣхали къ нему и, сошедши съ лошадей, поднялись на горницу. Тамъ отдыхали они, а хозяинъ готовилъ обѣдъ, весьма довольный тѣмъ, что принимаетъ такихъ гостей. Тогда какъ это происходило, случилось, что той страной проѣзжали около двухъ сотъ вышедшихъ для фуражировки Турковъ, которые спѣшили далѣе, во все не заботясь о томъ, что здѣсь проходятъ Римляне. Одинъ, бывшій на своей паши земледѣлецъ, увидѣвъ ихъ и думая, что они принадлежатъ къ свитѣ приглашенныхъ гостей, позвалъ ихъ и общалъ имъ показать великаго Доместика. Турки поѣхали и, узнавъ, что въ этомъ мѣстечкѣ дѣйствительно гоститъ Доместикъ съ немногими людьми, спѣшно окружили его жилье и заняли всѣ выходы, грабить же не рѣшались, боясь тѣхъ, которые находились внутри. Какъ скоро находившіеся въ домѣ сдѣлалось извѣстнымъ это происшествіе, болѣе мужественные и бодрые вооружились, другіе, — особенно разнородная и наемная толпа, — думали о бѣгствѣ, а тѣмъ, которые превосходили другихъ рослостію тѣла и прежде много гордились передъ войскомъ, казалось лучше — отнюдъ не схватываться съ врагами, но бросить оружіе, и добровольно отдаться варварамъ, взявъ съ нихъ клятву, что они съ той минуты

удержатся отъ убійствъ. При этомъ послѣднемъ мнѣніи поднялся большой шумъ; одни одобряли его, а другіе колебались. Тогда Алексѣй, утишивъ волненіе, началъ говорить имъ слѣдующее:

10. «Мнѣ кажется, мужи, что, не попытавшись побороться съ врагами, отдать самихъ себя въ рабство на явную бѣду — значитъ обличить въ себя трусость и быть исполненными всякаго неразумія. Я думаю, что этого никогда не дѣлали не только благородные римскіе мужчины, но даже благородныя и разсудительныя женщины. Вѣдь кромѣ того, что въ плѣну намъ придется терпѣть бѣдствія, мы такимъ поступкомъ погасимъ даже состраданіе къ себѣ людей и лишимся похвалъ въ будущемъ. Люди, мужественно сразившіеся и получившіе смерть, достойную своего мужества, вызываютъ сожалѣніе гражданъ простаго званія, бываютъ прославляемы гражданами мудрыми и ублажаются отъ всѣхъ: а сами себя предавшие въ рабство или въ опасность не заслуживаютъ никакого извиненія и даютъ право всѣмъ почитать себя людьми низкими. Намъ нужно имѣть въ виду то, чтобы или жить хорошо, или хорошо умереть: въ этомъ теперь наше дѣло. Если вы мнѣ сколько нибудь вѣрите, то у кого есть рукопашное оружіе, тотъ возьми его, — и станемъ у выхода; а у кого есть лукъ и стрѣлы, тотъ иди на кровлю. Всѣ же рабочіе и неумѣющіе сражаться, да и тѣ, которые хотя и изъ военныхъ, но не имѣютъ лошадей, пусть садятся на муловъ и становятся позади насъ. Потомъ находящіеся наверху пусть бросаютъ въ непріятелей

стрѣлы, а мы, отворивъ ворота, устремимся на нихъ со всею быстротою коней. Когда враги отбѣгутъ и станутъ вдали отъ выходовъ, тогда находящіеся на верху пусть сойдутъ и, сѣвъ на лошадей, выступятъ и соединятся съ прочими. На пути же (нападая на непріятеля) пусть строятся они по правиламъ фаланги. Кромѣ того, всѣмъ нужно наблюдать, чтобы не разрывать строя и не разсѣиваться, и когда мы будемъ наступать на враговъ, пусть и они тихо слѣдуютъ за нами, а когда враги устремятся на насъ, пусть они остановятся. Потомъ, какъ скоро приблизимся къ тѣснинамъ и соберемся въ нихъ всѣ, тотчасъ сойдемъ съ лошадей,—и я увѣренъ, что непріятели не осмѣлятся приблизиться къ намъ!»

11. Это сказалъ Алексѣй, — и всѣ съ нимъ согласились: одни взошли на кровлю и начали бросать стрѣлы, другіе отворили ворота и стремительно напали на непріятелей. Пораженные такимъ неожиданнымъ нападеніемъ, непріятели потеряли мужество и обратились въ бѣгство; находившіеся же внутри ободрились этимъ,—вышли всѣ и пустились по дорогѣ. Они дѣйствительно устроились въ фалангу, но поскакали быстро, чѣмъ слѣдовало. Между тѣмъ варвары, находясь уже далеко внѣ опасности и вспоминая о своемъ мужествѣ, стали убѣждать другъ друга возвратиться и идти на своихъ преслѣдователей, тѣмъ болѣе, что число послѣднихъ было, по видимому, не выше двадцати. И такъ возвратившись, они старались окружить ихъ; а эти быстро отступили и, когда сблизились съ своими, снова стремительно

понеслись впередъ: варвары опять побѣжали, и опять возвратились. Такъ нѣсколько разъ пробовали они (одолѣть) другъ друга. Наконецъ Турки, видя, что Римлянъ и всѣхъ-то не много (ибо даже число строившихся въ видѣ фаланги было не выше пятидесяти всадниковъ), а сами они многочисленны, оставили тѣхъ, (что были на бою) и направились на этихъ (составлявшихъ фалангу) и, съ варварскимъ крикомъ устремившись на нихъ, стали бросать стрѣлы. Тогда боясь, что строй ихъ будетъ разорванъ, Римляне начали уже отступать и обращаться въ бѣгство, и всѣ погибли бы, если бы оба брата (Алексѣй и Исаакъ Комнины), побѣжавъ съ немногими, не подали помощи всему отряду и не удержали бѣжавшихъ, приказавъ имъ остановиться, если не хотятъ остаться безъ ихъ помощи.

12. Въ эти минуты случилось нѣчто необычайное. Въ числѣ царскихъ евнуховъ былъ нѣкто, изумлявшій своимъ ростомъ и силою. Смотрѣвшіе на него говорили другъ другу: «кто изъ враговъ устоитъ противъ этого человѣка? они всѣ побѣгутъ отъ одного его взгляда и рева». Случилось, что онъ находился въ числѣ составлявшихъ фалангу войска — именно тогда, какъ на нее устремились Турки. Итакъ, когда всѣ бросились бѣжать,—онъ, имѣя огромный ростъ и бывъ покрытъ латами, измучилъ свою лошадь и принужденъ былъ остаться одинъ позади всѣхъ. Турки между тѣмъ наступали, а бывшіе съ Исаакомъ и славнымъ Алексѣемъ готовились сдѣлать имъ отпоръ. Тогда великанъ назвалъ по име-

ни славнаго Алексѣя и сталъ призывать его на помощь. Алексѣй тотчасъ направился къ нему и, прогнавъ встрѣтившихся тутъ непріятелей, избавилъ его отъ опасности и тѣмъ далъ урокъ какъ ему, такъ и другимъ, которые удивлялись его росту, — что не громадность тѣла, не крѣпость силы, не ревъ и грубость голоса суть признаки наилучшаго воина, а геройство духа и терпѣніе въ преодоленіи трудностей. Такъ спасъ онъ этого человека. Въ тоже время одинъ Аланъ изъ числа вступившихъ по найму въ отрядъ благороднаго Исаака, по имени Арабатъ, видя, что варвары нападаютъ съ величайшею яростію и необычайною стремительностію, и что братья (Комнины), одни съ немногими воинами, подвергаются опасности, и боясь, чтобы съ которымъ нибудь изъ нихъ не случилось какой бѣды, приглашалъ товарища, по имени Хаскариса, изъ подручниковъ Алексѣя Комнина, вмѣстѣ съ нимъ сойти съ лошадей и ударить на враговъ копьями. «Стыдно будетъ», сказалъ онъ, «если въ присутствіи Алановъ мужи благородные и именитые подвергнутся опасности; срамъ падетъ тогда на весь аланскій народъ!» Такъ совѣтовалъ Арабатъ; но Хаскарисъ отвергалъ совѣтъ его, будто бы не столько благоразумный, сколько смѣлый, «потому что», говорилъ онъ, «поступивъ такъ, они подвергнутся только опасности сами, не принеся тѣмъ никакой пользы. Здѣсь мѣсто открытое и ровное; но если ты сколько нибудь вѣришь мнѣ, говоритъ, то вотъ уже недалеко до тѣснинъ: — дойдемъ туда и, сошедши съ лошадей, сразимся мужественно. Этимъ мы

и народъ свой прославимъ, и окажемъ услугу начальникамъ.»

15. Такъ сказалъ Хаскарисъ; но Арабатъ, разбранивъ его по варварски, тотчасъ, сошелъ съ лошади и, ударивъ ее кнутомъ, чтобы она слѣдовала за бѣгущими, началъ сражаться пѣшій. Турки, пораженные необычайностію сего зрѣлища, недоумѣвали, что это дѣлается. Въ рукѣ Арабата было короткое копьё: перваго попавшагося онъ ударилъ этимъ копьёмъ въ грудь и сбилъ его съ лошади. Одинъ (Турокъ) пустилъ въ него стрѣлу и ранилъ ею правую его руку; но онъ вырвалъ стрѣлу изъ раны и ею же, какъ нѣкогда Врасидъ, отмстилъ варвару. Устрашенные такимъ его мужествомъ, варвары немного отступили. Пользуясь этимъ случаемъ, онъ взошелъ на кровлю (какого-то строенія) и оттуда поражалъ непріятелей стрѣлами. Между тѣмъ другіе вступали уже въ тѣснины, тогда варвары, оставивъ его, съ величайшею стремительностію бросились на нихъ. Но Алексѣй Комнинъ съ немногими окружающими его, обратившись на непріятелей, первый поразилъ одного изъ нихъ, а Хаскарисъ, о которомъ мы прежде упомянули, ранилъ въ спину другаго. Объятые великимъ страхомъ, Турки оставили ихъ и отступили; а Римляне, немного отошедши, спѣшили и остановились въ безопасномъ мѣстѣ. По наступленіи ночи пришелъ къ нимъ и тотъ Аланъ, который прежде сошелъ съ лошади. Такимъ образомъ все спаслось, — никто не былъ ни взятъ въ плѣнъ, ни убитъ; и все спасшіеся благодарили своего спасителя и защитника, добраго

Алексея. Отсюда чрезъ четыре дня пришедши въ столицу, рассказали они въ городъ о всемъ, что съ ними случилось, и какъ спастъ ихъ золотой юноша Алексѣй. Поэтому, когда онъ гдѣ проходилъ, всѣ сбѣгались къ нему и торжественно восхищались его доблестями.

14. Между тѣмъ какъ это такимъ образомъ совершалось, Урзелій свободно проходилъ по селамъ и городамъ между Галатіею и Ликаоніею, и одни опустошалъ, другіе убѣждалъ къ покорности, а съ иныхъ бралъ деньги. Чрезъ это сталъ онъ силенъ и неудержимъ въ своемъ стремленіи. Къ концу зимы возвратился и Кесарь изъ Азіи ко двору и, находясь при царѣ, предлагалъ ему приличные совѣты, слѣдилъ за дѣлами управленія и, когда происходилъ судъ, подавалъ свои мнѣнія, восполняя недостатокъ опытности царя. Но это не нравилось Логовету: посему онъ придумывалъ всѣ средства и употреблялъ всѣ мѣры, чтобы скорѣе удалить Кесаря. А такъ какъ ему не легко было исполнить свое намѣреніе, то онъ обращался къ совѣтамъ друзей и, не видя благоприятнаго времени, скрежеталъ зубами. Ему хотѣлось избавиться отъ страха, какой наводилъ на него Кесарь, и безбоязненно злоупотреблять слабостію царя. Но встрѣчая вездѣ неудачи, Логоветъ наконецъ замышляетъ планъ—не столько умный, сколько замысловатый и лукавый: онъ снова вкрадывается въ простодушнаго царя и внушаетъ ему удалить отъ себя дядю Кесаря, предлагая къ тому средство — убѣдить его, чтобы онъ отправился въ походъ противъ Урзелія. Что же отсю-

да? Царь склоняется на его слова, призываетъ къ себѣ дядю и объявляетъ ему эту тайну тихимъ и прерывающимся голосомъ; ибо бывъ не свободенъ въ рѣчи, онъ обыкновенно такъ говаривалъ. Понимая замысль и хорошо зная какъ свое нравіе затѣйника, такъ и довѣрчивость того, кто согласился на его затѣю, (Кесарь) сначала совѣтовалъ противъ мятежника послать сына своего Андроника; но когда царь не переставалъ настаивать и наконецъ сказалъ: «или мнѣ надобно идти противъ него, или тебѣ,»—согласился и началъ приготовляться къ походу. Приготовившись достаточно, переправился онъ въ Азію и, собравъ войска, пошелъ на непріятеля. Прошедши Виноинскіе предѣлы и узнавъ, что непріятель расположился лагеремъ у источниковъ р. Сангарія, онъ миновалъ Дорилею и продолжалъ подвигаться впередъ. При извѣстіи объ этомъ наступленіи, и варваръ также двинулъ свои силы. Оба непріятели встрѣтились около такъ называемаго Зомпскаго моста и, ставъ лагеремъ, готовились къ битвѣ. Поутру на другой день вывели они войска и расположили ихъ слѣдующимъ образомъ. Самъ Кесарь управлялъ центромъ римскаго войска, имѣя подъ своимъ начальствомъ варваровъ, вооруженныхъ щитами и топорами, которымъ всегда ввѣрялось охраненіе царскаго дворца; правое крыло составляли наемные Кельты, которыми предводительствовалъ одинъ Кельтъ, по имени Панасъ; лѣвымъ крыломъ командовалъ Доместикъ школъ Андроникъ, а заднимъ отрядомъ (арріергардомъ) завѣды-

валь Никифоръ Вотаніатъ, въ послѣдствіи римскій царь, имѣвшій подъ своею командою фалангу Фригійцевъ, Ликаонянъ и Асійцевъ. Видя, что римская фаланга такъ построилась, Урзелій и самъ раздѣлилъ свое войско на двѣ части, изъ коихъ одну взялъ въ свое распоряженіе и повелъ ее медленно, а другой велѣлъ идти прямо противъ наемныхъ Кельтовъ. Когда эти были уже не далеко другъ отъ друга,—наемники и непріатели начали переговариваться между собою,—и вдругъ все наемное войско, подъ начальствомъ Папаса, перешло къ непріателю и, соединившись, они пытались окружить войско Кесаря. Сюда же съ отборною частію своей фаланги прибылъ и Урзелій. При этомъ нападеніи варваровъ произошла сильная битва, и многіе пали съ обѣихъ сторонъ. Переломавъ копья, враги обнажили мечи и, сражаясь вблизи, другъ другу наносили раны.

15. Когда битва такимъ образомъ шла, командовавшій заднимъ отрядомъ (арріергардомъ), видя, что наемники перешли къ непріателю и стараются окружить предводимую Кесаремъ фалангу, долженствовалъ подать помощь; а онъ отступилъ съ своими силами, хотя былъ человекъ храбрый, что доказалъ во многихъ случаяхъ. Пользуясь этимъ, враги безбоязненно окружили войска Кесаря. Находившіеся при немъ варвары въ продолженіе нѣкотораго времени стояли твердо, поражая непріателя, хотя и сами были поражаемы имъ; но когда увидѣли, что на нихъ нападаютъ спереди и сзади, начали приходить въ замѣшательство. Кесарь своимъ безстрашіемъ подкрѣплялъ

ихъ духъ,—и они держались, сколько было силъ: но вскорѣ изнемогли и уже не въ состояніи были отражать нападавшихъ; потому что большая часть изъ нихъ была убита. Тогда онъ, не хотѣвшій даже теперь спастись бѣгствомъ, взять былъ въ плѣнъ. Между тѣмъ одолеваемый непріателемъ, обратился въ бѣгство и отрядъ Андроника. Но самъ Андроникъ, хотя весь покрытъ былъ ранами (ему нанесены были смертельныя раны), все еще ѣздилъ и искалъ отца. Узнавъ же, что отецъ его взятъ въ плѣнъ, онъ при всей возможности спастись, такъ какъ былъ уже вдали отъ стрѣлъ и мѣста битвы, предпочелъ своему спасенію подвергнуться за отца опасности, и потому, повернувъ лошадь, устремился въ середину враговъ и перебилъ многихъ изъ нихъ мечемъ; а когда былъ уже недалеко отъ Кесаря,—сдѣлался просто неудержимымъ и не походилъ на человека смертнаго, но казался безсмертнымъ и безплотнымъ. Не смотря на то, что поражали его копьями, онъ былъ неустрашимъ: однихъ убивалъ, другихъ прогонялъ, стараясь пробиться туда, гдѣ находился плѣненный отецъ его. Враги, видя неудержимую стремительность юноши, сбѣжались всѣ и, одни стрѣлами, другіе длинными копьями поражали его лошадь и его самого, пока наконецъ покрытый ранами конь повалился на землю вмѣстѣ съ всадникомъ. Тогда варвары, окруживъ его, хотѣли сорвать съ него шлемъ и мечемъ отрубить голову храбраго мужа. Но Кесарь, оттолкнувъ державшихъ его, бѣгомъ устремился къ нему, упалъ на своего храбраго сына въ изне-

моженіи отъ множества ранъ, и давъ знать варварамъ, — кто это, спасъ его отъ неминуемой смерти.

16. Таковъ былъ конецъ битвы между Римлянами и измѣнниками Кельтами около Сангарскаго моста. Возгордившись побѣдою, варваръ обошелъ прилежавшіе къ Сангарію города и все покорилъ себѣ; потомъ, пришедши въ Вионнію, гдѣ былъ кесаревъ дворецъ и довольно укрѣпленный замокъ, построенный у подошвы Софона, расположился отдыхать на тамошнихъ поляхъ и сталъ думать, какъ бы завоевать себѣ римское царство. Между тѣмъ Кесарь держалъ онъ въ чести и, видя, что сынъ его, храбрый Андроникъ, сильно страдаетъ отъ ранъ, окружалъ его всею заботливостію. Смотря на такія страданія своего сына, Кесарь сокрушался скорбію, болѣзновалъ сердцемъ и сталъ просить Урзелія отправить его въ столицу. Урзелій согласился, потребовавъ однако въ заложники старшихъ сыновей Андроника, и по прибытіи ихъ, отправилъ отца домой. Тамъ получалъ онъ надлежащее лѣчение, а Урзелій между тѣмъ сыновей его держалъ въ крѣпости въ качествѣ плѣнниковъ. Въ это время сдѣлали нѣчто достойное памяти дядьки ихъ. Часто ходилъ къ нимъ одинъ изъ тамошнихъ земледѣльцевъ. Сблизившись съ нимъ, они спросили его, знаетъ ли онъ дорогу въ Никомидію, и увѣрившись, что знаетъ такъ хорошо, что даже ночью и не по дорогѣ, можетъ пройти между горами и дойти до Никомидіи, задумали дѣло умное и вмѣстѣ смѣлое—тайно черезъ ворота вывести дѣ-

тей, когда стражи ночью уснутъ, и спасти ихъ бѣгствомъ. Проводникомъ избрали они этого самаго земледѣльца и убѣдили его къ тому обѣщаніемъ денегъ. Выбравъ ночь темную и безлунную и похитивъ ключъ отъ воротъ, они выпустили его изъ крѣпости и велѣли ему дожидать себя недалеко отъ воротъ, а сами, оставаясь внутри, наблюдали за стражами. Когда же все они заснули, дядька старшаго изъ сыновей, миловиднаго Михаила (имя дядьки было Леонтакій), свнухъ, человѣкъ расторопный, разбудилъ дитя, объяснилъ ему дѣло, отворилъ ворота и вывелъ его, а другому дядькѣ между тѣмъ сказалъ, чтобы и онъ поспѣшилъ разбудить и вывести своего мальчика. Тотъ дѣйствительно поспѣшилъ, но ему не посчастливилось. Когда онъ сходилъ внизъ,—на лѣстницѣ что-то затрещало. Услышавъ трескъ, стражи вскочили и стали разыскивать, что это такое.... Дядька предупредилъ ихъ отвѣтомъ, что дитя выходило помочиться; но они начали еще заботливѣе изслѣдывать и спрашивать о Михаилѣ. Отчаявшись (въ успѣхѣ) и боясь, чтобы не поймали и того, который убѣжалъ, дядька, оставшійся внутри, сталъ отвѣчать на вопросы громкимъ голосомъ. Тогда находившіеся внѣ — дядька и проводникъ,—услышавъ смятеніе, схватили мальчика и, попеременно неся его на плечахъ (онъ былъ очень малъ возрастомъ), побѣжали изо всѣхъ силъ. Итакъ тѣ убѣжали, а стражи потребовали огня и вошли въ комнату, въ которой стояли кровати мальчиковъ. Когда же увидѣли, что кровать бѣжавшаго пуста, тотчасъ,

кто сколько могъ, начали бить дядьку, стараясь узнать, гдѣ другой мальчикъ съ его дядькою. Эти побои онъ вынесъ мужественно и ничего не сказалъ о своемъ замыслѣ. Варвары дошли до такой ярости, что палками перебили ему бедра. Надобно было видѣть терпѣніе этого евнуха, слабого тѣломъ, но мужественнаго, какъ оказалось, душою, достойною похвалъ выше всякаго выраженія. Отчаявшись допытаться, варвары приготовили лошадей и послали погоню. Между тѣмъ какъ это происходило, добрый проводникъ, уподобляясь овцѣ, бывшей нѣкогда проводникомъ Іосифу, взявъ этого новаго Іосифа и умнѣйшаго его дядьку, далеко уклонился отъ дороги и, взойдя на одну гору, заросшую лѣсомъ, наблюдалъ оттуда за своими преслѣдователями:—ихъ они видѣли, а сами не были видимы. Когда же тѣ преслѣдователи, перешедши чрезъ гору Софонъ и дошедши до равнинъ Никомидіи, возвратились назадъ,—бѣглецы, видя ихъ возвращеніе, сошли ночью съ горы и къ разсвѣту пришли въ Никомидію. Такъ удалось спастись одному изъ заложенныхъ внуковъ Кесаря. Но объ этомъ послѣ.

17. Узнавъ о пораженіи римскаго войска и о томъ, что взяты въ плѣнъ оба—и дядя Кесарь, и сынъ его, начальникъ войска Андроникъ, царь Михаилъ былъ весьма озабоченъ и послалъ послѣдняго изъ сыновей Кесаря, Дуку Константиана, о которомъ мы упоминали прежде—человѣка смѣлаго и храбраго, съ приказаніемъ переправиться чрезъ Пропонтиду и собрать оставшееся отъ

битвы войско. Этотъ, не будучи въ состояніи перенести равнодушно несчастіе отца и брата, скрежеталъ зубами, какъ левъ, и видно было, что онъ съ усердіемъ берется за дѣло. Вечеромъ простившись съ царемъ, пошелъ онъ домой, чтобы приготовиться (въ путь); но къ полуночи сильно заболѣлъ и подвергся невыносимымъ страданіямъ: призваны были лучшіе врачи; но ихъ искусство не принесло никакой помощи больному,—и къ утру онъ скончался. Это было прибавкою къ несчастіямъ Кесаря. Между тѣмъ варваръ, получивъ еще больше смѣлости, задумалъ дѣло замысловатое, хотя конечно не о Господѣ. Это дѣло было—провозгласить римскимъ царемъ Кесаря и, обошедши съ нимъ города, покорить ихъ себѣ. Такимъ способомъ надѣялся онъ снискать расположеніе и сильныхъ людей столицы. Знаменитый Кесарь сперва негодовалъ на это, сильно скорбѣлъ и, по поговоркѣ—*πάντα καλὸν ἐκίνει*—употреблялъ всѣ мѣры, чтобы избѣжать сей драмы: но когда варваръ двинулъ его на этотъ постъ противъ его воли,—онъ принялся за работу мужественно, сносился тайно съ жителями города (столичнаго) и почти всѣхъ расположилъ въ свою пользу, потому что всѣми былъ любимъ, какъ человѣкъ украшенный всевозможными доблестями и превосходившій честностію прочихъ людей того времени; и если бы не воспрепятствовало тому божественное промышленіе, легко овладѣлъ бы царскимъ скипетромъ. Это обстоятельство побудило евнуха Никифора поусерднѣе взяться за государственныя дѣла, чтобы уни-

чтожить замыслы (Урзеля и Кесаря): но не надеясь на содействие римских войск, онъ отправилъ пословъ къ Туркамъ и убѣдилъ Артуха⁽¹⁾, находившагося тогда у восточныхъ предѣловъ (имперіи),—предпринять противъ нихъ войну, склонивъ его къ тому деньгами и обѣщаніями. Артухъ (это былъ вождь сильный) выступилъ противъ нихъ въ походъ съ многочисленнымъ войскомъ.

18. Узнавъ, что Турки выступили, и что Артухъ съ безчисленнымъ множествомъ войска идетъ противъ нихъ,—Кесарь и Урзель перешли чрезъ гребень горы, на которой находились—крѣпость и по близости царскій дворецъ (названіе крѣпости было Метаволи), и отыскавъ у подошвы Софона ровную и продолговатую долину, расположились на ней лагеремъ. Эту узкую долину избрали они, боясь, какъ бы небольшой отрядъ ихъ не былъ окруженъ и истребленъ многочисленнымъ непріателемъ; а вытекающая изъ Софона рѣчка служила имъ вмѣсто ограды. Артухъ быстро переправился чрезъ Сангарій и посѣпшилъ къ Метаволѣ, но не находя здѣсь Кесаря и Урзеля, вслѣдъ за ними и самъ перешелъ тамошнія тѣснины, потомъ, взошедши на вершину горы, называемой Мароксоъ, расположился станомъ

(¹) Этотъ Артухъ ниже называется Артаухомъ и, кажется, былъ одно и то же лице съ Тутахомъ, о которомъ упоминается далѣе (21), и у Анны Компиной. Его почитаютъ Тутонаиломъ, родоначальникомъ династіи Артакидовъ. По свидѣтельству Эл—Мацина, онъ въ 488 г. Эгиръ или въ 1073 году по Р. Х., вмѣстѣ съ Тагойдоломъ, умертвилъ никейскаго султана Салимана.

и оттуда наблюдалъ за непріателемъ, стоявшимъ недалеко отъ мѣста, которое извѣстно подъ именемъ Трисеи. Артухъ тотчасъ началъ нападать на нихъ и сперва бросалъ стрѣлы съ окрестныхъ высотъ, потомъ, раздѣливъ свое войско на три отряда, пытался окружить дружину Урзеля и Кесаря. Но съ тыла непріатели не могли подойти къ нимъ, потому что препятствовала гора, съ трехъ же прочихъ сторонъ Турки сильно налегали и старались разорвать латинскую фалангу⁽¹⁾. Малочисленные Римляне, тѣснимые многочисленнымъ войскомъ Турковъ и теряя лошадей, отсюду поражаемыхъ стрѣлами, рѣшились наконецъ вдругъ выйти противъ непріателей, чтобы поразить ихъ быстрымъ натискомъ конницы. Итакъ, собравшись всѣ и сомкнувшись въ ряды, они понеслись стремительно. Изъ этого вышло, что и непріателей пало много, да и они, бывъ окружены множествомъ Турковъ, частію пали, а большею частію взяты были въ плѣнъ. Въ числѣ послѣднихъ находились также Кесарь и Урзель. Обрадованный побѣдою, Артухъ возвратилъ Урзеля его войскамъ, взявъ съ него выкупъ, а съ Кесаремъ отошелъ по направленію къ верхней Фригій. Узнавъ о случившемся, царь Михаилъ послалъ выкупить Кесаря. Варваръ за большой выкупъ отдалъ и его. Бывъ уже недалеко отъ столицы и боясь подвергнуться еще большому не-

(¹) Вріенній называетъ ее латинскою, по латинянину Урзелию.

счастію, Кесарь переправился въ Трахонисій облечься въ монашескій образъ, принявъ постриженіе, и въ такомъ видѣ явился къ царю Михаилу. Увидѣвъ его, царь притворился, что очень жалѣеть о немъ.

19. Такой конецъ имѣли дѣла дивнаго Кесаря. Что же касается до Урзелія, то вырвавшись изъ плѣна, онъ пошелъ въ Понтъ и, занявъ нѣкоторыя крѣпости, отсюда беспокоилъ понтійскіе города — Амасію и новую Кесарію, опустошалъ ихъ окрugi и принуждалъ давать себѣ дань. Узнавъ о томъ, царь Михаилъ послалъ Никифора Палеолога къ правителю Аланіи привести оттуда наемное войско. Никифоръ отправился туда и, собравъ тамъ около шести тысячъ, пошелъ къ Понту и старался удерживать Урзелія отъ набѣговъ. Аланы между тѣмъ потребовали условленной платы, — и Никифоръ, не имѣя чѣмъ заплатить, счелъ нужнымъ сразиться съ Урзелемъ поскорѣе, — прежде, чѣмъ не разошлось это аланское войско. Но Аланы настоятельно требовали платы и, такъ какъ Никифоръ не могъ ее дать, — почти всѣ ушли отъ него назадъ, — немногіе только остались. Сразившись съ этими, Урзелій обратилъ ихъ въ бѣгство и немалое число побилъ, остальные же разбѣжались по городамъ Понта. Когда донесли объ этомъ царю Михаилу, онъ призвалъ прекраснаго юношу Алексѣя; ибо Промыслу было угодно, чтобы наконецъ открылась и его доблесть. Призванный къ царю, онъ объявленъ былъ Стратопедар-

хомъ ⁽¹⁾ и полновѣстнымъ вождемъ въ войнѣ противъ Урзелія.

20. Алексѣй охотно принялъ предложеніе царя; но мать его, услышавъ о томъ, принуждала сына отказаться отъ этой власти, говоря, что война противъ Урзелія требуетъ не юношескаго ума и силы, а мужа храбраго, много извѣдавшаго и многое сдѣлавшаго. Однакожъ Алексѣй, сильными просьбами уговорилъ ее и, напутствованный ея молитвами, выступилъ, не получивъ отъ царя ни денегъ на издержки военныя, ни достаточнаго войска. Прощедши Понтъ нафлагонскій и прибывъ въ Амасію, онъ нашелъ здѣсь немногихъ спасшихся Алановъ, именно около ста пятидесяти, и безпокая съ ними непріятеля, сколько разъ ни нападалъ на него, всегда побѣждалъ. Когда же остановилъ его набѣги, тогда, не ожидая уже съ его стороны нападеній, самъ подступалъ къ крѣпостямъ, которыми владѣлъ Урзелій и, устроивъ засады, посылалъ отряды на добычу въ ихъ окрестности. Возбуждаемые этимъ, враги выходили и начинали преслѣдовать грабителей, а онъ выбѣгалъ изъ засадъ и, занимая дороги, ведущія въ крѣпость, преграждалъ имъ возвратный путь. Отсюда происходило, что онъ почти всѣхъ ихъ забиралъ живыми, потому что дороги въ крѣпость были заперты. Повторяя это часто, онъ привелъ варвара въ большое затрудненіе. Имѣя достаточ-

⁽¹⁾ *Стратопедархъ*, какъ видно изъ контекста и хода Вриеніевыхъ записокъ, было имя должности, соотвѣтствующей фельдмаршалу, и означало почетный титулъ военнаго сановника, независимо отъ дѣйствительной его службы.

ныя силы, Урзелій желалъ бы кончить съ нимъ дѣло однимъ сраженіемъ; а Стратонедархъ, чувствуя недостатокъ въ войскѣ, старался одолѣть врага искусствомъ стратегическимъ. Посему, когда тотъ сосредоточивалъ войско, этотъ показывалъ видъ, будто намѣренъ оставаться въ покоѣ; а спустя нѣсколько дней, тайно выступалъ и, находясь недалеко отъ непріятеля, ставилъ засады, дѣлалъ частые набѣги и забиралъ военные транспорты. Когда возвращаемо было объ этомъ варвару, онъ посылалъ туда на помощь воиновъ; но, попадая на засаду, они почти всѣ были забираемы въ плѣнъ живыми. Убивать же ихъ Алексѣй считалъ преступнымъ, такъ какъ они были христіане.

21. Эти часто повторявшіеся случаи сильно огорчали варвара; ибо какіе города прежде повиновались ему и, либо по страху, либо по благодарности, давали дань, — теперь, не надѣясь на его помощь, не давали ему ничего. Посему, нуждаясь въ деньгахъ, Урзелій задумалъ дѣло смѣлое, но, какъ оказалось впоследствии, неблагоразумное. Не задолго передъ тѣмъ выступилъ изъ Персіи Тутахъ (¹) съ множествомъ Турковъ, чтобы опустошать Римскія области, — и Урзелій рѣшился сойтись съ нимъ и взять его въ союзники противъ Стратонедарха. И такъ сперва онъ отправилъ къ нему пословъ, а потомъ и самъ пришелъ въ лагерь Турковъ, переговорилъ съ Тутахомъ, взялъ съ него слово и возвратился

въ крѣпость, обѣщаясь скоро опять прибыть къ нему. Но узнавъ, что Урзелій ходилъ къ Тутаху, Стратонедархъ и самъ отправилъ къ нему пословъ съ богатыми дарами, напоминая ему о дружбѣ римскаго царя съ персидскимъ государемъ и просилъ его прислать также отъ себя пословъ самыхъ довѣренныхъ, потому что намѣренъ былъ сообщить ему нѣчто секретное, что принесло бы ему немалую пользу. Обрадовавшись подаркамъ и узнавъ, кто такой (Алексѣй), Тутахъ тотчасъ послалъ къ нему самаго довѣреннаго человека. Когда посолъ пришелъ въ Амасію, Стратонедархъ принялъ его ласково и такъ сблизился съ нимъ, посредствомъ подарковъ и многократныхъ бесѣдъ (ибо въ бесѣдѣ онъ былъ пріятель болѣе, чѣмъ кто другой), что варваръ возымѣлъ къ нему величайшее расположеніе. Послѣ того Алексѣй сталъ говорить ему слѣдующее: «римскій царь и султанъ — друзья между собою; а Урзелій — врагъ обоимъ. Онъ опустошаетъ римскія области, но вторгается и во владѣнія турецкія. Теперь, видя, что пришелъ твой Эмиръ, и боясь, какъ бы не погибнуть отъ обоихъ насъ, онъ дѣлаетъ видъ, что съ любовію обращается къ Тутаху, а между тѣмъ только выигрываетъ время и, когда оно пройдетъ, — опять будетъ врагомъ Турковъ, какимъ былъ и прежде. По этому, если я заслуживаю сколько нибудь довѣрія, то пусть Тутахъ, какъ только придетъ къ нему Урзелій, выдастъ его мнѣ за большія деньги. Отсюда онъ получитъ три весьма важныя выгоды: возмѣтъ много денегъ, войдетъ въ близость съ

(¹) См. прим. стр. 76,

римскимъ царемъ, которая будетъ для него весьма благодѣтельна, и въ третьихъ обрадуетъ султана избавленіемъ Турковъ отъ врага».

22. Посоль убѣдился словами Стратопедарха и обѣщаль убѣдить Эмира исполнить желанія Алексѣя. Онъ отпавленъ былъ съ новыми дарами и объяснилъ все Тутаху, изобразивъ ему и умъ Стратопедарха, и любезность его въ бесѣдѣ, и щедрость въ деньгахъ. Варваръ плѣнился этимъ рассказомъ и совершенно повѣрилъ словамъ и предложенію Алексѣя. Посему, когда пришелъ къ нему Урзелій, онъ показаль видъ, что принимаетъ его радушно, но, поужинавъ съ нимъ, схватилъ его и въ узахъ отослалъ къ Стратопедарху; взялъ только заложниковъ, пока будутъ выплачены условленные деньги. Алексѣй обрадовался этому, но денегъ не имѣлъ и въ затрудненіи не зналъ, что дѣлать; посему тотчасъ созвалъ собраніе и пригласилъ на совѣтъ значительныхъ людей города; когда же все собрались, началъ говорить имъ такъ: «Мужи, приглашенные мною сего дня на совѣщаніе! послушайте моихъ словъ. Вы знаете, какъ этотъ варваръ поступалъ со всеми городами Арменіи, сколько вынудилъ у васъ денегъ, сколько опустошилъ мѣстечекъ и какъ поступалъ съ человѣческими тѣлами, подвергая ихъ невыносимымъ мученіямъ по причинамъ ничтожнымъ. Теперь настало время избавить васъ отъ такого злосчастія, и вы не должны упускать этого случая, чтобы, избѣгая дыма, не попасть въ печь. По волѣ Божіей и нашему старанію, вы видите теперь этого варвара въ узахъ. Но взяв-

шій его въ плѣнъ требуетъ воздаянія, а у насъ нѣтъ денегъ. И такъ необходимо, чтобы каждый изъ васъ внесъ сколько нибудь по мѣрѣ возможности. Если бы царь не былъ далеко, или если бы варваръ согласился на отерочку, я постарался бы достать вознагражденіе оттуда. Но вы сами видите, что ни то, ни другое не возможно; а между тѣмъ толпы Турковъ сильно опустошаютъ страну, пока Эмиръ остается здѣсь, ожидая воздаянія. Поэтому, какъ я сказалъ, необходимо вамъ сложиться. Я обращаю свою рѣчь къ начальникамъ города. Все, сколько вы мнѣ дадите, получите отъ царя».

23. Выслушавъ это, правители города, возмѣрились возмутить народъ; поднялся большой шумъ и крикъ: одни просто кричали, а другіе громко выражали желаніе, чтобы Урзелій былъ оевoboжденъ, и что отъ него будто бы никто не потерпѣлъ ничего худого, а потому старались вырвать его изъ подъ стражи и отпустить на свободу. Иной, видя чернь въ такомъ неистовствѣ и такой большой городъ—въ волненіи, можетъ быть, испугался бы; но мужественный юноша,—разумію Стратопедарха,—ничего не боясь, весь шумъ остановилъ движеніемъ руки и потомъ, какъ скоро все утихло, обратился къ народу съ слѣдующими словами: «Амасійцы! Я удивляюсь, какъ легко вдаетесь вы въ обманъ тѣмъ, которые обольщаютъ васъ и цѣною вашей крови покупаютъ личную свою выгоду, подвергая васъ большимъ бѣдамъ; ибо установленіе тираніи какую пользу, принесло вамъ, кромѣ убійствъ,

узъ, пытокъ и отсѣченія членовъ? Вы-то дѣйствительно терпѣли все это; а тѣ, которые теперь, благопріятствуя варвару, возбуждаютъ васъ къ такому буйству и шуму, остались неприкосновенными, да еще отъ царскихъ щедротъ получили награду за то, что ни себя самихъ, ни города не предали варвару,—объ васъ же ни разу не сказали ни одного слова. Точно такъ и теперь: они хотятъ учредить тираннію, чтобы, закидывая тиранну пріятныя надежды, самимъ сохранившись неприкосновенными и получить отъ царя новыя почести и награды; а когда произойдетъ что нибудь неожиданное, постараются поставить себя дальше отъ мѣста дѣйствій, весь же царскій гнѣвъ обратятъ на васъ. Но если вы сколько нибудь вѣрите мнѣ,—предоставьте говорить возмущающимъ васъ къ мятежу, и пусть каждый изъ васъ идетъ домой обсудить сказанное: тогда вы увидите, кто желаетъ вамъ пользы». Народъ, выслушавъ эту рѣчь, одобрилъ сказанное,—и всѣ разошлись.

24. Между тѣмъ Стратопедархъ, опасаясь, какъ-бы люди сильные снова не возмутили народа и не исторгли Урзелия, задумалъ дѣло весьма разумное и вмѣстѣ человѣколюбивое. Что же это за дѣло?—Онъ призываетъ палача, разводитъ огонь, раскаляетъ желѣзо, распростираетъ Урзелия на полу, приказываетъ ему жалобно кричать и стенать, какъ будто его лишаютъ зрѣнія. Урзелий повинуется и наполняетъ весь домъ крикомъ и стenanіями. Потомъ на его глаза накладываютъ цѣлебный пластырь, а на пластырь—повязку; по-

утру же выводить его предъ народъ и показывать всѣмъ, какъ ослѣпленнаго. Такимъ дѣйствіемъ Стратопедархъ прекратилъ всякое волненіе.—Избавившись отъ этой крайности, онъ помышлялъ теперь, какъ бы овладѣть войскомъ Урзелия и занятыми имъ крѣпостями; но приближенные царя, присланные къ нему, понуждали его, взявъ Урзелия, возвратиться съ нимъ въ столицу. На это Алексѣй отвѣчалъ имъ: «дурно будетъ, если мы, овладѣвъ однимъ тиранномъ, оставимъ въ покоѣ другихъ его приверженцевъ и уйдемъ отсюда; ибо (въ такомъ случаѣ) кто-нибудь изъ оставшихся непременно начнетъ тоже тиранствовать и снова возмутитъ города. Мнѣ кажется, съ тиранномъ надобно уничтожить и тираннію и постараться, если возможно, овладѣть крѣпостями». Сказавъ это, онъ принялся за дѣло, и прежде всего сталъ сторожить дороги, чтобы ничто изъ необходимыхъ потребностей не было тайно доставляемо въ крѣпости, и сильно поражалъ всѣхъ, выѣзжавшихъ для сбора хлѣба и другихъ жизненныхъ припасовъ; а потомъ устраивалъ засады и нѣкоторыхъ изъ своихъ посылалъ на фуражировку. Тогда гарнизоны, выходя изъ крѣпостей и преслѣдуя фуражировъ, попадали на засады и были истребляемы. Дѣлая это часто и разнообразно, онъ привелъ франковъ въ затруднительное положеніе; ибо назначалъ фуражировки то черезъ четыре, то черезъ пять дней, а иногда черезъ день, или черезъ два. Посему засѣвшіе въ крѣпостяхъ, не зная что дѣлать, предали Стратопедарху и себя самихъ, и крѣпости, а другіе

бросали ихъ и обращались въ бѣгство. Такимъ образомъ Алексѣй сдѣлался обладателемъ всего. Пробывъ нѣсколько времени въ Амасіи, онъ успокоилъ всѣ города и, возстановивъ глубокий миръ, приобрѣлъ тѣмъ всеобщую любовь; потомъ, взявъ съ собою Урзелія, выѣхалъ оттуда, сопровождаемый привѣтствіями и многочисленными благожеланіями.

25. Тогда какъ, проѣзжая чрезъ Пафлагонію, Стратопедархъ находился недалеко отъ дома Θεодора Докіана, человека благороднаго, богатаго и кровнаго его родственника (ибо онъ былъ сынъ сестры отца его),—Докіанъ, узнавъ о его приближеніи, далеко вышелъ къ нему навстрѣчу и привѣтствовалъ его; но взглянувъ на Урзелія и увидѣвъ лежавшую на глазахъ его повязку, опечалился и не удержался, чтобы не осудить Стратопедарха за то, что онъ лишилъ зрѣнія человека столь храбраго и могшаго принести великую пользу Римлянамъ. Алексѣй, всегда скромный, умѣвшій держать дѣло въ тайнѣ и не вдругъ показывать его на свѣтъ, кротко и ласково отвѣчалъ ему такъ: «теперь не время, братъ, объяснять причины, по которымъ онъ лишенъ зрѣнія; но когда пріѣдемъ домой и останемся наединѣ, — ты узнаешь все и тотчасъ избавишь меня отъ порицанія». Итакъ они поспѣшили въ домъ, сошли съ лошадей, стряхнули съ себя пыль и, пока поваръ приготовлялъ угостительный ужинъ, сѣли закусить. Послѣ закуски, Стратопедархъ, взявъ Докіана за руку, повелъ его въ ту комнату, въ которой содержался Урзелій, и приказалъ

ему снять повязку. Урзелій тотчасъ же вскочилъ и, сбросивъ повязку, смотрѣлъ всѣми глазами и привѣтствовалъ Докіана. Этотъ послѣдній, пораженный такою неожиданностію, преисполненъ былъ радостію и, обнявъ знаменитаго Алексѣя, цѣловалъ его въ уста, щеки и прекрасные глаза, а великую его выдумку называлъ вполне достойною тѣхъ, которые произвели на свѣтъ такого юношу, хвалилъ его драму и удивлялся искусной его скрытности.

26. Прогостивъ у Докіана три дня, Стратопедархъ разстался съ нимъ и отправился по направленію къ Понтійскому морю. Находясь близъ Кастамона, онъ пожелалъ видѣть домъ своего дѣда; посему, приказавъ всѣмъ (своимъ спутникамъ) продолжать путь, самъ съ немногими свернулъ съ дороги. Вошедши въ домъ и нашедши его совершенно необитаемымъ, онъ проливалъ слезы и вздыхалъ, вспоминая о своихъ прародителяхъ. Извлеченный отсюда силою, онъ отправился вслѣдъ за своими спутниками; потому что легко могъ бы быть захваченъ Турками, если бы находившіеся при немъ не поспѣшили увлечь его и не соединили съ прочею его свитою. Когда проходилъ онъ тѣнины и спускался къ морю у Гераклеи,—встрѣтилъ его Мавриксъ,—человѣкъ незнакомый, но расторопный и весьма хорошо знакомый съ плаваніемъ по морю. Посему и римскіе цари считали его человѣкомъ нужнымъ и дѣлали ему большіе подарки; такъ что чрезъ это онъ нажилъ великое богатство, имѣлъ множество рабовъ, изъ которыхъ иные служили у него въ

качествъ воиновъ, и выстроилъ себѣ великолѣпный домъ. Этотъ-то человекъ, встрѣтивъ (Алексѣя), просилъ его зайти къ нему въ домъ, и тотъ согласился. По прибытіи въ Гераклею, Стратопедархъ сперва отправился въ нерукотворенный храмъ Богоматери ⁽¹⁾, и тамъ принесъ благодарственные моленія Спасителю всѣхъ и Его Матери, а потомъ уже прибылъ въ домъ Маврикса.

27. Но въ то время, какъ онъ готовился отправиться въ путь, получено было извѣстіе о приближеніи турецкихъ фуражировъ. Эта вѣсть побудила его взяться за оружіе гораздо скорѣе, чѣмъ, какъ говорятъ, побудила нѣкогда Александра Флейта Тимофеева. Вооружившись и сѣвъ на коня, онъ отправился съ своими (спутниками). За нимъ слѣдовали и воины Маврикса, люди въ воинскомъ искусствѣ опытные и храбрые, а начальникомъ ихъ былъ Михаилъ Вутумити, — что бы сказать словами Омира, — малый тѣломъ, но съ воинственною осанкою. Турки увидѣли ихъ издали и, замѣтивъ блескъ ихъ оружія и благоустроенность фронта, не могли выдержать неудержимаго ихъ натиска и отчаянно побѣжали; а тѣ, прогнавъ Турковъ далеко отъ своихъ предѣловъ и нѣкоторыхъ изъ нихъ убивъ, возвратились. Стратопедархъ былъ радъ этой случайной побѣдѣ на пути его и хотѣлъ остаться въ предѣлахъ Гераклеи, чтобы, отражая выходившихъ на

(1) Это выраженіе въ греческомъ подлинникѣ не довольно точно, надобно понимать о храмѣ нерукотворенной иконы Богоматери.

фуражировку Турковъ, умножить тѣмъ свои трофеи и такимъ образомъ возвратиться въ великій городъ пятикратно увѣнчаннымъ ⁽¹⁾. Но письмо и одновесельное судно съ гребцами, присланныя отъ царя, воспрепятствовали его намѣренію; ибо въ письмѣ повелѣвалось ему сѣсть на судно вмѣстѣ съ Урзелиемъ и немедленно плыть въ столицу, потому что на дорогахъ Турки дѣлаютъ засады. Онъ исполнилъ приказаніе и на суднѣ поплылъ въ Пропонтиду. Во время его плаванія вдругъ поднялся сильный вѣтеръ — Ораскій и угрожалъ ему совершенныя кораблекрушеніемъ, если бы видимо не спасла его Матерь Божія; ибо, какъ скоро онъ призвалъ ее на помощь, — море тотчасъ же успокоилось, и онъ избѣжалъ этой бѣды.

28. Когда Алексѣй прибылъ въ столицу, — царь принялъ его съ любовью, цѣловалъ радостно и — повторю (собственные) его слова — сказалъ: «хорошо, что прибылъ тотъ, кто послѣ Бога, правая наша рука». Это было первое отъ царя воздаяніе за его труды — благодарность царя при первой встрѣчѣ; впослѣдствіи же былъ онъ награжденъ почестями и подарками. Между тѣмъ Урзелей находился въ темницѣ подъ строгимъ карауломъ, и добрый во всѣхъ отношеніяхъ Алексѣй всячески заботился о немъ, удовлетворяя многимъ необходимымъ его потребностямъ и умѣряя

(1) Это выраженіе заимствовано у древнихъ Грековъ, — которые, для полнаго торжества состязателя на публичныхъ (олимпійскихъ или истмійскихъ) играхъ, требовали, чтобы онъ одержалъ побѣду пять разъ.

царскій на него гнѣвъ. Въ такомъ положеніи были дѣла славнаго Алексѣя. Въ это время заплатилъ общій долгъ природѣ Дуксъ Антиохіи Протопредръ ⁽¹⁾ Іосифъ Траханіотъ, — и тамошнія дѣла пришли въ такой безпорядокъ, что произшедшую тревогу, особенно когда начала возрастать тираннія Филарета, съ трудомъ могъ остановить сынъ умершаго Катакалонъ. Царь Михаилъ избралъ Дуксомъ Антиохіи Исаака. Думая, что виновникомъ сего возмущенія былъ Патріархъ Эмилианъ, Михаилъ приказалъ, какъ можно скорѣе препроводить его въ Константинополь. Логоуетъ издавна уже питалъ къ Патріарху нерасположенность и общалъ Исааку награду отъ царя, если только онъ изгонитъ Патріарха изъ города. Прибывъ въ Антиохію, Комнинъ принять былъ тамъ съ величайшею честью какъ высшими сановниками, такъ и занимавшимъ патріаршескій престолъ. Вступивъ въ городъ, онъ притворно угождалъ Патріарху и, боясь народной любви къ нему, обращался съ нимъ дружески; ибо городъ раздѣлился на двѣ партіи: одна держалась Патріарха и искренно была ему предана; а другая угождала правителямъ. И такъ опасаясь возмущенія, Дуксъ и не предъявлялъ царской грамоты, предписывавшей ему изгнать Патріарха, и не открывалъ ничего, (устно) наказаннаго ему царемъ. А что придумываетъ? — Притворяется больнымъ, накладываетъ повязку на руки около плечъ, распускаетъ слухъ о своей болѣзни и приглашаетъ

врачей. Навѣщаетъ его и Патріархъ, разсуждаетъ съ нимъ о его болѣзни и относительно ея принимаетъ въ немъ участіе. Причиною болѣзни повидимому былъ завалъ въ лѣвой артеріи. Посему врачамъ хотѣлось, чтобы больной выѣхалъ изъ города и избралъ мѣсто, сообразное съ его болѣзнію, чтобы, то есть, оно имѣло благорастворенный воздухъ и больному доставляло удовольствіе. Тогда Патріархъ сказалъ, что у него есть такое мѣсто, и сталъ убѣждать Дукса, чтобы онъ тотчасъ выѣхалъ изъ города и поселился тамъ. Тотъ выѣхалъ, а Патріархъ, проводивъ его, возвратился (въ городъ). Что же потомъ? Прошло два дня; Патріархъ снова пріѣхалъ навѣстить больного. Увидѣвъ Патріарха, больной на вопросъ его о здоровьи, отвѣчалъ: «по твоимъ молитвамъ, чувствую себя лучше; благорастворенность воздуха въ этомъ мѣстѣ приноситъ мнѣ пользу». Услышавъ это, Патріархъ обрадовался. Но между тѣмъ какъ они еще бесѣдовали между собою, нѣкто пришелъ съ извѣстіемъ, что недалеко оттуда залегъ заяцъ, — и врачи совѣтовали (больному) выѣхать (на охоту). Онъ притворился, будто не хочетъ; а Патріархъ, вовсе не зная замысла, сталъ убѣждать его сѣсть на коня и отправиться на ловлю зайца. Тогда Дуксъ показалъ видъ, что слушается его, но, сѣвши на коня будто съ трудомъ, направилъ свой путь прямо въ Антиохію. Прибывъ въ городъ, онъ заперъ ворота и послалъ къ Патріарху царскую грамоту, которою предписывалось ему отправиться въ столицу; поэтому просилъ его, какъ можно скорѣе,

⁽¹⁾ См. Предръ стр. 37.

ѣхать къ морю. Патріархъ досадовалъ и грозилъ причинить тяжкое зло, хотя и не могъ сдѣлать этого. И такъ отправившись противъ воли въ Лаодицію и пробывъ тамъ нѣсколько дней, чтобы получить изъ Антиохіи необходимое на дорогу, онъ поѣхалъ въ Византію.

29. Избавившись отъ страха, внушаемаго Патріархомъ, Исаакъ взялся за дѣла общественныя и старался подавлять возобновлявшіеся въ городахъ возмущенія. Но онъ не могъ усмирить древняго врага христіанъ, который снова возбуждалъ мятежниковъ—и при томъ по одной маловажной причинѣ. Нѣкоторые изъ лицъ, начавшихъ недавно возвышаться, подстрекаемые завистию, вооружили народъ противъ властей и самаго Дукса: этого послѣдняго заперли они въ крѣпости и караулили входы, а на тѣхъ напали и нѣсколькихъ изъ нихъ умертвили. Другіе же изъ бунтовщиковъ бросились грабить дома правителей, находившіеся близъ крѣпости, и расхитили имущество ихъ. Подвергшись такой неожиданной опасности, Дуксъ послалъ въ сосѣдніе города за войскамн. Войска вскорѣ собрались въ достаточномъ количествѣ, и онъ искусно началъ дѣйствовать самъ противъ возмутителей. Раздѣливъ военныя силы на многіе отряды, Дуксъ приказалъ имъ занять тѣсныя проходы и брать всѣхъ встрѣчныхъ, чтобы возмутители не могли соединиться и пѣмогать одни другимъ. Когда это было исполнено,—въ Антиохіи началось великое истребленіе возмутителей, и такимъ способомъ едва едва подавлено было возстаніе. Подавивъ его, Дуксъ спѣшилъ привлечь къ

себѣ благосклонность Антиохійцевъ. По прошествіи же нѣсколькихъ дней, получено было извѣстіе, что Турки въ большомъ числѣ идутъ въ Сирію. Посему взявъ войско, онъ выступилъ. Ему сопутствовалъ также зять его по сестрѣ, Константинъ (*), сынъ царя Діогена. Но встрѣтившись съ Турками и вступивъ съ ними въ сраженіе, Дуксъ былъ разбитъ и, хотя мужественно сражался, однакожъ, получивъ много ранъ, взятъ былъ въ плѣнъ, а Константинъ убитъ. Но Антиохійцы тотчасъ же послали 20,000 золотыхъ монетъ и, купивъ его (изъ плѣна), старались излечить полученные имъ на войнѣ раны. За это съ того времени онъ питалъ къ нимъ искреннее расположеніе и старался по возможности отплатить имъ благодарностію. Въ такомъ положеніи были дѣла въ Антиохіи; а что происходило (въ то же время) на Западѣ, покажетъ слѣдующая книга.

КНИГА III.

1. Въ предыдущей книгѣ говорилось о томъ, что случилось на Востокѣ, послѣ смерти царя Діогена, какія происходили тамъ безпокойства,

(*) Этотъ Константинъ у други хъ византійскихъ историковъ называется Львомъ. См. Анн. Комн. LX, p. 271.

измѣны и бунты, и какъ они тотчасъ же были подавляемы,—какимъ образомъ величайшая изъ всѣхъ золъ тиранніи, разумно Урзелиеву,—достигшая высшего могущества и бывшая причиною многихъ бѣдствій для Римлянъ, уничтожена была Алексѣемъ Комнинымъ, когда онъ былъ еще слишкомъ молодъ и имѣлъ должность Стратопедарха надъ восточными войсками. Теперь же отъ событій, происходившихъ на Востокѣ, намъ нужно перейти на Западъ, и рассказать о нѣкоторыхъ тамошнихъ происшествіяхъ, чтобы наша рѣчь, развиваясь стройно и въ порядкѣ, снова встрѣтилась съ дѣйствіями Алексѣя Комнина. Когда младшій изъ сыновей знаменитаго Кесаря, Константинъ, мужъ доблестный, внезапно скончался, а старшій—Андроникъ, доказавшій геройство своей души въ войнѣ съ Урзелиемъ и не пощадившій себя для спасенія своего отца, такъ сильно былъ израненъ, что отъ истеченія крови едва достигъ Византіи, гдѣ благодаря величайшей заботливости о немъ, хотя и получилъ облегченіе отъ мучительныхъ ранъ, но страдалъ грудью и, по мнѣнію врачей, носилъ въ себѣ водяную болѣзнь, въ которой врачебное искусство отказывалось помочь больному, — когда все это происходило, и Кесарь гражданскую жизнь перемѣнилъ на монашескую; тогда царь Михаилъ былъ тревожимъ безчисленными заботами: Скионы дѣлали набѣги на Фракію и Македонію, Славяне вышли изъ повиновенія Римлянамъ и опустошали Болгарію; были разграбляемы также Скупы и Нансъ; находились въ бѣдственномъ состояніи Сирмій, зем-

ли, лежащія при рѣкѣ Савѣ, и города при Истрѣ до самаго Виддина. Съ той-же стороны отложились Хорваты и Діоклейцы⁽¹⁾ и злодѣйствовали во всей Иллиріи.

2. Въ такихъ обстоятельствахъ царь Михаилъ былъ тревожимъ великимъ страхомъ и думалъ, кого-бы избрать себѣ помощникомъ въ царствованіи и предоставить ему второе, т. е. кесарское достоинство. Такъ какъ всѣ его родственники скончались, то онъ обратилъ вниманіе на высшихъ военачальниковъ и между окружавшими его искалъ такого человека, который превосходилъ бы другихъ опытностію въ дѣлахъ, умомъ и доблестію. Въ то время всѣ при дворѣ и самъ Логофетъ почитали такимъ Никифора Вріеннія, — о которомъ мы упомянули выше, — человека преданнаго Богу, вѣрнаго въ дружбѣ, сильного, предусмотрительнаго, осторожнаго въ управленіи войскомъ и испытаннаго въ борьбѣ съ врагами. Посему онъ царскою грамотою тотчасъ же былъ вызванъ изъ Одрисъ. Но прежде, чѣмъ этотъ мужъ прибылъ въ столицу, царь сказалъ о томъ одному изъ сенаторовъ, родственнику своему по матери: это былъ Константинъ Друнгарій, племянникъ прежде занимавшаго патріаршій престолъ Михаила, по прозванію Киролларія⁽²⁾. Услы-

(1) Отложеніе Хорватовъ и Діоклейцевъ произвело такъ называемую въ Исторіи сербскую войну, о которой подробности пишутъ Скилицъ (р. 831 sqq) и Анна К. (р. 40).

(2) Михаилъ Киролларій былъ преемникомъ Алексѣя, бывшаго патріархомъ въ царствованіе Мономаха, Θεодоры, Стратіотиа и Исаака Комнина. О немъ много говорятъ Бароній (ann. eccl.) и Левъ Аллаций (de libr. Eccles. Graecor.).

шавъ о царскомъ распоряженіи, этотъ человѣкъ былъ недоволенъ имъ, ибо и самъ давно мечталъ о царствованіи; посему, на вопросъ, какого онъ мнѣнія о Вріеннѣ, сказалъ, что знаетъ этого человѣка и хвалить, но предполагаемое ему назначеніе не совсѣмъ одобряетъ. Ты или долженъ, говоритъ, добровольно передать ему царскую власть, какъ мужу храброму, дѣятельному и предприимчивому, или, если не хочешь испытать это по неволѣ, оставь свое намѣреніе,—не принимай его въ соучастники правленія. Такими словами онъ сильно устрасилъ царя, и безъ того робкаго, и, какъ говорятъ, боявшагося собственной своей тѣни.

5. Когда Вріенній прибылъ, царь Михаилъ, перемѣнилъ свое намѣреніе и назначилъ его Дуксомъ всей Болгаріи⁽¹⁾, чтобы чрезъ него обуздать усиливающихся Славянъ. Находясь въ Болгаріи, Вріенній въ короткое время до того смирилъ Болгаръ, что они тотчасъ признали надъ собою власть Римлянъ и довольны были тѣмъ, что именно онъ управлялъ ихъ дѣлами. Между тѣмъ Хорваты и Діоклейцы разоряли Иллирію, а Франки завладѣли Италіею и Сициліею и задумывали ужасы противъ Римлянъ. Посему Михаилъ вознамѣрился изъ Болгаріи передвинуть Вріеннія въ Диррахій⁽²⁾, бывшій митрополіею

(1) Болгарія, окончательно покоренная царемъ Васиціемъ, обращена въ римскую провинцію и стала управляться префектами подъ титуломъ Дуксовъ.

(2) Диррахій былъ главнымъ городомъ Македоніи. Этотъ большой и многолюдный городъ лежалъ на восточномъ берегу Адриати-

Иллиріи и немедленно отправилъ къ нему грамоту, въ которой не столько приказывалъ, сколько просилъ его перейти въ Иллирію. Вріенній прибылъ туда,—и всѣ жители приняли его съ радостію, потому что онъ былъ человѣкъ весьма привѣтливый и щедрый. Пробывъ тамъ немного времени, чтобы приготовиться къ войнѣ, онъ повелъ войско противъ Діоклейцевъ и Хорватовъ. Такъ какъ они устроили свои лагери въ мѣстахъ самыхъ неприступныхъ; то онъ старался сперва уничтожать эти преграды. Прежде всего, вооруживъ воиновъ, онъ провелъ ихъ сквозь тѣснины. Но войско ужаснулось при мысли о возвращеніи чрезъ эти непроходимыя мѣста; посему онъ собралъ множество туземныхъ жителей и приказалъ имъ идти за войскомъ съ заступами, чтобы расчищать и расширять непроходимыя дороги. Тогда воины охотно пошли на непріятелей и такимъ образомъ достигли того мѣста, гдѣ находилась непріятельская армія. Напавъ на нее, Вріенній послѣ жестокой битвы, одержалъ совершенную побѣду. Итакъ, сдѣлавъ всѣ города, по прежнему, данниками Римлянъ, взявъ заложниковъ и въ каждой странѣ оставивъ достаточную стражу, онъ возвратился въ Диррахій. Такъ какъ посылаемые изъ Италіи корабли нападали на купеческія суда и грабили ихъ, то онъ вознамѣрился обуздать и этихъ враговъ; и дѣйствительно —

ческаго моря и прежде назывался Эпидамномъ (Plin. L. 3. c. 23). Въ Диррахій сосланъ былъ Цицеронъ и, живя тамъ, хвалился благорасположеніемъ къ себѣ его гражданъ (Lucan. Civil. bell. L. 6. v. 14).

тотчасъ отправивъ противъ нихъ вооруженныя триремы, многіе изъ разбойничьихъ кораблей потопилъ, а другіе взялъ въ плѣнъ, и такимъ образомъ совершенно разстроилъ эту (разбойничью) италійскую флотилію.

4. Таковы были достойныя почестей и наградъ дѣла Вріеннія. Но зависть не перенесла столь великихъ подвиговъ превосходнѣйшаго мужа и возбудила языкъ клеветниковъ, *глаголющихъ мръ съ близкими своими, злая же въ сердцахъ своихъ*, какъ говоритъ божественный Давидъ (Псал. 27, 3). Воспользовавшись легковѣріемъ царя, они тайно говорили ему, будто Вріенній задумываетъ тираннію. Возбуждаемый ихъ рѣчами, царь послалъ въ Иллирію одного изъ самыхъ преданныхъ себѣ людей (это былъ Евстаѳій изъ Каппадокіи) съ приказаніемъ—подъ рукою развѣдать о сдѣланномъ донесеніи. Вріенній принялъ прибывшаго самымъ радушнымъ образомъ и такъ сблизился съ нимъ, что послѣдній открылъ ему сущность дѣла и цѣль, для которой царь послалъ его. Услышавъ это, Вріенній былъ глубоко оскорбленъ и испугался; однакожъ не предался гнѣву, но сдержалъ себя и соображалъ, что ему дѣлать. Въ это время возвратился въ Византію, предъ тѣмъ усердно сражавшійся съ Скиѳами, родной его братъ. Домогаясь у царя награды за свои подвиги, онъ докучалъ Логоѳсту. Но какъ на него не обращали вниманія и всегда отпускали его ни съ чѣмъ; то онъ былъ тѣмъ сильно огорченъ и скорбѣлъ. Прибылъ изъ Пафлагоніи сынъ Флора, Васибеки — съ надеждою

также получить отъ царя какую-нибудь награду, (ибо въ воинскихъ дѣлахъ былъ мужъ доблестный); но и этотъ не достигъ своей цѣли, а потому скорбѣлъ и печалился. Встрѣтившись другъ съ другомъ, оба они вступили въ разговоръ и начали сильно роптать на нещедрость царя и жестокость Логоѳста. Плодомъ этой встрѣчи и бесѣды было то, что они дали одинъ другому клятву—придумать что нибудь, что могло бы быть полезно и для нихъ самихъ и для римскаго царства, храня однако же въ тайнѣ свои замыслы. Замыслы эти состояли въ томъ, чтобы царя, столь скупаго и нерасчетливаго, низвергнуть и ввѣрить надъ Римлянами власть мужу, украшенному истинными достоинствами,—пусть римскіе полководцы не будутъ игрушкою евнуха. Въ этой мысли они заблагоразсудили, какъ можно скорѣе, вызвать изъ Иллиріи Вріеннія и сдѣлать его начальникомъ заговора.

5. Составивъ такой заговоръ, Іоаннъ Вріенній отправился домой (въ Адрианополь), а Васибеки остался въ Византіи. Спустя немного времени, одинъ изъ варваровъ бердышниковъ, которымъ ввѣрено было охраненіе царскихъ палатъ, прибылъ въ Одрисы, — въ такъ называвшуюся встарину Орестіаду, а нынѣ Адрианополь. Пришедши въ одну гостиницу и выпивъ тамъ много вина, онъ высказалъ тайну, что Логоѳстъ послалъ его съ цѣлію—обманомъ подойти къ Вріеннію и умертвить его. Объ этомъ было донесено Вріеннію; варваръ тотчасъ же былъ схваченъ и, подвергнутый пыткамъ, волею — неволею признался,

что дѣйствительно было такъ. Іоаннъ Вріенній приказалъ отрѣзать ему носъ и немедленно отправилъ къ брату письмо, которымъ склонялъ его къ возстанію. Когда это письмо доставлено было ему въ Диррахій,—онъ въ крайнемъ недоумѣніи не зналъ, что дѣлать: рѣшиться на измѣну считалъ онъ дѣломъ страшнымъ и могущимъ навлечь величайшія бѣдствія; а пренебречь все и предать себя очевидной опасности—находилъ несвойственнымъ мужу доблестному, благоразумному и мужественному. Долго колебался онъ въ этихъ мысляхъ, а между тѣмъ письма брата непрестанно подстрекали его.

6. Таковы были обстоятельства Вріеннія. Въ то время Кесарь, видя, что сынъ его приближается къ смерти и что послѣ него останутся въ самомъ юномъ возрастѣ его дѣти, естественно старался найти попечителя о его домѣ. Къ этому побуждали его—какъ самъ Андроникъ, такъ и прекраснѣйшая изъ всѣхъ женщинъ супруга его, соединявшая съ внѣшнею красотою красоту внутреннюю, сіявшая, кромѣ знатности рода, и чистотою добродѣтелей, и пріятностію нрава. Родъ свой она производила, по отцу, отъ болгарскаго царя Самуила, ибо была дочь сына его Трояна; а по матери,—отъ Контостефановъ, Аваллантовъ и Фокадовъ, мужей въ древности знаменитыхъ и обладавшихъ великимъ богатствомъ. Эта-то жена, отличавшаяся отъ всѣхъ женщинъ своимъ умомъ, не переставала упрашивать мужа объ отысканіи ея дѣтямъ какого нибудь покровителя и даже подала ему совѣтъ сколько благоразумный,

столько же и полезный. Онъ состоялъ въ томъ, чтобы старшую ихъ дочь выдать замужъ за Алексѣя Комнина. У нихъ было три дочери, изъ коихъ младшую — Теодору съ младенчества ея посвятили они Богу и обручили непорочному и безстрастному Жениху. Теперь имъ надлежало позаботиться о двухъ другихъ, преимущественно же объ упомянутой выше Иринѣ; ибо эта дѣвица была исполнена прелестей, сіяла красотою тѣлесною и чистотою нрава. Мать высказала свою мысль о ея замужествѣ,—и Кесарь одобрилъ ее, а Протовестіарій⁽¹⁾, то есть, знаменитый Андроникъ такъ обрадовался, что почти забылъ о своей болѣзни. Ходившаго иногда къ нему Алексѣя Комнина однажды принялъ онъ наединѣ и спросилъ его: не хочетъ ли онъ жениться?—ибо прежде обрученная ему невеста, дочь Аргира, мужа именитаго, богатаго и обладавшаго большимъ имѣніемъ, умерла. Узнавъ о его желаніи, онъ тотчасъ же предложилъ ему и о родственномъ съ собою союзѣ. Благоразумный болѣе, чѣмъ всякій другой юноша, Алексѣй хотя и радъ былъ услышать это предложеніе, замѣтилъ однакожъ, что согласіе на него зависитъ отъ воли его матери. Тогда весь домъ Кесаря захлопоталъ: прекраснѣйшая изъ всѣхъ женщинъ привела въ движеніе всѣхъ слугъ и домочадцевъ.

(¹) Протовестіарій при визавтійскомъ дворѣ былъ сановникъ, заведывавшій царскимъ гардеробомъ. Впослѣдствіи эта должность получила значеніе столь важнаго титула, что царь Михаилъ Палеологъ украсилъ имъ роднаго своего внука Михаила Трахоніата. Hoffm. Lexic.

Между тѣмъ царю было не по сердцу, что Комнинъ чрезъ бракъ соединяется родствомъ съ этимъ домомъ, да и мать Алексѣя, питавшая старинное нерасположеніе къ Кесарю и дому кесареву, не охотно склонялась на это, равно и родной братъ державнаго, Порфирородный Константинъ, очень любившій мужественнаго Алексѣя, не соглашался на такой бракъ; ибо у него была старшая сестра, по имени Зоя, на которой онъ думалъ женить его. Но мудрѣйшая изъ всѣхъ женщинъ не испугалась столь великихъ препятствій; она не давала сна очамъ и вѣждамъ дреманія, не жалѣла и денегъ, пока прекраснѣйшую дѣвицу не обручила съ прекраснѣйшимъ юношею. Отецъ немногимъ пережилъ ихъ обрученіе и скончался, оставивъ любимую дочь въ пріятныхъ надеждахъ. Но злые люди начали было опять одерживать верхъ, и бракъ легко могъ быть разстроенъ; потому что они по прежнему стали отравлять зломъ просто-сердечіе царя,—такъ я называю его легкомысліе. Но Промыслъ все преодолѣлъ; ухищренія зависти разсѣялись и разлетѣлись, какъ пчелы отъ дыма, и спустя не много, благополучно обрученные явились прекраснѣйшими новобрачными. Какъ это произошло, скажемъ, когда приведетъ насъ къ тому предначертанная послѣдовательность рѣчи.

7. Іоаннъ Вріенній, о которомъ было упомянуто выше, видя, что братъ его медлитъ, пѣтится назадъ и всѣми силами старается избѣжать участія въ возстаніи, соображалъ, какъ бы заставить его хотя противъ воли приняться за дѣло. Уже онъ

расположилъ въ пользу своего замысла все чиновначаліе города и, привлеки на свою сторону весь Адрианополь, часто призывалъ брата. Его дѣйствіямъ сопротивлялся Тарахоніотъ, человекъ хотя еще молодой, но весьма сообразительный и умный болѣе, чѣмъ кто другой. Онъ писалъ царю и Логовету и требовалъ отъ нихъ вспомогательнаго войска, чтобы ему можно было подавить возгаравшееся уже возстаніе. Но тѣ, либо по недостатку въ военныхъ силахъ, либо по безопасности относительно этого дѣла, не посылали ему никакой помощи. Тарахоніотъ держался довольно долго; но когда увидѣлъ, что и самъ онъ, и всѣ его единомышленники находятся въ явной опасности,—немного ослабилъ сильную свою настойчивость и, по предложенію матери Вріеннѣвъ, Анны Куропалатиссы, согласился соединиться съ ея сыновьями узами родства,—сестру свою Елену, которая блистала красотою и превосходила скромностію всѣхъ сверстницъ, обручилъ съ сыномъ брата Никифорова, и чрезъ то вступилъ съ ними въ союзъ.

8. Между тѣмъ царь Михаилъ, не зная, какъ мнѣ кажется, о соумышленіи Василяки съ Вріенніемъ, назначилъ его Дуксомъ Иллиріи и приказалъ ему, если можно, схватить Вріеннія и въ узахъ препроводить въ Константинополь. Когда вѣсть объ этомъ дошла до Вріеннія, онъ увидѣлъ, что ему не слѣдуетъ болѣе медлить,—и съ поспѣшностію устремился домой (въ Адрианополь). И такъ, онъ выступилъ, ведя за собою небольшое войско. Но въ тоже самое время, въ

Диррахій поспѣшаль Васиlaki, надѣясь застать тамъ Вріенній. Посему и вышло, что они встрѣтились подъ Оссалоникою,—тогда какъ Васиlaki успѣлъ уже занять городъ. Видя, что Вріенній ведетъ за собою небольшое войско и что онъ гораздо слабѣе его, Васиlaki какъ бы забылъ клятвы и договоръ съ роднымъ его братомъ и напалъ на него. Вріенній мужественно выдержалъ нападеніе и, убивъ многихъ воиновъ Васиlaki, заставилъ его обратиться въ бѣгство и запереться въ городъ. Изъ города Васиlaki выслалъ къ нему пословъ и просилъ его возобновить клятвенный договоръ, заключенный имъ съ его братомъ. Вріенній очень охотно принялъ это и утвердилъ условія. Послѣ того онъ двинулся къ Адрианополю и встрѣтился съ братомъ, вѣдшимъ огромное войско. Іоаннъ имѣлъ при себѣ всѣ полки македонскіе и оракійскіе съ полковыми и фаланговыми ихъ начальниками. Съ нимъ соединились также всѣ власти городовъ, и онъ всѣхъ принималъ ласково, потому что былъ чловѣкъ внимательный и разговорчивый болѣе, чѣмъ кто другой. Итакъ, ставъ лагеремъ, они начали приготовляться къ подвигамъ. Іоанну Вріеннію казалось, что не должно медлить и терять время. Поэтому, пришедши къ брату съ знаками царской власти, онъ сталъ принуждать его возложить ихъ на себя. Когда же тотъ отказывался и требовалъ времени для размышленія,—Іоаннъ началъ убѣждать всѣхъ, если можно, принудить его къ тому силою. Однакожъ твердость Вріенніева духа одержала побѣду. Вріенній

объявилъ, что на слѣдующій день онъ соберетъ гражданскихъ правителей, воеводъ, полковыхъ начальниковъ и назначить совѣтъ, съ цѣлію изслѣдовать въ общемъ собраніи полезное для всѣхъ. Такимъ образомъ на этотъ день онъ сдержалъ порывъ брата и правителей. Но наконецъ одинъ случай побудилъ его и противъ воли покориться настойчивому ихъ желанію.

9. Гарнизонъ Траянополя, желая сохранить преданность своему Государю, заперъ городскія ворота и взошелъ на крѣпостныя стѣны, чтобы караулить городъ. Услышавъ объ этомъ, многіе изъ воиновъ Вріеннія прибѣжали сюда, какъ на зрѣлище, безоружные. Тогда находившіеся въ городѣ стали поносить ихъ и упрекать въ невѣрности, а стоявшіе внѣ города отвѣчали имъ тоже ругательствами. Потомъ начали одни въ другихъ бросать пращами камни; а когда вѣсть объ этомъ пришла въ лагерь,—(на мѣсто драки) сбѣжалось войска еще болѣе, и нѣкоторые вздумали наскоро смастерить лѣстницы, грозясь тутъ же взять городъ. Когда вѣсть объ этомъ дошла до Вріеннія,—ему было весьма непріятно, что тогда какъ самъ онъ еще медлилъ и устранился отъ тиранніи, воины его уже обнаруживаютъ тираннію и при томъ въ отношеніи къ такому городу, въ которомъ много хорошихъ людей, и на первомъ, какъ говорится, шагу обагрняютъ руки кровію соотечественниковъ. Поэтому онъ тотчасъ послалъ удержать воиновъ отъ нападенія. Посланные явились на мѣсто драки прежде, чѣмъ она превратилась въ великую битву, и укротили

ялость воиновъ. Послѣ того случая признано было нужнымъ оставить близъ городскихъ стѣнъ достаточную стражу, чтобы (Траянопольцы) не сдѣлали ночью вылазки изъ города и не произвели въ войскѣ смятенія. Исполнено было и это распоряженіе. Тогда сынъ домогающагося теперь царской власти Никифора, Патрикій Вріенній, едва вышедшій изъ дѣтскаго возраста, мальчикъ живой и отважный, взявъ съ собою двухъ сверстниковъ (это были Кацамунтій и Василій Куртикій, называвшійся также Іоанникиемъ) пошелъ будто играть туда, гдѣ находились воины, которыми ввѣрена была стража вѣ города, и нашедши, что всѣ они бодрствовали, удостоилъ ихъ похвалы, а потомъ, миновавъ ихъ, приблизился къ городу и ходилъ около стѣнъ, чтобы осмотрѣть и городской караулъ. Замѣтивъ же, что всѣ поставленные отъ города стражи спятъ, онъ на возвратномъ пути случайно нашелъ приготовленные наскоро лѣстницы и, приказавъ слѣдовавшимъ за собою, чтобы они взяли ихъ и притащили къ городской стѣнѣ, самъ первый взошелъ на стѣну, а за нимъ вошли и прочіе. Нашедши же, что стражи дѣйствительно погружены въ глубокой сонъ и не чувствуютъ, что вокругъ нихъ дѣлается, они, обнаживъ мечи, окружили спящихъ, разбудили ихъ и приказали имъ провозгласить римскимъ царемъ Никифора. Тутъ, пораженные нечаянною и видя предъ собою бѣду, одни изъ нихъ сами собою низверглись со стѣнъ, а другіе исполняли приказаніе слабымъ и прерывающимся голосомъ; (прерывался же голосъ ихъ отъ стра-

ха). Тотчасъ узнали объ этомъ и жители города и, предположивъ, что городъ уже взятъ, сбѣжались всѣ—не съ тѣмъ чтобы схватить оружіе и обороняться, (ибо уже отчаялись), а въ той мысли, что единственнымъ средствомъ къ спасенію остается имъ провозгласить римскимъ царемъ Вріеннія, что тотчасъ и сдѣлано,—всѣ начали привѣтствовать кликами Никифора и, простирая руки къ стоявшимъ на стѣнахъ, умоляли ихъ спасти городъ. Когда эти клики усилились, все войско сбѣжалось къ городу и покушалось по лѣстницамъ взойти на стѣны. Но сынъ Вріеннія удержалъ его стремленіе и приказалъ ему, стоя внизу, соединить свои клики съ кликами жителей, находившихся внутри города.

10. Такимъ образомъ Траянополь первый провозгласилъ Вріеннія римскимъ царемъ. Поутру собралось все войско вмѣстѣ съ воеводами и полковыми начальниками и, ставъ у палатки Вріеннія, требовало, чтобы онъ облекся въ багряницу и надѣлъ красныя туфли. Не скоро и съ трудомъ уступилъ онъ ихъ требованію и, облекшись въ эти одежды, объявилъ себя римскимъ царемъ. Поднявшись оттуда, Никифоръ пошелъ въ Адриано-поль, — и всѣ города и селенія, чрезъ которые проходилъ онъ, привѣтствовали его. Когда же войска вступили въ городъ, — всѣ горожане приняли его весьма радостно. Сперва зашелъ онъ въ храмъ Богоматери и, принеши благодареніе Божіей Матери, отправился домой и сталъ думать о дальнѣйшемъ. Онъ созвалъ всѣхъ воеводъ и начальниковъ, и предложилъ имъ разсмотрѣть, должно

ли сдѣлать покушеніе на столицу. Всѣ рѣшили не тотчасъ идти ему въ Византію со всѣмъ войскомъ, но послать кого нибудь изъ воеводъ съ достаточною силою, и вмѣстѣ отправить къ державному пословъ для переговоровъ о мирѣ и для вступленія съ нимъ въ условія, а ко всѣмъ сановникамъ—грамоты съ золотыми печатями, наполненныя обѣщаніями почестей и величайшихъ даровъ, и такимъ образомъ вывѣдать ихъ мысли.

11. Когда это было рѣшено, Вріенній, почтивъ своего брата, Магистра Іоанна, саномъ Куропалаты и объявивъ Доместикомъ школь, послалъ его съ достаточною силою въ Византію и далъ ему также не малую часть военачальниковъ. Принявъ войска, Іоаннъ отправился. За нимъ слѣдовало немалое полчище и Скиоовъ — не чужихъ и наемныхъ, но издавна бывшихъ подданными римскихъ государей. Подошедши къ Константинополю, Доместикъ школь сталъ лагеремъ и началъ дѣлать пробы. Находившіеся внутри города, негодую на державнаго и вмѣстѣ зная мужество и твердость Вріеннія, уже стали-было обнаруживать расположеніе, которое питали къ нему внутренно: но враждебный демонъ это общее расположеніе скоро превратилъ въ непріязнь,—и вотъ по какому случаю.

12. Лагерь Доместика школь находился противъ Влахернскаго дворца,—на мѣстѣ, которое называютъ *Космидіонъ*, и гдѣ воздвигнутъ большой и прекрасной храмъ во имя Чудотворцевъ Безеребренниковъ и устроена крѣпость. Нѣкоторые изъ слугъ, а можетъ же быть и изъ воиновъ,

проскользая тайно чрезъ цѣпь, переходили мостъ предъ городомъ, рыскали по частямъ Стеноса ⁽¹⁾, подъ предлогомъ собиранія необходимаго, и похищали все, что попадется. Но такъ какъ жители этого предмѣстія, уходя отсюда, заблаговременно перенесли все въ городъ; то, не находя въ домахъ никакой добычи, они воспламенились гнѣвомъ и рѣшились сжечь ихъ. Услышавъ объ этомъ, Доместикъ школь немедленно послалъ удержать ихъ отъ безумнаго предпріятія и потушить пожаръ. Но это ни къ чему не послужило; огонь поднимался уже высоко и пожиралъ все ему встрѣчавшееся. Въ то время сгорѣло много прекраснѣйшихъ подгородныхъ зданій. Такое событіе возбудило въ жителяхъ города гнѣвъ и изменило прежнее ихъ расположеніе къ Вріеннію. И такъ, отчаявшись склонить городъ на свою сторону убѣжденіемъ, начальникъ войска сталъ готовиться къ осадѣ.

13. Между тѣмъ охранителями городскихъ стѣнъ съ суши царь поставилъ роднаго своего брата Константина Порфиророднаго и Алексѣя Комнина, которые, по недостатку въ войнахъ, ставили на стѣны кого понало и, вооруживъ домашнихъ своихъ людей, сами обѣгали и караулили городъ. Въ одинъ день Алексѣй Комнинъ, замѣтивъ, что нѣкоторые изъ воиновъ Вріенніевыхъ, ходившихъ для фуражировки къ побережью и возвращавшихся въ лагерь, отстали отъ своихъ,

(1) Стеносомъ называлась, вѣроятно, та часть предмѣстія Влахернъ, въ которой находился храмъ и монастырь Стеносъ.—См. прим. стр. 42.

поспѣшно отворилъ ворота, выбѣжалъ съ своимъ отрядомъ, напалъ на нихъ и, прежде чѣмъ другіе узнали о случившемся, взялъ въ плѣнъ до двадцати человекъ и возвратился съ ними въ городъ. Молва о такомъ подвигѣ тотчасъ разнеслась повсюду и возбудила столь великую зависть въ Константинѣ, что онъ въ глаза поносилъ Алексѣя Комнина, зачѣмъ онъ не пригласилъ его къ участию въ своемъ дѣлѣ. Царь напротивъ обрадованъ былъ его поступкомъ и торжественно объявилъ ему благодарность. Такой поступокъ Комнина подалъ Кесарю поводъ просить, чтобы совершенъ былъ бракъ дочерней его внуки съ Алексѣемъ,—и онъ дѣйствительно былъ совершенъ тотчасъ, какъ скоро снята была осада города,—что произошло слѣдующимъ образомъ.

14. Командовавшій Вріеннѣвыми войсками, смотря на осаду города, какъ на пустую потерю времени, вознамѣрился, чтобы не мучить болѣе войска, снять осаду. Однакожъ онъ стыдился, да и боялся, какъ бы, по случаю отступленія, войско не раздѣлилось. И такъ, ему надобно было отыскать предлогъ, чтобы и снять осаду, и не потерпѣть отъ того никакого вреда. Находясь въ этомъ раздумьи, получилъ онъ извѣстіе, что множество Скивовъ перешло Эмонъ⁽¹⁾, и, рассыпавшись по Херсонесу, опустошаетъ его. Ухватившись за такой предлогъ, военачальникъ снялъ

осаду и устремился на Скивовъ. Встрѣтившись съ ними на возвратномъ ихъ пути, онъ обратилъ ихъ въ бѣгство и весьма многихъ перебилъ, а иныхъ въ большемъ числѣ взялъ въ плѣнъ и привелъ къ брату. Взятые въ плѣнъ представили ему случай къ заключенію съ Скивами мирныхъ договоровъ; ибо давъ знатныхъ заложниковъ, они получили отъ него своихъ плѣнныхъ и обязались быть его союзниками.

15. Между тѣмъ какъ это совершалось, Никифоръ Вотаніатъ, одинъ изъ мужественнѣйшихъ вождей Востока, котораго незадолго предъ тѣмъ царь сдѣлалъ главнокомандующимъ восточныхъ войскъ, открыто объявилъ давно замышляемое возстаніе. Узнавъ, что на Западѣ проносятся волненія и что всѣ города подчинились Вріеннію, онъ и самъ собралъ разсѣянные по Востоку войска и, принявъ (себѣ въ товарищи) прибывшаго тогда изъ западныхъ областей Хризоскула (онъ присоединился къ Римлянамъ уже давно, когда бразды правленія были еще въ рукахъ Романа Діогена, какъ мы сказали выше), обходилъ города и подчинялъ ихъ себѣ. Но между тѣмъ какъ всѣ переходили на его сторону, Никифоръ Мелиссинскій, производившій свой родъ отъ Вурціевъ и Мелиссиновъ, сохраняя вѣрность тогдашнему самодержцу Римлянъ, объявилъ себя врагомъ Вотаніата. Къ нему присталъ и Георгій Палеологъ, вождь мужественный и въ воинскомъ дѣлѣ весьма искусный. Недавно прибывъ изъ Месопотаміи, гдѣ жилъ съ своимъ отцемъ, управлявшимъ Месопотаміею,

(1) Эмонъ—Haemus. Названіе горъ, отдѣлявшихъ Мизію и Фракію.—
Claud. in Cons. Prob. et Oiybr. Carm. 1. v. 120.

тамією, онъ рѣшился также сохранить непоколебимую вѣрность державному.

16. Итакъ Вотаніатъ, когда на его сторону перешли всѣ другіе, двинувшись изъ Фригіи, спѣшилъ въ Вионнію и тайно подсылалъ лазутчиковъ къ начальникамъ столицы, обѣщая имъ великія почести и дары, если они помогутъ ему овладѣть римскимъ царствомъ. Въ то время многіе изъ сената и изъ клира, болѣе же всѣхъ Патріархъ антиохійскій Эмилианъ, о которомъ упомянуто было выше, питали непріязнь къ державному и къ Логоѳету, и искали удобнаго случая повести дѣла согласно съ своими выгодами. Между тѣмъ царь и Логоѳетъ, не зная объ этой внутренней войнѣ, готовились къ внѣшней и отправили посольство къ правителю Турковъ (а управлялъ ими Солиманъ, сынъ Кутулма) (¹), чтобы вооружить его противъ Вотаніата. Заключивъ съ ними союзъ, Солиманъ объявилъ войну Вотаніату, и съ того времени стерегъ дороги, занялъ тѣснины и наблюдалъ за Вотаніатовыми войсками и движеніями. Но Вотаніатъ, по прибытіи въ Котіаіонъ, узнавъ о дѣйствіяхъ Солимана и не имѣя у себя довольно войска для борьбы съ такимъ множествомъ враговъ, придумалъ некусный

(¹) Врѣеній показываетъ здѣсь оставшееся въ неизвѣстности происхожденіе иконійскихъ султановъ. Изъ его сказанія видно, что Солиманъ, называемый древнимъ, отъ котораго происходили турецкіе правители провинцій—Ликаоніи, Каппадокіи и другихъ, былъ не изъ рода верховныхъ турецкихъ султановъ, но родился отъ Кутулма или Кутлума, который былъ двоюродный братъ султана Тангроблака.

планъ. Оставивъ прямой путь, на которомъ его ожидали, онъ ночью свернулъ съ него и, незамѣченный сторожевымъ отрядомъ, пробрался къ крѣпости, лежащей близъ рѣки Сангаріи, которая называется Ацулою и отстоитъ отъ Никемилъ на двѣсти; а поворотивъ опять оттуда, успѣлъ дойти до Никеміи прежде, чѣмъ Турки свѣдали о его движеніи. Узнавъ объ этомъ тайномъ его переходѣ и о количествѣ его войска, они своимъ строемъ пошли вѣлѣтъ за нимъ, а впередъ послали немногихъ всадниковъ, чтобы мѣшать ему и замедлять походъ его,—но не совсѣмъ достигли (своей) цѣли. Посланные впередъ догнали его недалеко отъ Никеміи и, устремившись на него съ крикомъ, пытались стрѣльбою преградить ему дорогу: но храбрые, хотя и немногочисленные полки Вотаніата противустали Туркамъ и выдержали ихъ натискъ. Впрочемъ боясь, какъ бы Турки своею многочисленностію не окружили и не взяли его въ плѣнъ вмѣстѣ съ воинами, Вотаніатъ послалъ къ нимъ Хризоскула. Переговоривъ съ ними и убѣдивъ ихъ взять деньги и возвратиться назадъ, Хризоскулъ чрезъ это доставилъ войску Вотаніата возможность безопасно идти къ Никеміи.

17. Прибывъ къ предмѣстію Никеміи, увидѣли они множество народа, построенаго фалангами. Подумавъ, что это враги, намѣревающіеся напасть на нихъ, они отчаялись въ спасеніи и едва не окаменѣли отъ страха; потому что сражаться противъ такого множества, при своей малочисленности, считали невозможнымъ, а идти назадъ —

очень опаснымъ. Въ такихъ обстоятельствахъ идутъ къ нимъ послы съ вопросомъ, кто они и чего хотятъ. Въ отвѣтъ на это фаланги единогласно провозгласили римскимъ царемъ Вотаниата. Узнавъ о томъ и освободившись отъ страха, Вотаниатъ, столь дивно спасенный, вступилъ въ Nikeю. Раздѣлявшихъ съ нимъ измѣну было не болѣе трехъ сотъ человѣкъ. Эти люди, подъ его предводительствомъ совершивъ переходъ среди сѣтей и многихъ устроенныхъ имъ засадъ, были сохранены невредимыми только силою Божія Промысла. Богъ и здѣсь показалъ, что когда Онъ даетъ,—злота бываетъ безсильна; а если не даетъ,—суетны и домогающіеся, суетны и многочисленныя войска ихъ, и засады, и наилучшимъ образомъ построенныя фаланги, тщетны, бѣдственны и вовсе невыполнимы самыя искусныя планы и соображенія.

18. Какъ скоро въ столицѣ разнеслась вѣсть о прибытіи Вотаниата и о томъ, что Nikeйцы приняли его съ отверзтыми объятіями, тотчасъ всѣ начали говорить и разсуждать,—какъ члены сената, такъ и духовенство, придумывая способъ низложить царя и воцарить себѣ Вотаниата; потому что уже многіе тайно снеслись съ нимъ и получили отъ него грамоты за золотыми печатями. Они рѣшились наконецъ собраться въ славномъ храмѣ Божіей Премудрости, вооружить своихъ, вывести узниковъ изъ тюрьмы и потомъ послать къ неучаствовавшимъ въ заговорѣ городскимъ властямъ, для приглашенія ихъ къ общему дѣлу. Начальниками заговора были—Эмилианъ, человѣкъ хитрый и вмѣстѣ дѣятельный, могшій и хотѣвшій, болѣе

чѣмъ кто другой, привести народъ въ волненіе, и съ нимъ многіе изъ сената. Они положили, до начатія дѣла, принять въ число своихъ соучастниковъ также Кесаря, и послали къ нему Михаила Вариса—человѣка, превосходившаго многихъ и умомъ, и опытностію. Кесарь тогда находился въ Влахернскомъ храмѣ, куда въ тоже время случилось прибыть и самому царю. Встрѣтившись съ Кесаремъ поздно вечеромъ, Варисъ объяснилъ ему дѣло и показалъ присланную отъ Вотаниата грамоту за золотой печатью, въ которой онъ обѣщалъ Кесарю величайшіе дары и почести. Выслушавъ это, Кесарь не задумался ни на минуту и сказалъ Варису, что онъ не пойдетъ противъ племянника и царя. Но когда Варисъ хотѣлъ уже уйти, онъ отправилъ его къ Логовету, чтобы послѣдній выслушалъ его и о томъ, что услышитъ, донесъ царю и устроилъ все, что должно.

19. Уходя, Варисъ подозвалъ къ себѣ одного изъ своихъ и послалъ его объявить своимъ единомышленникамъ, что онъ схваченъ и не въ силахъ будетъ перенести бичи и пытки, но выскажетъ все, что знаетъ. «Вамъ», прибавилъ онъ, надобно скорѣе опредѣлить, что для васъ полезно». Сказавъ это, онъ отведенъ былъ къ Логовету и объявилъ все, что зналъ; а Логоветъ о всемъ донесъ державному. Въ это время случился тамъ и Алексѣй Комнинъ и, когда потребовали его мнѣнія, предложилъ самый лучший совѣтъ: онъ сказалъ, что надобно поскорѣе послать воиновъ и схватить начальниковъ заговора. Этотъ совѣтъ показался

лучшимъ изъ всѣхъ и Кесарю и Логовету, по державному не понравился; ему казалось, что, такъ какъ теперь время уже вечернее; то, если кого возмутъ подѣ стражу,—въ городѣ произойдетъ смятеніе и тревога. Такъ Промысль Божій омрачилъ умъ державнаго. Послѣдній взятіе ихъ подѣ стражу отложилъ до завтра; а они, рано по утру собравшись все въ храмъ Божіей Премудрости, отворивъ бывшія въ городѣ тюрьмы, вооруживъ осужденныхъ и кромѣ того своихъ слугъ и домашнихъ, кто сколько имѣлъ, послали ихъ къ не участвовавшимъ въ заговорѣ градоправителямъ и грозили ежечѣ дома тѣхъ, которые не явятся къ нимъ и не примутъ участія въ ихъ замыслѣ. Въ грамотѣ же, которую дали посланнымъ, надписано было такъ: «Святѣйшіе Патріархи, Синодъ и Сенатъ призываютъ васъ въ славный храмъ Божіей Премудрости.» И все сбѣжались,—одни охотно, другіе нехотя.

20. Когда объ этомъ возвѣщено было царю, послали за Алексѣемъ Комнинымъ, и царь спросилъ его, что должно дѣлать въ настоящемъ случаѣ. Онъ предложилъ совѣтъ превосходнѣйшій и полезнѣйшій:—сказалъ, что собравшаяся толпа не привыкла къ военнымъ дѣйствіямъ; это—работѣ, они не устоятъ, увидѣвши людей вооруженныхъ и готовыхъ къ битвѣ; а потому противъ нихъ надобно послать вооруженныхъ бердышниковъ—царскую стражу, подѣ командою военачальника. Но державный, выслушавъ эти слова, отвергъ совѣтъ,—не знаю, потому ли, что имъ овладѣть страхъ, или потому, что отъ избытка добродѣ-

тели, стоялъ уже выше окружавшихъ его несчастій. Тогда еще возможно было подавить возстаніе и погасить огонь прежде, чѣмъ онъ разлился въ величайшій пожаръ; но царь не захотѣлъ сдѣлать этого.

21. Комнинъ снова побуждалъ его дѣйствовать и всячески ободрялъ, пока не услышалъ отъ него укоризнѣ въ жестокости. Наконецъ державный сказалъ ему слѣдующее: «у меня давно была мысль отказаться отъ престола; посему я съ радостію приму то, чего желалъ самъ, когда Промысль присудилъ мнѣ это мимо моей воли. Ты же, если хочешь, поставь вмѣсто меня царемъ брата моего Константина». Когда онъ сказалъ это, Комнинъ попросилъ у него письменнаго удостовѣренія въ сказанномъ, — и державный тотчасъ приготовилъ грамоту и приложилъ печать. Послѣ того онъ отправился во Влахернскій храмъ Богоматери; а Комнинъ, взявъ грамоту, пошелъ къ Константину и убѣждалъ его слѣдовать за собою во дворецъ, чтобы принять царскую власть. Но Константинъ, храма юношескими помыслами, отказался и, думая, что ему будетъ все хорошо, если скипетръ возьметъ въ свои руки и Вотаніатъ, поспѣшилъ явиться къ нему прежде, чѣмъ онъ переправился чрезъ проливъ. Такъ дѣйствовали тогда эти люди.

22. Узнавъ о возмущеніи въ городѣ, Вотаніатъ поднялся изъ Никеи и пошелъ къ столицѣ. Прибывъ въ Пренетъ, онъ послалъ отрядъ, подѣ начальствомъ одного изъ довѣреннѣйшихъ своихъ слугъ, по имени Вориалія, занять царскій дво-

рець, а потомъ вскорѣ и самъ направился къ городу. Прибывъ ⁽¹⁾ въ Руфиніанскій дворець, онъ остановился, чтобы дожидаться царскаго дромона и другихъ приготовленій. Къ нему отправились Константинъ Порфирородный и Алексѣй Комнинъ, одинъ—не предполагая того, что впоследствии пришлось ему испытать, а другой предвидя и предсказавъ все, что потомъ совершилось. Царь еще не подалъ имъ руки и не сдѣлалъ привѣтствія, какъ Комнинъ началъ говорить новому державному слѣдующее: «Ты знаешь, милостивѣйшій Царь, что этотъ Порфирородный, когда царствовалъ родной его братъ, не получалъ отъ него ничего хорошаго, но проводилъ всю жизнь, какъ бы заключенный въ мрачной темницѣ. Теперь онъ имѣетъ добрую надежду, что мракъ его жизни разсѣется, и что въ твое милостивое и отечески попечительное о немъ царствованіе онъ увидитъ чистѣйшій свѣтъ».

25. Вотаниатъ далъ знакъ согласія на его слова о Константинѣ, — и Алексѣй опять началъ говорить: «ты знаешь, Царь, что я до конца остался преданнымъ предшествовавшему тебѣ державному и, тогда какъ всѣ склонялись на твое воцареніе, донынѣ былъ вѣренъ ему и не отправлялъ къ тебѣ ни пословъ, ни писемъ. Посему, какъ безъ обмана соблюдалъ я вѣрность къ нему, такъ ненарушимо сохраняю ее и къ те-

бѣ». Послѣ того царь похвалилъ Алексѣя и отпустилъ его.—Узнавъ, же что посланные впередъ овладѣли царскимъ дворцомъ, Вотаниатъ вышелъ, въ намѣреніи переплыть во дворець и, достигши того противулежащаго городу берега, гдѣ стояла на столбѣ каменная корова ⁽¹⁾, взошелъ на царскій дромонъ и при кликахъ и рукоплесканіяхъ переправился къ царскому дворцу.

24. Между тѣмъ царь Михаилъ постригся и облекся въ монашескую одежду въ присутствіи дяди Кесаря, который, зная легкомысліе новаго царя и наглость окружающихъ его, и видя, что теперь власть въ рукахъ рабовъ ⁽²⁾, боялся за своего племянника, какъ бы не потерпѣлъ онъ чего либо необычайнаго, и для того посовѣтовалъ ему посвятить себя Богу. А управлявшій тогда патріаршимъ престоломъ великій и славный Ѳома, зная чистоту этого мужа, причислилъ его къ клиру и, спустя не много, рукоположилъ въ митрополита ефесскаго.

25. Овладѣвъ царскимъ скипетромъ, Вотаниатъ, хотя приближался къ старости, или лучше былъ уже старъ, и прежде вступалъ въ два брака, однакожъ еще женился на царицѣ Маріи. При вступленіи Вотаниата на престолъ, царица Марія оставила дворець и поселилась въ монастырь,

⁽¹⁾ См. Petr. Guil. 1, 3, de Bosp. Thrac. c. 9.

⁽²⁾ По свидѣтельству Вріеннія и Анны (L. 1), Вотаниатъ, вступивъ на престолъ, ввѣрилъ управленіе государственными дѣлами двумъ своимъ рабамъ, которые были самыми злыми врагами особенно рода Комниныхъ, Эти рабы были Ворилий и Германъ.

⁽¹⁾ Руфиніанскій дворець византійскихъ царей находился въ Халкидонѣ, стоявшемъ на азійскомъ или восточномъ берегу пролива противъ Византіи.

который называется—Петріонъ и находится близъ Сидиры. Когда же Вотаніатъ, склонившись на убѣжденія Кесаря, — о чемъ подробности будетъ сказано послѣ, — рѣшился жениться на ней; тогда Кесарь пригласилъ и ввелъ ее во дворецъ. Потомъ сдѣланы были приготовленія къ обрученію, и царь съ царицею, какъ женихъ съ невѣстою, стояли уже предъ дверьми святилища. Но долженствовавшій обручить ихъ (священникъ) одумался и сталъ опасаться низложенія; потому что царь Михаилъ Дука, мужъ Маріи, и супруга Вотаніата отъ втораго его брака—были еще живы. Соображая это и понимая, какое сдѣласть онъ зло, благословляя любодѣяніе и вмѣстѣ троеженство ⁽¹⁾, онъ медлилъ выходомъ изъ алтаря. Видя это и догадавшись, какая мысль озабочиваетъ священника, Кесарь началъ беспокоиться, что Патріархъ, услышавъ о томъ, не разрѣшитъ Вотаніата отъ прежняго брака и еклонится на сторону Евдокіи ⁽²⁾. Не желая высказать своей мысли при окружавшихъ его людяхъ, онъ устремилъ взглядъ на своего внука, Михаила Дуку, и хотѣлъ взглядомъ дать ему понять то, чего не могъ высказать. Этотъ юноша, видя медленіе священника и направленный на него самого пристальный взглядъ Кесаря, понялъ, что должно было сдѣлать, и,

⁽¹⁾ Третій бракъ канонами Соборовъ былъ запрещенъ. См. прав. 3 и 7 Собора Неокесарійскаго. Balsam. in. Epist. Basil. ad. Amphil. c. 4 et in Nomoc. Photii. jus Graecoroman. t. 1. p. 497, Извѣстны слова Назіанзена: τὸ πρῶτον συνοικέσιον νόμος, τὸ δεύτερον συγχώρησις, τὸ τρίτον παρανομία, τὸ τέταρτον χοιρώδης βίος.

⁽²⁾ То есть второй супруги Вотаніата.

тотчасъ приготовивъ другаго священника для совершенія обрученія, до времени скрылъ его, а самъ приблизившись къ алтарю, позвалъ священника, отказывающагося совершить обрученіе. Когда же этотъ спросилъ, для чего зовутъ его; тогда Михаилъ, взявъ его за одежды, тихо отвелъ оттуда и на его мѣсто поставилъ другаго, который и совершилъ священнодѣйствіе. Съ того времени Кесарь сталъ пользоваться особеннымъ довѣріемъ царицы.

26. Между тѣмъ Логоостъ, потерявъ надежду на царя и окружающихъ его, рѣшился бѣжать къ Вріеннію и, въ бытность свою въ Силимврѣи переговоривъ съ Урзеліемъ, который посланъ былъ туда съ войсками отъ него и царя Михаила, хотѣлъ, чтобы и онъ сопутствовалъ ему. Но Урзелій схватилъ его и въ оковахъ отвелъ къ Вотаніату. Сосланный на островъ, называемый Оксіею ⁽¹⁾, Логоостъ былъ подвергнутъ безчеловѣчнымъ и безжалостнымъ пыткамъ, и спустя не много умеръ. Таковъ былъ конецъ царствованія Михаила Дуки.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

1. Получивъ такимъ образомъ царскій скипетръ, Никифоръ Вотаніатъ всячески старался

⁽¹⁾ Островъ Пропонтиды,

привлечь къ себѣ благорасположеніе гражданъ, особенно послѣ того, какъ развѣдалъ о Вріеннѣ и о собранныхъ имъ войскахъ; ибо зналъ Вріенія, какъ человека воинственнаго, весьма щедраго и въ тоже время дѣятельнѣйшаго. Потому-то онъ, точно какъ бы на охотѣ, ловилъ расположеніе гражданъ и, по соревнованію, оказывался болѣе щедрымъ, чѣмъ сколько требовала расчетливость, а отъ того сдѣлался виновникомъ великихъ безпорядковъ въ римскомъ государствѣ. Римское государство имѣло два источника доходовъ, которыми весьма гордилось, почерпая изъ нихъ средства для раздачи наградъ вельможамъ и другимъ заслуживавшимъ вниманіе лицамъ. Оба эти источника Вотаніатъ открылъ для всѣхъ и щедро расточалъ изъ нихъ дары безъ нужды. Вслѣдствіе того, высшія достоинства раздавались не отличившимся, не воинамъ и не тѣмъ, которые были причисляемы къ сенату, либо другимъ чѣмъ заслуживали вниманіе, а всякому, кто просилъ. Тоже самое было и съ извѣстными у Римлянъ офиціями; такъ что расходы стали далеко превышать приходъ. По этой причинѣ въ короткое время оказался недостатокъ въ деньгахъ; а недостатокъ ихъ заставилъ поддѣлывать монету и людямъ чиновнымъ и должностнымъ нерѣдко отказывать даже въ законныхъ царскихъ наградахъ. Такъ какъ наполнявшій казначейства сборъ денегъ съ Азіи отошелъ въ чужія руки съ той поры, какъ въ ней утвердилось владычество Турковъ; да и съ Европы собирать ихъ вездѣ было трудно, а прежнія безразсудно

истрачивались: то въ государственномъ казначействѣ произошло величайшее оскудѣніе въ деньгахъ. Такимъ образомъ Вотаніатъ, желая показаться щедрымъ и приобрѣсть, какъ сказано, благорасположеніе города, употребилъ во зло свою щедрость.

2. Между тѣмъ Вріенній, находившійся въ Одриссахъ, узнавъ, что случилось съ царемъ Михаиломъ и какъ возмущился противъ него городъ, собралъ все македонское и оракійское войско и, взявъ съ собою союзниковъ, двинулся къ Византіи. Вотаніатъ свѣдалъ объ этомъ и, опасаясь, какъ бы Вріенній, подступивъ къ городу съ такимъ войскомъ, не заставилъ его оставить престолъ, прежде чѣмъ онъ успѣлъ утвердиться на немъ, разсудилъ сперва послать къ Вріеннію пословъ, чтобы чрезъ нихъ вступить съ нимъ въ переговоры и заключить условія, а потомъ для отраженія его назначить усыновленнаго отъ царицы Маріи—Алексѣя Комнина, возведши его въ санъ Доместика западныхъ школъ. Но такъ какъ Вотаніатъ не имѣлъ собственного войска, то отправилъ посольство къ находившимся въ вѣонинской Никеѣ турецкимъ вождямъ. Тамъ стояли Масуръ и Солиманъ, дѣти Кутлума. Они тотчасъ же послали Вотаніату вспомогательнаго войска не менѣе двухъ тысячъ, а вслѣдъ за тѣмъ приготавливали и другое. Прежде чѣмъ прибыли эти союзники въ Византію, послы къ Вріеннію уже отправились. Посланы же были Константинъ Хирсфакти, имѣвшій тогда санъ Проедра, человекъ умный и сообразительный, отличавшійся всѣми достоин-

ствами, какими можетъ украшаться мужъ государственный, и Стравороманъ, происходившій изъ Пентаполя фригійскаго, мужъ сильный и дѣятельный, возводившій родъ свой къ предкамъ царя Никифора. Оба они, отправившись къ Вріеннію, встрѣтили его у Θεодорополя, когда онъ, построивъ фалангу, былъ на походѣ. Еще издали завидѣвъ ряды воиновъ и красиво построенную фалангу, послы удивлялись какъ многочисленности, такъ и стройности войска, и превозносили вождя его. Когда они подошли близко, начальники дружинъ донесли о нихъ царю. Тутъ Вріенній приказалъ остановиться войску и, взявъ съ собой избранныхъ военачальниковъ—вождей македонской и еракійской арміи, командировъ кавалеріи и правителей, отошелъ съ ними нѣсколько отъ фаланги. Тогда всѣ сошли съ коней и стали въ рядъ;—одинъ Вріенній оставался на конѣ, который у него всегда былъ бѣлый. Одежда на немъ была не воинская, а царская, и, казалось, придавала еще болѣе красоты этому мужу, отличавшемуся прекрасною наружностію и сильнымъ словомъ. Послы подошли къ Вріеннію и сдѣлали обычное посламъ привѣтствіе. Державный, отвѣтивъ имъ тоже привѣтствіемъ, принялъ ихъ благосклонно и потомъ просилъ объяснить причину ихъ прибытія. Когда они сказали, что присланы своимъ державнымъ для предложенія мира и союза, Вріенній опять спросилъ ихъ, на какихъ условіяхъ просятъ они мира. Послы изложили все, что было имъ поручено отъ царя;—а говорилъ при этомъ Стравороманъ, который, какъ

кровный родственникъ Государя, былъ во главѣ посольства; другой же съ нимъ былъ отправленъ только съ цѣлію придать посольству большую силу, какъ родственникъ царя по сватовству.

5. Содержаніе рѣчи пословъ было слѣдующее: «я, говоритъ царь, давно зналъ твоего отца, какъ мужественнаго военачальника, одержавшаго много побѣдъ надъ Скиоами; вмѣстѣ съ нимъ бывалъ я въ походахъ и познакомился сперва какъ съ дружиннымъ товарищемъ. Не менѣе знаю я, что и ты—достойный сынъ такого отца. Поэтому, возведенный Богомъ на царскій престолъ, я хочу быть для тебя чадолюбивымъ отцемъ. Но будь и ты благодарнымъ, а не неблагодарнымъ моимъ сыномъ, забывающимъ о старческой моей немощи. Отнынѣ ты будешь имѣть вторую честь послѣ царя, то есть, честь Кесаря, а въ непродолжительномъ времени займешь, вмѣсто меня, и царскій престолъ». Когда послы высказали это, Вріенній, нисколько не задумавшись (ибо былъ проникателенъ болѣе, чѣмъ кто другой), тотчасъ отвѣчалъ, что онъ принимаетъ эти условія, охотно соглашается на миръ, прекращаетъ междоусобную войну и принимаетъ предложенную царемъ честь; но не хочетъ одинъ воспользоваться благами мира, а желаетъ доставить участіе въ нихъ и своимъ сподвижникамъ, вождямъ, воинамъ и правителямъ: лишить ихъ выгодъ считаетъ онъ дѣломъ нечестивымъ; было бы крайне своскорыстно, даже скажу болѣе, безчеловѣчно, нища своей пользы, отнимать ее у другихъ. Итакъ онъ не иначе согласится принять усыновленіе и достоинство Ке-

саря, какъ обезпечивъ прежде вознагражденіе сихъ послѣднихъ. Въ заключеніе Вріенній выразилъ свое желаніе, чтобы царь подтвердилъ своимъ согласіемъ все, что онъ сообщилъ имъ, и потомъ, вышедши изъ города, въ сопровожденіи Патріарха, прибылъ къ храму Архистратига вышнихъ силъ Михаила, находящемуся въ оракійскомъ мѣстечкѣ Дамокраніи: (¹) тамъ должно быть усыновленіе его, возведеніе въ Кесари и обычное возложеніе на него вѣнца. Когда же послы спросили его, почему не желаетъ онъ принять это посвященіе въ столицѣ, — Вріенній отвѣчалъ, что онъ не боится никого, кромѣ Бога; но изъ приближенныхъ къ царю не довѣряетъ весьма многимъ.

4. Послѣ сего послы были отпущены и отправились. На пути подверглись было они опасности со стороны встрѣтившихся съ ними лазутчиковъ, но были спасены благоразуміемъ начальника ихъ. Прибывъ обратно, они донесли царю объ условіяхъ мира, — и положено было, не теряя времени, выслать съ войскомъ Доместика школъ; потому что на предложенныя условія царь не возлагалъ никакой надежды. И такъ, Комнинъ выступилъ, имѣя въ своемъ распоряженіи союз-

(¹) Объ этомъ мѣстечкѣ или предмѣстіи упоминаетъ Контакузенъ (I. 3. с. 84). Оно находилось между Константинополемъ, Регіемъ, Аеирою и Силивриєю, слѣдовательно во Фракіи. Упоминаемый же здѣсь храмъ Архистратига вышнихъ силъ Михаила, кажется, былъ тотъ самый, который, по свидѣтельству Прокопія и Теофана, стоялъ на берегу Анапла и у павшихъ изъ Понта оставался вправѣ. Онъ построенъ былъ, говорятъ, Константиномъ В., а возобновленъ Юстиніаномъ. (См. Petr. Gyll. I. 2 de Bosp. Thrac. с. 10).

ныхъ Турковъ, прибывшихъ съ царемъ Вотаніа-томъ такъ называемыхъ Хоматинцевъ, небольшой отрядъ пришедшихъ изъ Италіи Франковъ и фалангу воиновъ, именуемыхъ безсмертными. Здѣсь необходимо сказать, что это были за безсмертные. Царь Михаилъ, или вѣрнѣе — свнухъ Никифоръ Логоветъ, видя, что восточное войско совершенно уничтожено оружіемъ Турковъ, старался всѣми силами набрать новое войско. Для этого онъ собиралъ людей, разсѣявшихся по Азіи и служившихъ кое-гдѣ по найму, надѣлъ на нихъ латы, далъ имъ щиты, заставилъ носить шлемы и копья. Поставивъ надъ ними одного изъ вождей, человека умнаго и способнаго къ обученію воиновъ (это былъ Константинъ каппадокійскій, человекъ, по своему происхожденію, близкій къ царю Михаилу, вмѣстѣ съ нимъ воспитывавшійся и походившій на него нравомъ), онъ упражнял ихъ и, при его помощи, научилъ всякому военному дѣлу. Они могли уже твердо скакать на коняхъ и ловко владѣли оружіемъ. Но давъ имъ образованіе вышнее, Константинъ образовалъ, кажется, и ихъ души. Желая приучить ихъ къ ловкости во время сраженія, онъ снималъ съ древковъ острые наконечники и, раздѣливъ воиновъ на отряды, ставилъ ихъ одинъ противъ другаго и приказывалъ имъ, со всею силою, понуждая коней, нападать строй на строй и быстро бросать другъ въ друга копья. Тѣхъ, которые отважнѣе приступали къ этому дѣлу, причислялъ онъ къ первому разряду воиновъ; а кто въ подобныхъ схваткахъ отличался часто, тѣхъ называлъ без-

смертными. Такимъ-то образомъ все, поступавшіе въ эту фалангу, стали носить названіе безсмертныхъ.

5. Присоединивъ ихъ къ прочимъ войскамъ, Алексѣй выступилъ и расположился лагеремъ у рѣки, которая, не знаю, какъ называлась въ древности, потому что названія часто измѣняются; а нынѣ она, вытекая изъ оракійскихъ горъ, отъ туземцевъ получила имя Алмира. Близъ нея на холмѣ сооружена крѣпость, которой имя Каловрія. Расположившись здѣсь лагеремъ, Комнинъ не сталъ ни копать рва, ни устроить ограды, ибо хотѣлъ не выжидать нападенія непріятеля, но, если можно, побѣдить его. Съ малымъ числомъ войска ему надлежало подвизаться противъ вождей многихъ, мужественныхъ и опытныхъ, надъ которыми, какъ солнце надъ звѣздами, возвышался провозглашенный царемъ. Поэтому, уступая непріятелю въ числѣ и силѣ войскъ, Доместикъ школь долженъ былъ приготовиться къ пораженію враговъ не одною отвагою, но также размышленіемъ и предусмотрительностію. Отъ посланныхъ лазутчиковъ узналъ онъ, что Вріенній расположился лагеремъ на поляхъ Кидокта.

6. Между тѣмъ Вріенній, посѣтивъ вечеромъ одинъ находившійся вблизи храмъ Матери Бога Слова и совершивъ тамъ все обычное, узналъ, что непріятель стоитъ лагеремъ близъ Коловрія; потому что нѣкоторые изъ находившихся съ Алексѣемъ Комнинымъ Турковъ, отправившись ночью высмотрѣть непріятельское войско, попали въ руки лазутчиковъ и, бывъ приведены къ Вріеннію,

все рассказали ему. Итакъ, вставъ поутру, онъ приказалъ, чтобы все войско было въ полномъ вооруженіи, и раздѣлилъ его на отряды. Вотъ въ какомъ порядкѣ выстроилось оно. Правымъ крыломъ командовалъ братъ Вріеннія Іоаннъ Куропалата, котораго онъ сдѣлалъ Доместикомъ школь. Эту фалангу составляли — приведенные Маниакомъ изъ Италіи Франки, значительное число вессалійскихъ всадниковъ и сверхъ того немалочисленный отрядъ такъ называемыхъ дружинъ (наемныхъ): всего не менѣе пяти тысячъ человекъ. Таковъ былъ составъ праваго крыла. Надъ лѣвымъ начальствовалъ Тарханіотянинъ Катакалонъ, отличавшійся и правилами жизни, и словомъ, и воинскою сообразительностію. Эта фаланга состояла изъ отрядовъ македонскихъ и оракійскихъ въ числѣ трехъ тысячъ человекъ. Центральную же фалангу велъ самъ Вріенній, и въ ней находилось все отборное и главное изъ Оракіянъ, Македонянъ и вессалійской конницы. Въ лѣваго крыла было еще вспомогательное войско скиѣское, шедшее впереди на разстояніи двухъ стадій. Вріенній выстроилъ свое войско такъ, что вытянулъ фалангу во всю длину, и приказалъ, чтобы Скиѣы, какъ только покажется непріятель и зазвучитъ военная труба, попытались съ шумомъ и крикомъ ударить на его тылъ. Это-то повелѣлъ онъ своимъ полководцамъ.

7. Узнавъ отъ лазутчиковъ, что непріятель уже близко, Алексѣй Комнинъ скрылъ все свое войско въ оврагахъ, а самъ взошелъ на холмъ и слѣдилъ за движеніемъ непріятеля. Видя много-

численность враговъ и опасаясь, какъ бы его войско, еще не сразившись съ ними, не обратилось въ бѣгство, Комнинъ придумалъ превосходный и весьма умный планъ — не допускать, чтобы оно увидѣло всѣхъ непріятелей разомъ. Особенно же беспокоило его то, что сражаться въ этотъ день значило поступить вопреки волѣ царя; потому что накануне прислана была ему грамота, которою царь предписывалъ не начинать сраженія, не дождавшись прибытія отправленныхъ уже на помощь Турковъ. Между тѣмъ ждать не было никакой возможности, не завязывая съ непріателемъ битвы, когда дѣло доходило до рукъ; а отступить безъ сраженія казалось поступкомъ недостойнымъ. Потому Алексѣй рѣшился лучше или побѣдить, или умереть въ сраженіи, чѣмъ, боясь царя, позволить себѣ малодушное и трусливое отступление. Осмотрѣвъ занимаемую непріателемъ мѣстность, онъ увидѣлъ съ одной стороны открытую равнину, а съ другой — множество холмовъ и овраговъ; такъ что одна часть Вріеннѣвой фаланги была невидна, а другая видима. Вооруживъ свое войско, онъ раздѣлилъ его на двѣ части: самъ принялъ начальство надъ отрядомъ безсмертныхъ и надъ Франками, а Хоматинцевъ и Турковъ отдалъ подъ начальство Константина Катаколона и поставилъ ихъ противъ фаланги Скиновъ.

3. Какъ скоро войска Вріеннія спустились въ овраги, Комнинъ указалъ своимъ воинамъ одно правое непріательское крыло и велѣлъ ударить на него со всею стремительностію. Выскочивъ,

какъ бы изъ какой засады, войско Комнина нечаяннымъ нападеніемъ до того поразило враговъ, что едва не обратило ихъ въ бѣгство. Но въ это время вождь ихъ Іоаннъ Вріенній, вмѣстѣ съ немногими, обнаживъ свою саблю, поразилъ передоваго изъ безсмертныхъ, а прочіе тоже сдѣлали съ другими, и этимъ не только остановилъ свое войско, но даже обратилъ въ бѣгство противниковъ, и такимъ образомъ безсмертные всѣ побѣжали. Между тѣмъ Алексѣй Комнинъ, бывшій въ это время въ тылу непріятелей, и предполагая, что за нимъ слѣдуетъ его фаланга, мужественно боролся, поражая всякаго, кто попадалъ ему подъ руку. Но когда увидѣлъ, что его фаланга обратилась въ бѣгство, подозвалъ къ себѣ своихъ приближенныхъ (а съ нимъ было нѣсколько лучшихъ его воиновъ — числомъ до 6-ти человекъ) и предложилъ имъ отважный планъ — идти въ тылу Вріеннія и, смѣшавшись съ его свитой, спокойно слѣдовать за нимъ до тѣхъ поръ, пока не подойдутъ къ нему близко, а какъ скоро приблизятся, обнажить мечи и умертвить его, хотя бы при этомъ пришлось пасть и имъ вмѣстѣ съ Вріенніемъ. Во всякомъ случаѣ это будетъ лучше, чѣмъ подвергаться суду царя за неповиновеніе ему. Отъ такого намѣренія отклонилъ Алексѣя Θεодотъ, о которомъ упомянуто было выше; онъ сказалъ, что подобное предпріятіе безразсудно и глупо, что напротивъ теперь надобно вытти изъ непріательскаго войска и отправиться къ своимъ, и что только тогда, когда соединится съ ними, онъ можетъ, если ему будетъ угодно, взять съ собою

известное количество товарищей и пуститься с ними на столь опасное дѣло. Таковъ былъ исходъ дѣйствій на правомъ крылѣ!

9. На лѣвомъ же Скиѣхъ, лишь только увидѣли Хоматинцевъ, подъ начальствомъ Константина Катакалона, тотчасъ съ сильнымъ крикомъ и гамомъ устремились на нихъ, и быстро, чѣмъ можно выговорить слово, обратили ихъ въ бѣгство. Кончивъ преслѣдованіе ихъ, они въ порядкѣ возвратились назадъ, а потомъ съ великою быстротою устремились на охранявшихъ тылъ Вріенніева войска и, по обычаю наемниковъ, ограбивъ убитыхъ, захвативъ коней и добычу, уходили домой. Отъ этого въ рядахъ произошелъ безпорядокъ: нѣкоторые такъ называемые у Римлянъ тулды⁽¹⁾, испугавшись Скиѣховъ, стали вбѣгать въ ряды вооруженныхъ воиновъ и произвели въ нихъ замѣшательство. Замѣтивъ это, Алексѣй Комнинъ, находившійся еще въ Вріенніевомъ войскѣ, закрылъ лице свое нависшими перьями шлема, потомъ у одного изъ конюховъ взялъ Вріенніева коня, на которомъ красовались пурпурный чепракъ и узда, покрытая золотою чешуею, и захвативъ сверхъ того сабли, по обычаю возимыя царями во время путешествія, тайно скрылся изъ среды Вріенніева войска. Находясь уже внѣ всякой опасности, послалъ онъ съ этимъ конемъ глашатая—громко кри-

(1) Тулда—слово, употреблявшееся въ воинской тактикѣ среднихъ вѣковъ. Оно означало выючныхъ животныхъ, носившихъ необходимые тяжести за войсками. *Monstrellet*. 1 vol. с. 238; 2 vol. p. 38. 38. *Gruellius in Hist. Arturi ducis Britan.* p. 92, 94 et aliae.

чать, что Вріенній палъ въ битвѣ. Это удержало многихъ отъ бѣгства, а иныхъ заставило даже воротиться назадъ; ибо случилось, что когда Скиѣхъ, думая о добычѣ въ войскѣ Вріеннія, лѣниво гнались за воинами Алексѣя Комнина,—последніе, видя, что никто ихъ не преслѣдуетъ, не далеко отбѣжали, но въ нерѣшительности бродили близко, и потому, когда глашатай показалъ имъ Вріенніева коня и сабли, и съ увѣренностію объявлялъ о смерти Вріеннія,—они опять все собрались.

10. Съ этимъ совпало и другое обстоятельство. Не малый отрядъ Турковъ, посланный царемъ на помощь, о чемъ онъ тогда извѣщалъ Комнина, прибылъ сюда въ то самое время, какъ завязалась битва и началось бѣгство. Увидѣвъ бѣгущихъ, они отыскиали Доместика школь и, находясь съ нимъ, совѣтовали ему не терять мужества и выразили желаніе встрѣтиться съ непріателемъ. Комнинъ взялъ ихъ вождей, взопелъ съ ними на одинъ холмъ, съ котораго можно было видѣть противниковъ, и показалъ ихъ оттуда. Турки замѣтили разстройство непріятельской фаланги, которая шла въ совершенномъ безпорядкѣ и подвигалась будто нехотя, какъ разслабленная; потому что все предались безпечности, какъ люди, уже одержавшіе побѣду и обратившіе непріятеля въ бѣгство. Въ это время преданные Вотаніату Франки все приходили къ нему и, сходя съ лошадей, въ знакъ вѣрности, по отечественному своему обычаю, подавали ему руки, а прочія войска его фаланги стекались посмотрѣть на такое зрѣ-

лице. Увидѣвъ все это, турецкіе военачальники сошли съ холма и раздѣлили свое войско на три отряда: два изъ нихъ они скрыли въ засадѣ, а третьему велѣли вразсыпную напасть на непріятелей,—но не на тѣхъ, которые построены въ фалангу, а на небольшіе отряды, и, гоня своихъ коней быстро, бросать копы и пускать болѣе стрѣль.

11. За ними послѣдовалъ и Алексѣй Комнинъ, успѣвшій собрать столько изъ своего бѣжавшаго войска, сколько позволяла ему краткость времени. При этомъ нѣкоторые изъ безсмертныхъ, опередивъ Турковъ, проникли въ средину непріятельской фаланги, и одинъ изъ нихъ нанесъ самому Вріеннію ударъ копьемъ въ грудь. Но тутъ Вріенній, выхвативъ изъ ноженъ свой мечъ, разсѣкъ это копье пополамъ и, ударивъ поразившаго его воина въ ключевую кость, насквозь разрубилъ ему плечо вмѣстѣ съ панциремъ. Въ ту же минуту съ крикомъ наскочили Турки и начали метать стрѣлы, такъ что военачальники Вріеннія отъ такой нечаянности пришли было въ замѣшательство. Однакожъ, какъ люди искусные въ военномъ дѣлѣ, они старались устроить свою фалангу и увѣщавали воиновъ быть мужами доблестными и не погубить славы, пріобрѣтенной побѣдою. Возстановивъ порядокъ въ своихъ рядахъ, сколько это позволяла краткость времени, они мужественно устремились на Турковъ.

12. Турки же безъ оглядки побѣжали назадъ и влекли ихъ къ засадамъ, пока не поровнялись съ первой изъ нихъ; а поровнявшись, и сами обернулись и находившіеся въ засадѣ, быстро высо-

чивъ оттуда, начали со всѣхъ сторонъ бросать въ непріятелей копы и нанесли немало вреда какъ лошадямъ, такъ и всадникамъ. Когда войско Вріеннія отъ этого уже готово было обратиться въ бѣгство, съ величайшею быстротою прибѣжалъ на помощь Доместикъ школь Іоаннъ Куропалата, упомянутый выше родной братъ Вріеннія. Увидѣвъ его, Вріенніевы воины стали отважнѣе наступать на Турковъ, и Турки снова дали тылъ и не переставали бѣжать до тѣхъ поръ, пока не навели преслѣдовавшихъ на другую засаду. Тутъ-то, когда отъ натиска Турковъ уже всѣ готовы были обратиться въ бѣгство, пало весьма много людей, окружавшихъ Вріеннія. Замѣтивъ это, онъ немедленно поспѣшилъ на помощь: встрѣчалъ многихъ преслѣдовавшихъ и убивалъ ихъ, а бѣжавшихъ убѣждалъ остановиться. Но на этотъ разъ усилія его были напрасны: всѣ обратились въ бѣгство, оставивъ его одного съ сыномъ и братомъ. Блистательно боролись они съ Турками и многихъ перебили; но видя, что вся ихъ фаланга разсѣялась, и сами обратились въ бѣгство. Турки преслѣдовали ихъ,—и они должны были непрестанно оборачиваться назадъ и отражать ихъ напоръ, пока конь, на которомъ сидѣлъ Вріенній, отъ усталости не отказался бѣжать. Въ такихъ обстоятельствахъ Вріенній пошелъ пѣшкомъ, а братъ и сынъ его то и дѣло оборачивались и отражали Турковъ.

13. Но пока преслѣдовавшихъ было не слишкомъ много, они могли успѣшно продолжать свое отступленіе: а когда непріатели сбѣжались въ большомъ количествѣ и усталый конь Вріеннія

сдѣлался негоденъ для пути, враги стали окружать ихъ и забѣгать впередъ. Въ это время сынъ и братъ Вріеннія—оба съ великимъ усиліемъ устремились на враговъ и двухъ изъ нихъ поразили, а другихъ заставили уйти, и на короткое время могли отступать безопасно. Но Турки снова воротились еще въ большемъ числѣ и съ яростію напали на нихъ. Тогда они опять поступили по прежнему и съ великимъ рвеніемъ пошли на Турковъ. Однакожь успѣхъ ихъ мужества былъ уже не прежній. Іоаннъ (Куропалата), сваливъ одного Турка, схватился съ другимъ, но отъ этой схватки у обоихъ пали кони вмѣстѣ съ всадниками. А сынъ провозглашеннаго царемъ, увлекшись преслѣдованіемъ враговъ и поразивъ одного изъ Турковъ, попалъ въ средину ихъ и никакъ уже не могъ возвратиться къ отцу, хотя долго пытался соединиться съ своими. Ставъ отъ этого смѣлѣе, Турки еще съ большею силою напали на Вріеннія. Одинъ изъ нихъ обнажилъ свой мечъ и дерзко бросился на него; но Вріенній, обернувшись, ударилъ его мечемъ по рукѣ,—и рука упала на землю вмѣстѣ съ саблей. Остальные же окружили Вріеннія. Онъ мужественно защищался и поражалъ копьемъ нападавшихъ на него спереди. Но тогда какъ работало его копье противъ другихъ, первый Турокъ, съ отрубленною рукою, соскочивъ съ коня, повисъ на его спинѣ,—и Вріенній никакъ не могъ направить саблю такъ, чтобы ударить ею укрывавшагося за его спиною Турка. Между тѣмъ сошли съ коней и прочіе Турки и убѣждали Вріеннія, чтобъ не бросался

самъ на смерть а предался своей судьбѣ. Впрочемъ, пока у Вріеннія не устали руки, онъ не переставалъ наносить и получать удары; а когда наконецъ утомился,—добровольно уступилъ увѣщаніямъ враговъ и такимъ образомъ попалъ въ плѣнъ.

14. Варвары взяли Вріеннія съ великою честью и поѣхали къ Алексѣю Комнину, отправивъ впередъ вѣстниковъ для донесенія о плѣнникѣ. Между тѣмъ, какъ все это происходило, одинъ изъ Франковъ встрѣтилъ брата Вріенніева и, нашедши его въ плачевномъ положеніи и пѣшимъ, посадилъ на своего коня и довезъ до Адрианополя. Спасся и сынъ Вріеннія, пробравшись сквозь толпу враговъ и ускользнувъ отъ стрѣлъ ихъ. Когда они еще бѣжали, отецъ внушилъ ему, по прибытіи въ Адрианополь, сказать своей бабкѣ и матери, чтобы онѣ въ случаѣ, если не спасется его братъ, собрали спасшихся послѣ битвы воиновъ и убѣдили ихъ—не прежде сдаться царю, какъ получивъ отъ него письменное увѣреніе, что онъ никого изъ нихъ не лишитъ принадлежащаго имъ достоинства и ни у кого не отниметъ имѣнія. Впослѣдствіи это и сдѣлано.

15. Когда Вріеннія привели къ Алексѣю Комнину, послѣдній изумленъ былъ видомъ и величіемъ этого мужа: онъ дѣйствительно стоилъ того, чтобы властвовать. Комнинъ гордился тѣмъ, что борьба его была съ вождемъ, имѣвшимъ крѣпкую руку, неустрашимую душу и твердый характеръ: ибо душа Вріеннія была въ самомъ дѣлѣ геройская. И да не подумаетъ кто, будто

я говорю и пишу это пристрастно. Напротивъ, да будетъ извѣстно каждому, что подвиги, добросердечіе и благородство этого мужа превосходятъ всякое описаніе. Если бы настоящій разказъ не имѣлъ другой цѣли, и я хотѣлъ бы подробно описывать доблести этого человѣка; то понадобилась бы вторая Иліада. Надъ такимъ-то мужемъ, умѣвшимъ всегда ловко выйти изъ затруднительныхъ обстоятельствъ, искусно устроить фалангу и сражаться съ непріятелемъ, одержалъ побѣду Алексѣй Комнинъ, у котораго не было еще и надлежащей бороды, а только пробивался и золотѣлъ пушокъ, ибо ему было (')..... Послѣ той схватки, мужественныхъ подвиговъ и пораженія, онъ одержалъ побѣду не многочисленностію войска, а твердостію, рѣшительностію и военачальническою предусмотрительностію, при вышнемъ содѣйствіи Промысла, увѣнчивающаго успѣхомъ человѣческія предпріятія.

16. И такъ, Алексѣй Комнинъ взялъ Вріеннія и пошелъ по направленію къ Константинополю, отправивъ впередъ извѣстіе къ державному о своемъ плѣнникѣ, при чемъ послалъ ему пурпуровыя туфли царствовавшаго, унизанныя жемчугомъ и камнями. Обрадованный такимъ слухомъ, царь отдалъ приказаніе вѣрнѣйшему, какому только имѣлъ, и приближеннѣйшему къ себѣ мужу (не знаю былъ ли то Скионъ или Мизіецъ; имя его Вориллъ), котораго онъ возвелъ въ санъ

(') Здѣсь въ греческомъ подлинникѣ пропускъ.

Протопроедра - Этнарха ('), чтобы этотъ человѣкъ бѣжалъ и взялъ Вріеннія, а Доместику школь Комнину велѣлъ, не вступая въ Константинополь, отправиться къ Адрианополю и, утвердившись тамъ, начать войну противъ Васибеки; ибо и этотъ послѣдній успѣлъ усилиться, когда присоединилось къ нему все иллирійское и болгарское войско. Кромѣ того онъ имѣлъ еще подъ своимъ начальствомъ Варяговъ, которые были посланы съ нимъ въ Диррахій царемъ Михаиломъ. Ему покорилась также и митрополія Тессалія, такъ называемая Тессалоника. Это приказаніе царя огорчило Комнина: онъ надѣялся, что царь наградитъ его почестями и дарами, сообразно съ его заслугами, какъ человѣка, который подавилъ не какуюнибудь тираннію, но разрушилъ и покорилъ величайшее царство, поддерживавшееся столь многочисленнымъ войскомъ, столь славнымъ вождемъ, и доходами съ такой обширной страны и столькихъ городовъ. Впрочемъ, хотя и съ неудовольствіемъ, онъ исполнилъ приказаніе.

17. Принявъ Вріеннія, Вориллъ отвезъ его въ одно мѣстечко, по имени Филопатіонъ (²), и здѣсь

(¹) Протопроедръ (протопрѣдрос) — титулъ, имѣвшій почти такое же значеніе, какъ и Проедръ (прим. стр. 37). По крайней мѣрѣ съ нимъ не соединялось какогонибудь особеннаго достоинства, отличнаго отъ достоинства Проедра. Но такъ какъ Ворилъ былъ Протопроедромъ-Этнархомъ; то послѣдній титулъ долженъ былъ давать ему преимущество надъ прочими Проедрами въ области.

(²) Филопатіонъ описывается, какъ прекрасное загородное мѣсто, отдѣланное съ особеннымъ искусствомъ, орошаемое многими источниками, богатое всякою растительностію, обнесенное стѣною и имѣвшее частное назначеніе для загородной прогулки лицъ царству-

ослѣпилъ, лишивъ чрезъ то римское государство и правительство такого человѣка, лучше котораго уже не оставалось, исключая того, который одержалъ надъ нимъ побѣду. А Алексѣй Комнинъ, простоявъ около трехъ дней за городомъ (Константинополемъ), гдѣ онъ видѣлся и простился съ своими, пошелъ къ Адрианополю. При чемъ онъ взялъ отъ царя вѣрительныя грамоты съ красною подписью и золотыми печатями, ручавшіяся за то, что каждый изъ военачальниковъ Вріеннія останется при своемъ достоинствѣ, какое кто имѣлъ, и съ своимъ имуществомъ, какимъ владѣлъ дотолѣ.

18. Спустя нѣсколько дней, царь вызвалъ къ себѣ Вріеннія, сжалился надъ его несчастіемъ и не только возвратилъ ему всю его собственность, но и осыпалъ его новыми почестями и дарами. Приглашены были и прочіе начальники, и спокойно переѣзжали въ столицу. Послѣ того какъ Алексѣй Комнинъ вручилъ имъ царскія грамоты съ золотыми печатями, царь всѣхъ ихъ принималъ благосклонно, — и одни изъ нихъ взяты были Комнинымъ для исполненія повелѣній царя и отправились противъ Васибеки, а другіе съ женами и дѣтьми, какъ выше сказано, переѣхали въ столицу. Прошедши Македонію и Вулеръ, Комнинъ достигъ Стримона; а переправившись чрезъ

Стримонъ и оставивъ назади тѣнины между Струбицею и такъ называемою горою Мавръ, прибылъ въ одно мѣстечко, расположенное при рѣкѣ, которая у туземцевъ называется Вардарій. Эта рѣка, вытекая изъ горъ новой Мизіи и проходя чрезъ Скупы, течетъ между Струбицею и Стипіемъ, и на двое разрѣзываетъ горы. Протекая нѣсколько далѣе оттуда, она раздѣляетъ границы Верріи и Фессалоники и, проходя между ними, впадаетъ въ море. Не за долго до того времени, она, оставивъ прежній свой путь, уклонилась въ сторону на разстояніе двухъ-трехъ стадій, такъ что на мѣстѣ прежняго ея теченія образовалось естественное углубленіе. Между этими двумя теченіями Алексѣй Комнинъ расположился лагеремъ и объявилъ войскамъ, что остатокъ дня они посвящать отдохновенію, такъ какъ ночь предполагалось провести имъ безъ сна, или спать вооруженными.

19. Въ самомъ дѣлѣ, какъ человѣкъ проницательный и получившій достаточную опытность во время прежнихъ своихъ дѣйствій, онъ предугадывалъ намѣреніе непріятеля сдѣлать на него нападеніе ночью, что дѣйствительно и случилось. Къ такому-то нападенію Алексѣй готовился и разсылалъ повсюду лазутчиковъ. Такъ дѣйствовалъ онъ; а Васибеки, — когда перебѣжалъ къ нему нѣкто отъ Комнина измѣннически и сказалъ, что если ему угодно напасть на Алексѣя, онъ предастъ его спящаго въ палаткѣ, — нисколько не задумываясь, приказалъ всѣмъ вооружаться. Тотчасъ всѣ вооружились. Потомъ, какъ скоро солнце склонилось къ западу, онъ подалъ знакъ тру-

ющаго дома и для выѣздовъ на охоту. Въ Филопатіонѣ вѣѣжали чрезъ такъ называемыя золотыя ворота. Внутри же его стѣнъ красовался лѣтній увеселительный дворецъ. Arnold. Lubecens. Cinnam. 1. 2.

бами къ выступленію и вышелъ изъ города. Оставивъ прямую дорогу, чтобы такимъ образомъ укрыться отъ того, отъ кого почти ничто не укрывалось, и перешедши такъ называемую Литу, онъ прибылъ къ рѣкѣ, которую окрестные жители именуютъ Галикомъ; переправившись же чрезъ эту рѣку недалеко отъ крѣпости, называемой — Аэтосъ и перешедши находящейся тамъ ровъ, шель уже открытымъ полемъ.

20. Однакожъ Васибеки не могъ утаить своей цѣли. Едва только выступилъ онъ изъ города, лазутчики, видя густо поднявшуюся пыль, заключили о его выступленіи и донесли о томъ Доместикѣ школь. Доместикъ приказалъ всѣмъ вооружиться и, приготовивъ коней, ждать знака, а между тѣмъ посылалъ одного за другимъ осведомляться о непріятель. Въ это время прибылъ къ нему одинъ изъ его свойственниковъ, — человекъ ему вѣрный, однихъ съ нимъ лѣтъ и вмѣстѣ съ нимъ воспитывавшійся, по имени Татикій, и сказалъ, что непріатели находятся недалеко. А когда Комнинъ спросилъ его, точно ли онъ увѣренъ, что это Васибеки, — тотъ утверждалъ, что даже слышалъ его голосъ, какъ онъ устанавливалъ фалангу и приказывалъ ей слѣдовать за собою; мало того, — даже пустилъ въ него стрѣлу изъ лука. Тогда Доместикъ приказалъ тотчасъ подать трубами знакъ къ выступленію, а на мѣстѣ лагеря зажечь фонари и восковые фитили.

21. Въ своей же палаткѣ онъ оставилъ бывшаго при немъ монаха скопца, которому, какъ человекъ-

ку расторопному и ловкому, мать Комнина поручила попеченіе о ея сынѣ. Комнинъ наказалъ ему не гасить лампы цѣлую ночь; велѣлъ также и всѣмъ другимъ въ прежнихъ ихъ палаткахъ зажечь фонари и смоляные факелы, чтобы они горѣли до самого утра; а самъ со всѣмъ вооруженнымъ войскомъ, вышедши изъ лагеря, остановился въ одномъ лѣсистомъ мѣстѣ.

22. Бывъ недалеко отъ лагеря и видя, что его воины начинаютъ грабить, Васибеки самъ овладѣлъ палаткою Доместика и думалъ, что такимъ образомъ всего достигъ, что овладѣлъ и самимъ Доместикомъ, — остается взять его въ плѣнъ и вести. Осмотрѣвъ же всю палатку и не найдши въ ней никого, кромѣ монаха и горящей лампы, онъ съ надмѣнностію спросилъ: «гдѣ картавий? (ибо Алексѣй не чисто выговаривалъ букву ρω). Приведите его сюда ко мнѣ!» Упомянутый монахъ съ клятвою утверждалъ, что не знаетъ, гдѣ онъ. Тогда Васибеки, думая, что его обманываютъ, и волнуемый то гнѣвомъ, то радостію, засмѣялся, по поговоркѣ, сардонически, и приказалъ своимъ подчиненнымъ изрѣзать палатку; а когда это было сдѣлано, велѣлъ нагнуться подъ кровать Доместика, и искать, не тамъ ли онъ спрятался; но такъ какъ и тутъ ничего не оказалось, заставилъ опрокинуть стоявшіе въ палаткѣ ящики. Вотъ до чего доводитъ надмѣнность, растлѣвающая разумную душу человека! И такъ, потерявъ надежду и перешедши къ чувству противоположному (ибо тогда радость его смѣнилась печалью), онъ многократно ударялъ себя по бедру

и говорилъ: «бѣда мнѣ; картавый обманулъ меня». Не находя, надѣчьмъ бы другимъ посмѣяться въ такомъ человѣкѣ, онъ только и твердилъ про этотъ малѣйшій и невольный недостатокъ въ произношеніи звука рѣ.

25. Потомъ онъ вдругъ громогласно закричалъ: «военачальники! выходите изъ лагеря; непріятель находится внѣ его». Голосъ Васибеки былъ такъ силенъ, что однимъ восклицаніемъ могъ встревожить цѣлыя фаланги. Но когда этотъ полководецъ выступалъ изъ лагеря, а воины его занимались еще грабежомъ, — встрѣтилъ его мужественный Алексѣй, шедшій съ немногими впереди своей фаланги. Замѣтивъ передняго вожда, устанавливавшаго фалангу и подумавъ, что то былъ Васибеки, онъ тотчасъ бросился на него съ обнаженнымъ мечемъ и, ударивъ его по правой рукѣ, державшей копье, отрубилъ три пальца, съ которыми упало на землю и копье. Это сильно встрѣвило непріятельскую фалангу, — и воины побѣжали, перегоняя другъ друга, хотя кружась въ безпорядкѣ, они только мѣшали одинъ другому.

24. Тутъ нѣкто изъ Алексѣева войска Каппадокіецъ, по прозванію Гулій, узнавши Васибеки, ударилъ его саблею по шлему, — и сабля, переломившись у самой руки, упала. Видя это, Комнинъ сталъ было укорять воина, — какъ онъ такъ неостороженъ, что упустилъ изъ рукъ оружіе; но воинъ тотчасъ показалъ рукоятъ и оправдался отъ укоризны. Подобнымъ образомъ и одинъ Македонянинъ, по имени Петръ, по прозванію Тор-

никій, вторгнувшись въ средину непріятелей, перебилъ многихъ; а фаланга и не знала того, что дѣлается, ибо битва происходила во мракѣ, и невозможно было видѣть всѣхъ ея случайностей.... Между тѣмъ Комнинъ продолжалъ нападать на стоявшую еще часть непріятелей, рубилъ и валилъ попадавшихъ ему подъ руку, а потомъ снова возвращался къ своимъ. Въ эту минуту нѣкто изъ собственной его фаланги Франковъ, видя, что онъ только лишь вышелъ изъ среды непріятелей, и думая, что то воинъ непріятельскій, устремился на него и полетомъ своего копья чуть не свалилъ его, еслибъ только онъ не былъ самымъ крѣпкимъ сѣдокомъ на лошади. Когда же Комнинъ, обернувшись, пустился на него съ мечемъ, — тотъ вдругъ узналъ, на кого нападалъ, и сталъ униженно просить прощенія, утверждая, что онъ нападалъ на него по невѣдѣнію, а не по злему умыслу, — и мужественный Алексѣй простилъ его.

25. Такъ какъ непріятели отчасти еще держались, то Комнинъ всѣми силами старался разрушить и остальной порядокъ въ ихъ строѣ, а для того послалъ своей фалангѣ приказаніе, чтобы она, ни сколько не медля, шла къ нему. Такого было дѣло, исполненное имъ ночью и съ немногими. Когда же показалось солнце, — сподвижники Васибеки хотя и старались установить своихъ воиновъ и, сколько могли, ободряли ихъ, хотя къ этому времени спѣшили возвратиться въ свою фалангу и нѣкоторые изъ тѣхъ Васибекихъ воиновъ, которые отстали отъ ней, занявшись грабежомъ въ лагерѣ: но видя ихъ, нѣко-

торые изъ фаланги Доместика школь Алексѣя поскакали назадъ и, устремившись на встрѣчу имъ, легко обратили ихъ въ бѣгство, прежде чѣмъ дѣло дошло до боя, и взявъ многихъ изъ нихъ въ плѣнъ, возвратились къ своей фалангѣ.

26. Между тѣмъ двоюродной братъ Василики Мануиль, взошедши на одинъ холмъ, воодушевлялъ стоявшую еще часть фаланги и громко кричалъ: «этотъ день и побѣда принадлежатъ Василики!» Увидѣвъ его, Василій Куртикій, Македонянинъ изъ дома Вріенніевъ, погналъ своего коня и взбѣжалъ къ нему на холмъ. Тотъ обнажилъ было на него свой мечъ, но этотъ ударилъ его полицей по шлему и, тотчасъ сбивъ съ коня, привелъ его связаннаго къ Доместикѣ школь, мужественному Алексѣю. Въ это время явилась и фаланга Комнина и заставила бѣжать уцѣлѣвшую еще часть Василикіева войска. Василики побѣждалъ, чтобы скорѣе занять городъ, а Комнинъ преслѣдовалъ его; такъ что и къ этому событію справедливо было бы примѣнить стихъ Омира, который говоритъ объ Ахиллесѣ и Гекторѣ: храбрый бѣжалъ впереди, агнался за нимъ еще храбрѣйшій. Въ самомъ дѣлѣ Алексѣй обладалъ геройскою силою и духомъ и, происходя отъ родителей благородныхъ, своими доблестями поднялся на высоту великой славы,

27. Итакъ Василики заперся въ городъ, а Алексѣй Комнинъ расположился лагеремъ внѣ города и, желая сохранить своего противника живымъ, отправилъ къ нему посла съ увѣреніемъ, что онъ не потерпитъ ничего худаго, если сдастъ

ему себя и городъ. Посломъ у него былъ человекъ добрый и честный, сіявшій доблестями подвижника: это—достопочтеннѣйшій Симеонъ, настоятель Ксенофоновой обители на Аѳонѣ. Но сколько ни убѣждалъ онъ Василики,—убѣдить не могъ. Поэтому Комнинъ началъ вести переговоры съ Василикіевыми военачальниками и гражданами города, которые и сдали ему городъ, хотя самъ Василики все еще держался въ крѣпости, пока приближенные къ нему, бывъ вынуждены крайностію, не схватили его и не предали Комнину. Послѣ того вступивъ въ городъ, Комнинъ сдѣлался обладателемъ великаго Василикіева богатства. Отправивъ къ царю вѣстниковъ съ донесеніемъ о взятіи въ плѣнъ Василики, самъ онъ пробылъ нѣсколько дней въ городѣ и, возстановивъ въ немъ порядокъ управленія, съ славными своими трофеями пошелъ назадъ.

28. Такіе подвиги Алексѣя показали, что не слишкомъ можно полагаться на счастье, когда оно льститъ намъ. Притомъ и Эврипидъ, думаю, хорошо сказалъ, что одно мудрое распоряженіе побѣждаетъ много рукъ. Справедливость этихъ словъ подтвердилась тогда именно дѣлами Алексѣя. Вотъ одинъ человекъ, одинъ умъ, въ короткое время низложилъ славнѣйшихъ римскихъ вождей, превознесенныхъ великою славою, уничтожилъ безчисленное множество войскъ, улучшилъ и возвысилъ какъ гражданское состояніе государства, очевидно падавшее, такъ и состояніе обезнадеженныхъ душъ войска царскаго. Нѣкоторые посланные царемъ лица встрѣчаютъ (плѣннаго) Ва-

силаки между Филиппами и Амфиполем и, вручивъ Комнину царскую грамоту, ведутъ плѣнника въ одно мѣстечко, называемое Хемпиною, гдѣ находится прозрачный источникъ, и тамъ выкальваютъ ему глаза. Съ того времени и источникъ этотъ носитъ имя источника Василадельца. А Комнина, когда онъ прибылъ въ Константинополь, царь принялъ съ честью, украсилъ его саномъ Севаста ⁽¹⁾ и ущедрилъ многими наградами.

29. Въ это время возвратился изъ Антиохіи и братъ его Исаакъ Комнинъ. Свѣдавъ о простотѣ царя и о томъ, какъ правятся ему сирійскія ткани, онъ часто доставлялъ ему ихъ, и тѣмъ приобрѣлъ такую благосклонность, что получилъ отъ него въ даръ многія имѣнія, въ короткое время достигъ достоинства Севаста и имѣлъ квартиру въ царскихъ покояхъ. Царь пользовался и его сужденіями, и его приговорами; ибо онъ живо подмѣчалъ истину и способенъ былъ вразумительно выразить то, что слѣдовало. Живя въ царскомъ дворцѣ, онъ совершенно овладѣлъ простодушіемъ царя и поставилъ его въ полную зависимость отъ своего слова.

30. А Алексѣй Комнинъ опять отправился обозрѣвать ввѣренную ему область. Находясь въ Адрианополѣ и пробывъ тамъ нѣсколько дней,

⁽¹⁾ Севастъ (σεβαστός) — былъ самымъ высокимъ лицомъ при дворѣ византійскихъ царей, и только одинъ Кесарь, по праву наследника престола, стоялъ выше Севаста. Этимъ титуломъ первый украшенъ былъ Алексѣй Комнинъ. Впрочемъ, возшедши на престолъ, самъ Комнинъ жаловалъ нѣкоторыхъ своихъ вельможъ еще высшимъ достоинствомъ — Паниперсеваста (См. прим. Предисл. 1), а другія получали просто санъ Пансеваста.

онъ узналъ о вооруженіи скифскаго племени, собиравшагося опустошать предѣлы Болгаріи. Поэтому созвавъ все войско, состоявшее подъ властію префектовъ и военачальниковъ, прибылъ въ Филиппополь и, тамъ освѣдомившись, что Скифы опустошаютъ селенія между Нансомъ и Скупами, поспѣшно выступилъ противъ нихъ. Но когда онъ прошелъ уже Сардику, — Скифы, узнавъ о его выступленіи, оставили добычу и пустились бѣжать, сколько было силъ. Прогнавъ ихъ оттуда, Алексѣй снова возвратился въ Филиппополь, устроилъ состояніе страны и ея городовъ, и въ короткое время привлекъ къ себѣ благорасположеніе всѣхъ; потому что, при своей щедрости, имѣлъ привлекательный нравъ и умѣлъ пріятнѣе всѣхъ людей вести бесѣду. Совершивъ все это, онъ возвратился въ Византію, — и царь принялъ его благосклонно.

31. Тогда какъ все это происходило, Никифоръ Мелиссинскій, человекъ, какъ выше сказано, благороднаго происхожденія и находившійся въ родствѣ съ Комнинами (потому что женатъ былъ на сестрѣ ихъ Евдокии), проживалъ близъ острова Коса и, привлеки на свою сторону турецкія войска и турецкихъ военачальниковъ, обходилъ съ ними азійскіе города въ красныхъ туфляхъ, — и граждане предавали ему, какъ царю, и себя и свои города. Чрезъ это онъ невольно отдавалъ ихъ Туркамъ; а отсюда произошло, что Турки въ короткое время сдѣлались обладателями всѣхъ азійскихъ, фригійскихъ и галатійскихъ городовъ. Потомъ онъ съ большимъ войскомъ занялъ Никею

въ Виѳиніи и оттуда противоѣдѣствовалъ власти римскаго царя. Узнавъ объ этомъ, Вотаніатъ призвалъ Алексѣя Комнина и приказывалъ ему, переправившись чрезъ Халкидонскій проливъ, вступить въ войну съ Никифоромъ. Но Алексѣй отказался воевать съ нимъ и поступилъ весьма разсудительно. Въ самомъ дѣлѣ, онъ боялся легкомыслія царя, равно какъ злости и зависти окружавшихъ его лицъ; (онъ боялся), какъ бы не прогнѣвать царя неудачею, примножествъ турецкой военной силы, очень возможною. Тогда злые люди нашли бы въ этомъ предлогъ оклеветать его предъ царемъ, будто, то есть, онъ проигралъ сраженіе по чувству родства. Не успѣвъ склонить его послѣ долгихъ убѣжденій и уважая твердость его мыслей, царь приказалъ ему сдать войска Протовестіарію: это былъ евнухъ Іоаннъ, служившій Вотаніату издавна, прежде его вступленія на царство. Онъ былъ человѣкъ славолубивый больше, чѣмъ кто другой, и имѣлъ характеръ непостоянный.

52. Итакъ, переправившись чрезъ проливъ въ Хрисополь, Комнинъ сдалъ ему войска и большое число военныхъ начальниковъ. Бывъ огорчены этимъ, воины начальствовать надъ собою призывали Комнина, къ которому давно привыкли; но онъ, не желая взять на себя такого дѣла по изъясненной выше причинѣ, старался успокоить ихъ. Сдавши войска упомянутому евнуху и распростившись съ нимъ, онъ хотѣлъ уже возвратиться, но, по молодости, пожелалъ еще, на разставаніи съ своими воинами, потѣшиться верховой ѣздой. И вотъ онъ, пустивъ поводья, проскакалъ такую

дистанцію, какая полагалась въ играхъ этого рода, и остановился. Потомъ и евнухъ Іоаннъ, какъ бы забывшись, ослабилъ также поводья и пустил своего коня предъ всѣми. Но тутъ поднялся громкій смѣхъ, и всѣ въ насмѣшку ему, заговорили: «клу, клу», что обыкновенно прилагаютъ къ евнухамъ. Впрочемъ лица, окружавшія Комнина, тотчасъ остановили ихъ.

53. Послѣ сего Алексѣй возвратился къ царю и жилъ въ царскомъ дворцѣ; а евнухъ со всѣми военными силами двинулся противъ Мелитенскаго и, прошедши предѣлы Виѳиніи, расположился лагеремъ близъ одного замка, называемаго Василею и отстоявшаго отъ Никеи болѣе, чѣмъ на сорокъ стадій. Тамъ Палеологъ и его племянникъ Куртикій совѣтовали ему истребить все, что встрѣтится до Никеи, и, возвратившись по окраинѣ озера, осадить замокъ кира Георгія. Принявшись за это, они дѣйствительно тотчасъ овладѣли имъ. Потомъ, такъ какъ наступали дѣла опасныя, то нуженъ былъ совѣтъ, и всѣ начальствующіе въ войскѣ, собравшись въ палаткѣ евнуха, стали разсуждать, — должно ли осадить Никею, или направиться въ Дорилею и начать войну съ Султаномъ. Но объ осадѣ Никеи, какъ о дѣлѣ невыгодномъ, Георгій Палеологъ и племянникъ его Куртикій молчали. Подмѣтивъ это, нѣкоторые изъ приближенныхъ къ евнуху Іоанну стали перешептываться, къ оскорбленію ихъ, и высказывать непріятныя имъ намеки. Тогда евнухъ громко объявилъ всѣмъ: «царь далъ мнѣ власть распорядиться войсками, — и что я опредѣляю, тому и быть должно».

34. Видя, что найдено лучшим идти войною на Никею, и что все уже принимаются за оружие, Палеологъ, какъ человекъ пріобрѣтшій большую опытность въ военныхъ дѣлахъ, предугадывалъ, что изъ этого выйдетъ, и потому началъ смѣло говорить за себя и Куртикія: «не безъизвѣстно и намъ, что царь поставилъ тебя начальникомъ надъ войсками,—отъ того-то мы долго и молчали; но теперь, усматривая предстоящую опасность и боясь угрожающаго намъ впослѣдствіи царскаго гнѣва, не можемъ болѣе молчать. Знай же, что когда мы подступимъ къ Никеѣ и будемъ пробовать ее взять, отважнѣйшіе изъ воиновъ получатъ раны, а нѣкоторые и смерть; потому что находящимся въ полѣ трудно бороться съ стоящими на стѣнахъ. Между тѣмъ расположенные внѣ города Турки, узнавъ объ осадѣ его, тотчасъ выступятъ противъ насъ,—и мы, не будучи въ состояніи разомъ сопротивляться и тѣмъ, которые станутъ нападать на насъ со стѣнъ и выходить изъ воротъ, и тѣмъ, которые устремятся противъ насъ извнѣ, должны будемъ обратиться назадъ. Тогда одни изъ насъ, захвативъ своихъ раненыхъ, уйдутъ—каждый по произволу въ такое мѣсто, гдѣ бы удобно было лечить ихъ; а другіе, сокрушаясь скорбію объ умершихъ, ни къ чему не будутъ намъ полезны».

35. Но казалось, они пѣли для глухого. Не обративъ на нихъ никакого вниманія, евнухъ съ войскомъ отправился прямо къ Никеѣ и, подступивъ къ стѣнамъ ея, требовалъ, чтобы все сдались. Осажденные, ожидая, что на помощь къ нимъ при-

детъ войско отвиѣ, льстиво обманывали его и со дня на день откладывали сдачу. Георгій Палеологъ не могъ выносить такого безумнаго образа войны, ибо былъ весьма опытенъ и уже предъ глазами видѣлъ наступающую опасность, а потому совѣтовалъ евнуху снять осаду. Но евнухъ, принявъ его слова за угрозы, хотѣлъ, не столько по твердости характера, сколько по незнанію дѣла, устоять на своемъ, пока, свѣдавъ о приходѣ Турковъ, не принужденъ былъ отступить со стыдомъ.

36. Георгій Палеологъ, бывъ военачальникомъ опытнѣйшимъ, съ рукою и мыслию сильною, снова осмѣлился совѣтовать евнуху отступить не какъ попало, но въ порядкѣ и надлежащей стройности. Когда онъ сказалъ это,—евнухъ предоставилъ его волѣ все распоряженія. Тогда, установивъ войско въ ряды и приказавъ всадникамъ ѣхать впередъ кромѣ немногихъ, которые должны были оставаться въ засадѣ и подкарауливать враговъ, онъ велѣлъ тяжело вооруженнымъ и пѣшимъ идти позади тихимъ шагомъ, а самъ съ немногими, обходя то задній отрядъ, то правое крыло (ибо лѣвое, защищенное озеромъ, было внѣ опасности), прогонялъ забѣгавшихъ напередъ Турковъ, пока не прибылъ къ Василеѣ и не расположился лагеремъ.

37. На пути туда имъ встрѣтилось пространное поле, окруженное кирпичною оградой, имѣвшею не много входовъ. Когда всадники начали разбѣжаться по направленію ко входамъ, Турки, слѣдовавшіе позади и видѣвшіе, что происходитъ, съ сильнѣйшимъ крикомъ понеслись и, бросившись

на пѣшихъ, начали со всѣхъ сторонъ поражать ихъ изъ луковъ. Пѣхота обратилась въ бѣгство, а евнухъ, объятый страхомъ, не могъ бѣжать и очутился одинъ. Въ это время встрѣтились съ нимъ Куртикій и Палеологъ: первый не удостоилъ его даже взглядомъ и внушалъ тоже Палеологу; но послѣдній, подошедши къ нему, сказалъ: «вотъ въ какія обстоятельства поставилъ ты насъ: не предсказывали ли мы тебѣ этого?» Евнухъ же въ отвѣтъ сталъ умолять его: «сжался надо мною, не дай мнѣ понасть въ руки Агарянъ». Георгій ободрилъ его и сказалъ: «ступай за мною». Тутъ послѣдовало на нихъ сильное нападеніе Турковъ, — и евнухъ едва не лишился разсудка. Палеологъ, поворотивъ коня и встрѣтивъ нападающихъ, нанесъ ударъ одному изъ нихъ, — и тотъ упалъ на землю мертвый; видя это, и прочіе нѣсколько отступили. Тогда онъ обернулся и, видя, что евнухъ, какъ бы потерявъ разсудокъ, былъ безгласенъ, ударилъ его слегка по щекѣ и сказалъ: «не бойся».

58. Между тѣмъ Турки, нисколько не медля, снова подступили, — и Палеологъ, обернувшись къ нимъ съ немногими всадниками (потому что мѣсто для большаго числа было узко) бросился на Турковъ. Варвары побѣжали и, такъ какъ многіе изъ нихъ были убиты, то остальные уже не вступили въ бой, но стали въ отдаленіи. Послѣ того Палеологъ приказалъ латникамъ идти и расположиться лагеремъ, а самъ съ своими всадниками остался назади, пока всѣ не перешли за ограду и не раскинули лагерь. Среди такихъ доблест-

ныхъ подвиговъ, Палеологъ однажды снялъ съ себя шлемъ, и вдругъ раненъ былъ въ лобъ стрѣлою. Не обращая однакожъ никакого вниманія на рану и видя, что евнухъ мучится жаждою, а языкомъ двинуть не можетъ и только знаками умоляетъ помочь ему, оставилъ его тутъ подъ охраненіемъ четырехъ его слугъ, а самъ сошелъ по склону внизъ и принесть ему въ шлемъ воды. Утоливъ жажду, евнухъ нѣсколько оживился и, называя Палеолога вторымъ богомъ, обѣщалъ усыновить его, если будетъ спасенъ, и утверждалъ, что обѣщаемое усыновленіе не ограничить однимъ именемъ, но сдѣлаетъ его наслѣдникомъ всего, что имѣетъ, и будетъ заботиться о немъ, какъ о собственномъ сынѣ. Въ отвѣтъ на это Палеологъ сказалъ ему: «для твоего спасенія я съ своей стороны сдѣлалъ все, что было можно; твое же дѣло — исполнить впослѣдствіи свое обѣщаніе».

59. Случилось въ то время, что нѣкто Исаакій Контостефанъ упалъ съ лошади и громко звалъ на помощь Палеолога. Узнавъ объ этомъ отъ кого-то, Палеологъ ввѣрилъ евнуха собственнымъ его слугамъ, а самъ въ сопровожденіи одного изъ своихъ слугъ направился къ тому мѣсту, гдѣ, какъ говорили, былъ Контостефанъ. Увидѣвъ издали, что послѣдній (лежитъ) съ непокрытою головою и зоветъ на помощь, онъ притворился будто не замѣчаетъ его и какъ бы вематривается во что-то. Тотъ, узнавъ Палеолога, сталъ еще сильнѣе звать его; а онъ, при видѣ приближающихся Турковъ, сообразилъ, что теперь нельзя

болѣе притворяться, и потому, приблизившись къ нему и глядя въ другую сторону, спросилъ: не видѣлъ ли кто Контостефана? При этомъ Контостефанъ сталъ еще громче звать его. Тогда подошедши къ нему и приказавъ посадить его на коня, котораго привелъ для него, Палеологъ возвратился съ нимъ. Прибывъ къ мѣсту, гдѣ оставленъ былъ евнухъ на рукахъ своихъ слугъ, онъ взялъ и его, — и все они отправились въ Еленополь, куда потомъ вступило и оставшееся войско.

40. Но лукавый евнухъ, забывъ все услуги Палеолога, поспѣшилъ написать царю, что онъ потерпѣлъ неудачу отъ Палеолога и Куртикія. При вступленіи въ столицу, Куртикій сказалъ Палеологу: «вотъ посмотри, сколько зла надѣлаетъ намъ этотъ евнухъ». И дѣйствительно, когда они прибыли къ дверямъ дворца, — евнухъ, вошедши впередъ, шепнулъ придвернику, чтобы онъ не впускалъ ихъ. Придверникъ тотчасъ исполнилъ приказаніе и, вытолкнувъ Палеолога, заперъ за нимъ дверь. Съ тѣхъ поръ евнухъ за оказанныя ему услуги не переставалъ коварствовать противъ Палеолога и всячески искалъ его гибели.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЦЪ И СОБЫТІЙ, УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ЗАПИСКАХЪ ВРІЕННІЯ.

Авазги 52 пр. 1.

Адріанъ, сынъ Іоанна Комнина 15. 21.

Аланы, 52 пр. 1. Не получая платы отъ Палеолога, не хотятъ сражаться съ Урзелиемъ и разбѣгаются 78.

Алексій Комнинъ, сынъ Іоанна Комнина 15; украшенъ превосходными внѣшними и внутренними качествами 20; слѣдуетъ за братомъ на войну еще въ отрочествѣ 21; отправляется въ армию въ юномъ возрастѣ 30; сопутствуетъ въ походѣ брату Исааку 54; во время сраженія оставляетъ охранять лагерь 56; отступаетъ лагерь 57; оставляетъ лагерь 58; приходитъ въ Гавадонію 59 и поспѣшаетъ въ столицу для собранія денегъ, чтобы выкупить брата 60; возвращается въ Анкиру и неожиданно встрѣчается съ братомъ 61; пріѣзжаетъ въ Декту и сражается съ Турками 62. 63. Распоряжается своими людьми и прогоняетъ Турковъ 64 — 67; назначается Стратопедархомъ и посылается противъ Урзелія 78; своими стратагемами доводитъ непріятеля до крайности 79; сноситъ съ турецкимъ эмиромъ Тутахомъ 81; убѣждаетъ Амасійцевъ къ сбору денегъ для вознагражденія эмира 82; успокоиваетъ волненіе въ Амасіи 83. 84; распускаетъ ложную молву объ ослѣпленіи Урзелія 84; овладѣваетъ войскомъ Урзелія 85; посѣщаетъ опустѣлый домъ своего дѣда 87; заѣзжаетъ къ своему

родственнику Докіану 86; прогоняетъ турецкихъ фуражировъ 88; возвращается въ столицу 89; заботится объ Урзеліѣ 89; женится на дочери Андроника Иринѣ 102; назначается охранителемъ столицы отъ вторженія Іоанна Вріеннія 109; беретъ въ плѣнъ нѣсколько человѣкъ непріятелей 110; предлагаетъ Михаилу совѣты, какъ подавить мятежъ 115. 116; убѣждаетъ кесаря Константина принять престолъ 117; является къ Вотаниату вмѣстѣ съ Константиномъ 118; назначается военачальникомъ противъ Вріеннія 123; выступаетъ съ войскомъ 126; искусно устрояетъ войско, пробивается въ средину непріятелей и замышляетъ убить Вріеннія 130. 131; беретъ Вріенніева коня и этимъ останавливаетъ бѣгущихъ своихъ воиновъ 132. 133; одерживаетъ побѣду надъ Вріенніемъ и беретъ его въ плѣнъ 134—137; получаетъ приказаніе идти противъ Василяки 139; становится лагеремъ на границѣ Верріи и Ѳессалоники 141; готовится для принятія ночнаго сраженія 142; нападаетъ на Василяки 144; преслѣдуетъ его 146; предлагаетъ ему сдаться 146; овладѣваетъ городомъ 147; устанавливаетъ въ немъ порядокъ 147; получаетъ санъ Севаста 148; прогоняетъ Скивовъ 149; отказывается отъ похода противъ Никифора Мелиссинскаго 150; сдаетъ войска Іоанну евнуху 150; живетъ въ царскомъ дворцѣ 151; скорбитъ о нарушеніи правъ престолонаслѣдія 2; требуетъ возвестъ на престолъ сына Михаила Константина 3; впадаетъ въ подозрѣніе у Вотаниата и его рабовъ 4; выѣзжаетъ въ Адрианополь и объявляетъ свое право на престолъ 7; обручаетъ Константину порфирородному свою дочь (Анну) 8; передаетъ престолъ Іоанну 9.

Алексѣй Харонъ, Префектъ Италіи 15.

Алматъ, военачальникъ Діогена 37.

Ἀλυπος—обитель въ честь Богородицы 30.

Андроникъ—Проедръ сынъ Кесаря Іоанна Дуки, ко

мандуетъ запаснымъ войскомъ Діогена 37; отступаетъ 38; сражается съ Діогеномъ и побѣждаетъ его въ Киликіи 47—49; беретъ его въ плѣнъ 50; отправляется съ отцемъ въ Азію 53; сражается противъ Урзелія 70, получаетъ множество ранъ и сдается въ плѣнъ 71; отпускается изъ плѣна 72.

Анна Комнина—составительница лѣтописи свѣд. о Вріен. II—IV.

Анна, супруга Іоанна Комнина, упрашиваетъ мужа не отказываться отъ престола 18; спѣшитъ къ умирающему сыну Мануилу 30; посылаетъ на войну Алексѣя 30; обвиняется въ сношеніяхъ съ Діогеномъ 45; ссылается на островъ Принца 46; вызывается изъ ссылки 51; убѣждаетъ Алексѣя отказаться отъ войны съ Урзеліемъ 79.

Анна, мать Вріенніевъ 103.

Антиохійцы возмущаются за патріарха Эмилиана 92; выкупаютъ изъ плѣна Исаака Комнина 93.

Араватъ Аланъ изъ отряда Исаака 66.

Артухъ турецкій эмиръ 76; пр. 1, нападаетъ на Урзелія и Кесаря, разбиваетъ ихъ и беретъ въ плѣнъ 77; Урзелія отпускаетъ на волю 77; снова выступаетъ изъ Персіи 80; схватываетъ Урзелія и сдаетъ его Алексѣю 82.

Асанъ, военачальникъ турецкаго Султана 27.

Безсмертные формируются Константиномъ каппадокійскимъ 127; обращаются въ бѣгство въ сраженіи съ Вріенніемъ 131; пробиваются въ средину непріятельскаго войска 134.

Бердышники, см. дворцовая стража.

Варисъ, посолъ византійскихъ мятежниковъ 115.

Василяки, военачальникъ, приходитъ съ войскомъ къ царю Діогену изъ Арменіи 33; хвастливо преслѣдуетъ Турковъ 34; попадаетъ въ плѣнъ къ Туркамъ 35; не получая награды отъ царя Михаила, вступаетъ въ заговоръ съ Іоанномъ Вріенніемъ 99; получаетъ приказаніе взять и привести Никифора Вріеннія 103; отлагается отъ Вотаниата 5; овладѣваетъ палаткою Алексѣя

143; выступает изъ лагеря 144; обращается въ бѣгство 146; запирается въ городъ 146; ослѣпляется 148.

Василій II Дука, царь византійскій, сносится съ Вардою 13; заботливо воспитываетъ сыновей Мануила Комнина 14; причисляетъ ихъ къ придворнымъ чинамъ 15; женитъ ихъ 15.

Великій Доместикъ, см. Доместикъ.

Вестархъ 33.

Вориллъ рабъ Вотаниата 4; посылается Вотаниатомъ занять царскій дворецъ 117; по приказанію Вотаниата, ослѣпляетъ Вріеннія 139.

Вотаниатъ, военачальникъ, сражаясь съ Урзелиемъ подъ предводительствомъ Кесаря Іоанна, умышленно отступаетъ 70; домогается престола и овладѣваетъ многими городами востока 111. 112; сносится съ столицею 112; достигаетъ Никеи и овладѣваетъ ею 113; приходитъ въ Пренеть, потомъ въ столицу 117; женится на Маріи, супругъ Михаила 119; заточаетъ Логовета 121; расточаетъ государственную казну 122; отправляетъ пословъ къ Вріеннію 123; противопоставляетъ Вріеннію Алексѣя 123; приглашаетъ никейскихъ Турковъ 123; отвергаетъ условія Вріеннія 126; повелѣваетъ ослѣпить Вріеннія 139. 140; предписываетъ Алексѣю идти противъ Васибеки 139; повелѣваетъ ослѣпить Васибеки 148; предписываетъ Алексѣю выступить противъ Никифора Мелиссинскаго 150; приказываетъ ему сдать войска Іоанну евнуху 150; начинаетъ подозрѣвать Алексѣя 4; задумываетъ ослѣпить его 7; уступаетъ ему престолъ безъ борьбы 8.

Вріенній, адрианопольскій Этнархъ, родоначальникъ Вріеннія писателя записокъ 3.

Вріенній Куропалата, дѣдъ писателя записокъ 3; ослабляетъ могущество Скивовъ 4.

Вріенній Никифоръ, командуетъ лѣвымъ крыломъ Диогенова войска въ сраженіи съ Турками 35; показываетъ свое мужество въ борьбѣ съ неприятелемъ 35. 36; назначается Дуксомъ Бол-

гаріи и смирляетъ Славянъ 96; переводится въ Иллирію и смирляетъ Хорватовъ и Діоклейцевъ 97; обуздываетъ сицилійскихъ пиратовъ 97; узнаетъ о подозрѣніи царя Михаила 98; уговариваемый къ измѣнѣ, не рѣшается на отложеніе 100; выступаетъ въ Адрианополь, встрѣчается съ Васибеки, разбиваетъ его и вступаетъ съ нимъ въ условія общей измѣны 103. 104; удерживаетъ свое войско отъ ссоры съ Траянопольцами 105; объявляетъ себя царемъ 107; посылаетъ къ столице часть войска подъ предводительствомъ брата Іоанна Вріеннія 108; идетъ къ Византіи 123; принимаетъ Вотаниатовыхъ пословъ 124; предлагаетъ условія мира 125. 126; вступаетъ въ сраженіе съ Алексѣемъ 131; сперва одерживаетъ побѣду 131 сл.; потомъ обращается въ бѣгство 135; сдается въ плѣнъ 137; ослѣпляется 139; награждается дарами 140.

Вріенній Іоаннъ, братъ Никифора, не получая отъ царя награды, вступаетъ въ заговоръ съ Васибеки 99; возбуждаетъ брата Никифора къ измѣнѣ 100; подготавливаетъ измѣнниковъ въ Византіи и Адрианополѣ 103; понуждаетъ брата надѣть царскіе знаки 104; идетъ съ войскомъ къ стѣнамъ Византіи 108; сожигаетъ предместіе Стеносъ 109; снимаетъ осаду 110. 111; идетъ на Скивовъ 111; командуетъ правымъ крыломъ Никифорова войска 129; удерживаетъ стремительность безсмертныхъ 131; поспѣшаетъ на помощь воинамъ Никифора 135; обращается въ бѣгство 136; уходитъ въ Адрианополь 137.

Вріенній Патрикій, сынъ Никифора Вріеннія, восходитъ на стѣны Траянополя и заставляетъ жителей провозгласить царемъ Никифора 106.

Вріенній Никифоръ младшій, писатель записокъ, получаетъ отъ Алексѣя титулы Кесаря и Паниперсеваста II; дѣлъ его записокъ и отысканіе ихъ II—IV см. свѣд. о Вріен.

Германъ, рабъ Вотаниата 4.

Гулій, Каппадокіецъ 144.

Гунны—тоже что Турки 23, пр. 1.

Дворцовая стража 41; сражается съ Урзелиемъ 69.
Дамокранія 126 пр. 1.

Диогенъ—Романъ, женившись на Евдокии, вступаетъ на престолъ 21; идетъ войною противъ Турковъ 29; приказываетъ Алексѣю оставить лагерь и ѣхать домой 31; вступаетъ въ предѣлы Персіи 33; посылаетъ Вріеннія на помощь Василяки 35; даетъ Туркамъ генеральное сраженіе 36; попадаетъ въ плѣнъ 38; отпускается изъ плѣна 40; собираетъ войско для возвращенія престола 42; испытываетъ пораженіе отъ Іоанна въ Амасіи 43; снова собираетъ войско въ Киликіи 44; испытываетъ пораженіе отъ Андроника 48; проситъ помощи у Турковъ 49; предается Андронику отъ собственного его войска 50; ослѣпляется 51.

Диоклейцы злодѣйствуютъ въ Илиріи 95. 96.

Докіанъ—родственникъ Комниныхъ въ Пафлагоніи 86; удивляется актерству Алексѣя съ Урзелиемъ 87.

Доместикъ 6 пр. 1.

Дромонъ 17 пр. 1.

Друнгарій (Константинъ) возбуждаетъ въ Михаилѣ недоверчивость къ Никифору Вріеннію. 95.

Дука,—происхождение Дуковъ 9.

Дуксъ 32 пр. 1.

Евдокія, дочь Іоанна Комнина 15; въ замужествѣ за Никифоромъ Мелиссинскимъ 20.

Евдокія, супруга царя Константина Дуки 19; по случаю плѣна втораго ея мужа Диогена Романа объявляетъ себя правительницею царства въ пользу сына ея Михаила 39. 40; изгоняется изъ дворца и заключается въ монастырь 42.

Евдокія, вторая жена Вотаниата 120.

Евстафій Каппадокіецъ, шпионъ Михаила 98; открываетъ Вріеннію цѣль своего посольства 98.

Елена, сестра Тараконіота, правителя Адрианополя 103.

Жемчужина, называемая *орфанди* 39.

Записки Никифора Вріеннія II; списаны собственноручно Анною Комниною IV; изданіе ихъ, цѣль и содержаніе II; побужденіе къ написанію

ихъ II см. свѣд. о Вріен. см. Ист. 3. 11. 12.

Зоя, сестра Константина, брата Михайлова 102.

Иверцы 52 пр. 1.

Ирина, дочь аланскаго владѣтеля, въ замужествѣ за Исаакомъ 52.

Ирина, супруга Алексѣя Комнина II. свѣд. о Вріен. 101; заставляетъ Вріеннія писать о побужденіяхъ Алексѣя вступить на престолъ 11 пр. 1.

Исаакъ Комнинъ, сынъ Мануила 2. 13; женатъ на дочери болгарскаго царя Екатеринѣ 15; восходитъ на престолъ 15; страдаетъ колотьемъ 17; предлагаетъ престолъ брату Іоанну 17; передаетъ царскую власть Константину Дукъ 18. 19; вступаетъ въ монашество 19; выздоравливаетъ 19; чрезъ годъ умираетъ 19.

Исаакъ, сынъ Іоанна Комнина 20; возводится въ санъ Доместика восточныхъ школъ и отправляется на войну съ Турками 53; вступаетъ въ сраженіе и попадаетъ въ плѣнъ 56; выкупается и встрѣчается съ Алексѣемъ въ Анкирѣ 61; привѣзжаетъ въ Декту и осаждается Турками 62. 63; назначается Дуксомъ Антиохіи 90; хитростію высымаетъ изъ Антиохіи Патріарха Эмилиана 90—92; подавляетъ мятежъ въ Антиохіи 92; попадаетъ въ плѣнъ къ Туркамъ 93; выкупается Антиохійцами 93; имѣетъ сильное вліяніе на Вотаниата и получаетъ титулъ Севаста 148.

Іоаннъ, сынъ Мануила Комнина 13; женатъ на дочери Харона Аннѣ 15; отецъ осмерыхъ дѣтей 15; получаетъ титулъ Куропалаты и Доместика 16; мудро правитъ западными областями 16; отрекается отъ царскаго престола 17; умираетъ 19.

Іоаннъ, братъ царя Константина, Кесарь, совѣтуетъ Евдокию, по случаю плѣна Диогенова, вступить въ управленіе государствомъ 39; приближаетъ къ себѣ дворцовую стражу и изгоняетъ царицу изъ дворца 41. 42; приближаетъ къ Михаилу Никифору внука 52; удаляется въ Малую Азію 53; возвращается изъ Азіи въ Византію 68; получаетъ приказаніе вступить въ войну съ Ур-

зелемъ 69; испытываетъ поражение и попадаетъ въ плѣнъ 70. 71; спасаетъ Андроника отъ смерти 71—72; возбуждается Урзелиемъ къ исканію престола 75; попадаетъ въ плѣнъ къ Туркамъ 77; выкупается и принимаетъ монашество 78.

Іоаннъ евнухъ, военачальникъ Вотаніата, идетъ войною противъ Никифора Мелиссинскаго 150; показываетъ самонадѣянность и невѣжество въ военномъ дѣлѣ 151; передаетъ право управления войскомъ Георгію Палеологу 153; неблагодарность и жестокость его въ отношеніи къ Палеологу и Куртикію 156.

Іоаннъ, сынъ Алексѣя Комнина. 9.

Іосифъ Трахоніотъ—вождь, отличающійся мудростію совѣтовъ 31. 32; осаждаетъ Хлеать 33; управляетъ Антиохіею; его смерть 90.

Каппадокія 54.

Кармесса—вождь Арабовъ 27.

Катакалонъ, сынъ Іосифа Трахоніота, едва удерживаетъ мятежъ въ Антиохіи 90.

Катакалонъ Трахоніотянинъ, командуетъ лѣвымъ крыломъ Вріенніева войска 129.

Кесарь 37.

Киликія 44. пр. 1.

Константинъ порфирородный обручается съ дочерью Алексѣя Анною 8 пр. 1; его смерть 8.

Константинъ, братъ Андроника Дуки, вступаетъ на престолъ послѣ Исаака Комнина 18. 19; старается ввести въ судебныя мѣста справедливость 19; оказываетъ уваженіе бывшему царю Исааку 19; его смерть 19.

Константинъ, братъ царя Михаила, поставляется охранителемъ столицы отъ вторженія Іоанна Вріенніа 109; негодуетъ на Алексѣя за его вылазку 110; отказывается отъ предлагаемаго ему престола и спѣшитъ къ Вотаніату 117; убѣждаетъ Михаила вступить въ монашество 119; убѣждаетъ Вотаніата жениться на Маріи 120.

Константинъ, сынъ Діогена, женится на дочери Іоанна Комнина 20; умираетъ въ сраженіи съ Турками 90.

Константинъ Катакалонъ—военачальникъ, подручный Комнину 130.

Константинъ, сынъ Кесаря Іоанна 41; разбиваетъ Діогена близъ Амасіи 43; возвращается въ Константинополь 46; отказывается отъ второй войны съ Діогеномъ 47; получаетъ санъ Протостратора 53; посылается противъ Урзелия, но въ слѣдующую ночь умираетъ 74. 75.

Константинъ Каппадокійскій—обучаетъ и формируетъ фалангу безсмертныхъ 127.

Контостефанъ, воинъ въ войскѣ Іоанна евнуха 155.

Криспинъ Франкъ, военачальникъ въ арміи Андроника 48.

Куропалата, 16, пр. 1.

Куртикій, родственникъ Вріенніевъ 146.

Куртикій, племянникъ Георгія Палеолога, подаетъ Іоанну евнуху благіе совѣты 151—152.

Кутлумъ, двоюродный братъ Странголипа, терпитъ поражение отъ Арабовъ, побѣждаетъ и беретъ въ плѣнъ Стефана Лихудія 27.

Левъ Даванскій, Вестархъ Арменіи 33.

Лихудій, см. Стефанъ Лихудій.

Логоветъ 52, пр. 1. см. Никифоръ евнухъ.

Маврикій, опытный морякъ и богатый негоціантъ 87.

Магистръ 31. 32, пр. 2.

Магометь, сынъ Ямврайла, воюетъ съ Индійцами и Вавилонянами 22. 23; проситъ помощи у Гунновъ или у Турковъ 23; идетъ войною на предводителя Арабовъ Писсарія 23; высылаетъ войско противъ Турковъ 24; испытываетъ поражение и умираетъ 25.

Мазикертъ, городъ въ Мидіи—Оеодосіополь 33.

Мануиль Комнинъ—посланникъ царя Василія 13; при смерти поручаетъ своихъ дѣтей царю 14.

Мануиль, сынъ Іоанна Комнина 13. 18; получаетъ титулъ Протостратора 21, пр. 2; объявляется главнокомандующимъ восточныхъ войскъ 22; воюетъ съ Турками и попадаетъ въ плѣнъ 28; склоняетъ Хризосула къ отложенію отъ Султана 29; его смерть 29. 30.

Мануилъ, двоюродный братъ Васи́лаки 146.
Марія, дочь Іоанна Комнина 15; въ замужествѣ за Михаиломъ Тарронитскимъ 20.
Марія, супруга царя Михаила 119; поселяется въ монастырѣ, но вскорѣ выходитъ замужъ за Вотаниата 120.
Масуръ, вождь турецкихъ войскъ, сынъ Кутлума 123.
Михаилъ Киролларій, Патріархъ византійскій 95.
Михаилъ, старшій сынъ Андроника, убѣгаетъ изъ плѣна 73; находится при бракѣ Вотаниата съ Марією 120.
Михаилъ Тарронитскій—Паниперсевастъ II свѣд. о Вріен. пр. 1; женатъ на дочери Іоанна Комнина Маріи 20; попадаетъ въ плѣнъ къ Туркамъ 28.
Михаилъ Дукла 2; сынъ царя Константина 18; вступаетъ на престолъ 39—42; пробуетъ заключить миръ съ Діогеномъ 44; приказываетъ ослѣпить Діогена 50; вызываетъ изъ ссылки мать Комниныхъ Анну 51; женатъ на Маріи, дочери независимаго правителя Іверіи 51; видитъ стѣснительныя обстоятельства царства 53; поручаетъ вести войну противъ Турковъ Исааку Комнину 54; посылаетъ Іоанна Кесаря противъ Урзелія 69; противъ него же отправляетъ Никифора Палеолога 78; потомъ посылаетъ Алексѣя 79; изъявляетъ благодарность Алексѣю 89; избираетъ Исаака Ком. Дуксомъ Антіохіи 90; приказываетъ препроводить Патріарха Эмилиана въ Византію 90; дѣлаетъ избрать въ Кесари Вріеннія 95; дѣлаетъ его Дуксомъ Болгаріи 96; передвигаетъ въ Иллирію 97; подозреваетъ его въ стремленіи къ тиранніи и подсылаетъ къ нему шпіона 98; поручаетъ Васи́лаки взять и привести его въ узахъ 103; возстановляетъ Турковъ противъ Вотаниата 112; отказывается отъ престола въ пользу брата Константина 117; принимаетъ монашество и потомъ рукополагается въ Митрополита ефесскаго 119.
Мукалетъ—вождь Турковъ 23.
Никифоръ, сынъ Іоанна Комнина 15—21.

Никифоръ Мелиссинскій, женатъ на Евдокіи, дочери Іоанна Комнина 20; попадаетъ въ плѣнъ къ Туркамъ 28; объявляетъ себя врагомъ Вотаниата 111; затѣваетъ тираннію и вступаетъ въ связь съ Турками 149.
Никифоръ евнухъ—Логофетъ 52; вліяніе его на Михаила ко вреду Кесаря 52; изыскиваетъ случай удалить Кесаря отъ двора и погубить его 68. 69; возбуждаетъ Турковъ противъ Іоанна Кесаря и Урзелія и сносится съ Артухомъ 76; питаетъ ненависть къ Патріарху Эмилиану 90; подсылаетъ убійцу къ Вріеннію 99; убѣгая къ Вріеннію, сносится съ Урзелиемъ и, преданный имъ Вотаниату, въ ссылкѣ умираетъ 121.
Онорать—мѣстечко по ту сторону Дарданеллъ 16.
Островъ Принца 46. пр. 1.
Палеологъ (Никифоръ) посылается противъ Урзелія 78; нанимаетъ Алановъ, но безъ денегъ не можетъ удержать ихъ на службѣ и терять сраженіе 78.
Палеологъ (Георгій)—сынъ Никифора Палеолога, объявляетъ себя врагомъ Вотаниата 111; подаетъ Іоанну евнуху благія совѣты 152; принимаетъ на себя распоряженіе въ войнѣ съ Турками 153.
Паниперсевастъ II пр. 1. свѣд. о Вріен.
Панасъ, предводитель Кельтовъ 69; перебѣгаетъ съ Кельтами къ Урзелію 70.
Писсарій, предводитель Арабовъ 23; испытываетъ поражение и лишается жизни 26.
Проедръ 37, пр. 2.
Протовестіарій, см. Проедръ.
Протопроедръ 90.
Протъ—островъ, мѣсто ссылки Діогена 51.
Сарацины—владеютъ въ Персіи, Мидіи, Вавилоніи и Ассиріи, Египтѣ и Ливіи 22.
Севастъ 148 пр. 1.
Симеонъ, настоятель Ксенофонтовой обители на Аео-нѣ 147.
Скионы опустошаютъ западныя области Имперіи 53. 94; находясь въ войскѣ Вріеннія 129, разби-

ваютъ Хоматинцевъ и грабятъ убитыхъ 132.
Славяне опустошаютъ Болгарію 94.
Солиманъ, сынъ Кутлума, по приглашенію Михаила, воюетъ противъ Вотаніата 112. 123.
Стеносъ—предмѣстье Византіи съ храмомъ и монастыремъ 42, пр. 1.
Стефанъ Лихудій, правитель Мидіи, разбитъ Кутлумомъ 27.
Стравороманъ, посолъ Вотаніата къ Вріеннію 124. 125.
Странголипъ, военачальникъ Турковъ въ Персіи 23; нападаетъ на войско Магомета и разбиваетъ его 24; усиливаетъ свою армію бродягами и персидскими перебѣжчиками 24; поражаетъ самага Магомета 25; провозглашается царемъ Персіи 25; именуется султаномъ 26; нападаетъ на правителя Вавилона Писсарія и овладѣваетъ Вавилономъ 26; высылаетъ войско противъ Римлянъ и занимаетъ Мидію 27.
Студійская обитель 14, пр. 1.
Таранга евпухъ, вождь Султана 37.
Тараханіотъ, правитель Адріанополя, противится измѣнѣ Вріеннія 103.
Татикій, свойственникъ Алексѣя Комнина 142.
Торникій, Македонянинъ 145.
Трахонисій 78.
Траханіотъ, см. Іосифъ Траханіотъ.
Траянополъ свидѣтельствуетъ преданность Михаилу 105; затѣваетъ ссору и драку съ воинами Вріеннія 105; первый провозглашаетъ Вріеннія царемъ 107.
Тулды 132.
Турки: ихъ начало и происхожденіе 22. 23; приходятъ на помощь къ Магомету, правителю Сарациновъ 23; отказываются воевать съ Индійцами 23; отлагаются отъ Магомета и дѣлаютъ набѣги на земли Сарациновъ 24; переселяются въ Персію 26; жгутъ и грабятъ восточныя области римской имперіи 53; разбиваютъ и берутъ въ плѣнъ Исаака Комнина 56; вступаютъ въ Сирію 93; поражаютъ Исаака Ком-

нина и берутъ его въ плѣнъ 93; нападаютъ на Вотаніата 112; помогаютъ Вотаніату противъ Вріеннія 123; пользуются измѣною Никифора Мелиссинскаго, овладѣваютъ почти всею Азією 153; нападаютъ на Іоанна евнуха 153.
Тутахъ, см. Артухъ.
Урзелий, Франкъ въ Арміи Исаака, измѣняетъ Исааку 55; опустошаетъ села и города Галатіи и Ликаоніи 68; чрезъ измѣну Кельтовъ, побѣждаетъ Кесаря Іоанна 70—72; думаетъ о завоеваніи царства 72; попадаетъ въ плѣнъ къ Туркамъ, но откупается 77; направляется къ Черному морю и беспокоитъ припонтійскіе города 78, побѣждаетъ посланнаго противъ себя Никифора Палеолога 78; доводится до крайности Алексѣемъ 79. 80; сноится съ Тутахомъ 80; схватывается имъ и сдается Алексѣю 82; схватывается Никифора Логовета и сдаетъ его Вотаніату 121.
Филаретъ тиранствуетъ въ Антиохіи 90.
Филопатіонъ 139. 140. пр. 2.
Франки овладѣваютъ Италією и Сицилією 96.
Халтика 28.
Хаскарисъ—Аланъ изъ свиты Алексѣя 66.
Хирсофакти (Константинъ), посолъ Вотаніата къ Вріеннію 123.
Хлеать, Мидійская крѣпость 33.
Хоматинцы въ войскѣ Алексѣя Комнина 127; обращаются въ бѣгство 132.
Хорваты злодѣйствуютъ въ Иллиріи 95. 96.
Хризоскулъ, военачальникъ турецкаго Султана 28; измѣняетъ Султану 29; путешествуетъ по Западу и, возвратившись, присоединяется къ Вотаніату 111; какъ посолъ Вотаніата, удерживаетъ Турковъ отъ нападенія 113.
Хутатарій, военачальникъ Діогена 43; сражается съ Андроникомъ и попадаетъ въ плѣнъ 47—49.
Эмилианъ, антиохійскій Патріархъ 90; хитростію высылается въ столицу 90—92; главный возмутитель столицы въ пользу Вотаніата 112.

Феодора, дочь Іоанна Комнина 15; въ замужествѣ за Константиномъ, сыномъ Діогена 20.

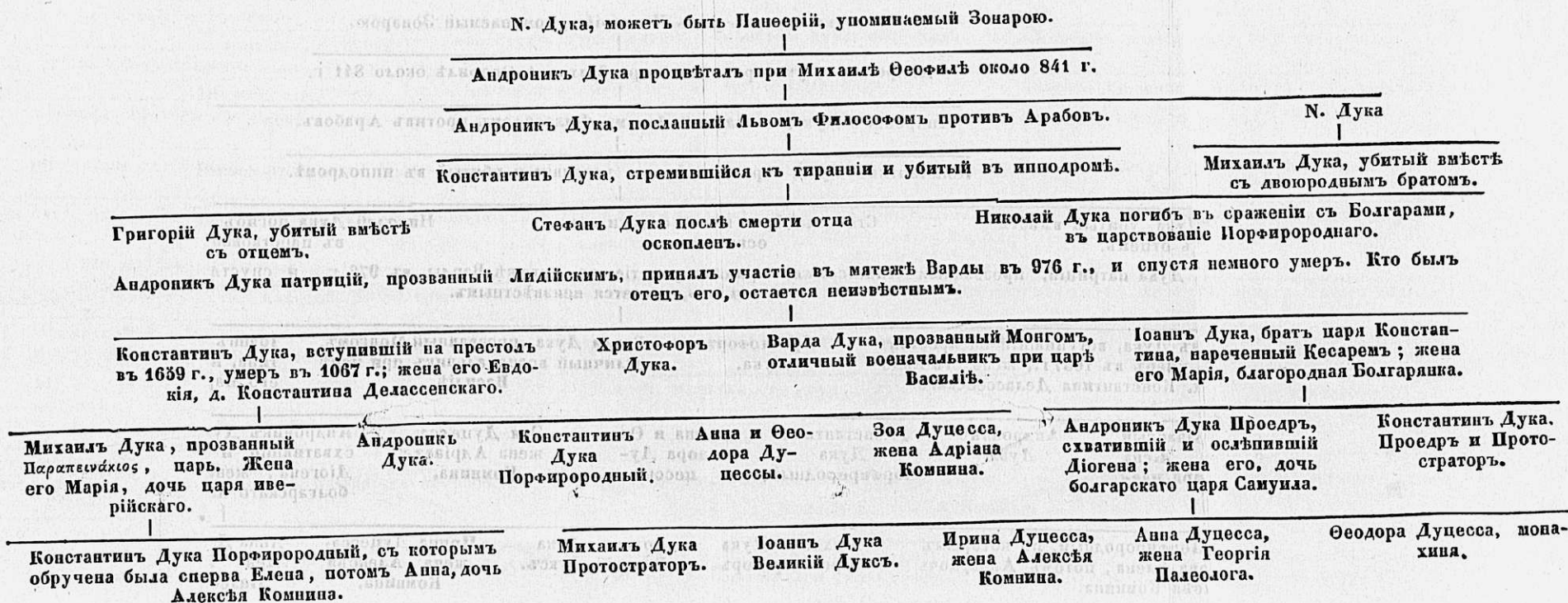
Феодора, дочь Андроника Протовестиарія, съ младенчества посвящается Богу 101.

Феодотъ—довѣренное лице изъ свиты Алексѣя Комнина, предсказываетъ бѣгство Римлянъ изъ лагеря 57; спасаетъ Алексѣя 58; удерживаетъ его отъ дерзкаго и гибельнаго замысла 131.

ОПЕЧАТКИ

стран.	стр.	Напеч.	Чит.
III	3	Хутаторія	Хутатарія
V	26	Мвѣ итрополита	въ Митрополита
11	13	повергнууться	подвергнууться
49	1	падѣясъ	падѣялся
113	4	Саугаріи	Саугаріа

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ДОМА ДУКОВЪ.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ДОМА ВРІЕННІЕВЪ.

Никифоръ Вріенній, адріанопольскій дворянинъ, Этнархъ, Префектъ Каппадокіи; въ 1037 году войско провозглашаетъ его царемъ.

Н. Вріенній Куропалата, многократно побѣждаетъ Скиевъ; жена его Анна, обыкновенно называемая Куропалатиссою.

Никифоръ Вріенній, Дуксъ Болгаріи и Диррахіи, Магистръ и Проедръ;
за искательство царской власти взятъ и ослѣпленъ въ 1078 году.

Іоаннъ Вріенній Магистръ, Куропалата
и В. Доместикъ, убитъ Варягами.

Никифоръ Вріенній Патрицій, взятый въ сраженіи вмѣстѣ съ отцемъ ослѣпленъ.

Н. Вріенній; жена его Н. сестра Тарханіота.

Никифоръ Вріенній, получившій отъ Алексѣя титулъ Кесаря и Паниперсеваста,
женатъ на дочери Алексѣя Аннѣ.

Н. Вріеннія за Маріаномъ Маврокатаколомъ.

Алексѣй, по матери названный Комнинымъ, В. Дуксъ, или Префектъ флота въ 1154 году; жена Н. дочь авазскаго князя.

Авдроникъ Комнинъ, Префектъ Фессалоники, за посягательство на престолъ ослѣпленъ въ 1189 году.

Н. Комнинъ, подобно отцу, ослѣпленъ.

О прочихъ Вріенніяхъ подробнѣе будетъ сказано въ хронологической таблицѣ династіи Алексѣя Комнина при лѣтописи Анны
Комниной.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ДОМА КОМНИНОВЪ.

N. Комнинъ, родомъ изъ Пафлагоніи.

Мануилъ Комнинъ, прозв. Еротикомъ, В. Доместикъ при Василиѣ, Никифоръ Комнинъ Протостраторъ.

Исаакъ Комнинъ царь съ 1057 г.; жена его — дочь болгарскаго царя Самуила Екатерина.

Іоаннъ Комнинъ Куропалата, потомъ В. Доместикъ. Жена его — дочь Алексѣя Харона, Префекта Италіи, отъ Делассеновъ.

N. Комнина, жена Михаила Докеана Протоспатарія.

Мануилъ Комнинъ, Марія Комнина.

Θεодоръ Докеанъ.

Мануилъ Комнинъ, Протостраторъ и Куропалата.

Исаакъ Комнинъ, Севастъ, Жена — д. аламанскаго правителя Ирина.

Алексѣй Комн. царь. Жена его, Ирина Дуцесса.

Адріанъ Комн., Протосевастъ и В. Доместикъ. Жена — Зоя Дуцесса.

Никифоръ Комн., Севастъ и Вел. Друнгарій.

N. Комнина, ж. Григ. Пакуріана.

Марія Комн., жена Мих. Таронитскаго Евдокія Комн., жена Ник. Мелиссинск. Θεодора Комн., жена Льва Діогена.

N. Комнина въ замужествѣ за родственникомъ Вотаніата.

Іоаннъ Комнинъ, Дуксъ Диррахіи.

Алексѣй Комнинъ, Дуксъ Диррахіи.

Константинъ Комнинъ, Дуксъ Верріи.

N. Комнина, обрученная съ Григоріемъ Габромъ.

Іоаннъ Комнинъ. царь съ 1143 г.; жена Ирина, д. венгерскаго царя Владислава.

Андроникъ Комнинъ, Севастократоръ.

Исаакъ Комнинъ.

Анна Комнина за Вріенніемъ Кесаремъ. Марія за Никифоромъ Катакалономъ. Евдокія за Константиномъ Язитою. Θεодора за Константиномъ Ангеломъ.

Алексѣй Комнинъ, нареченный царемъ, умеръ при жизни отца.

N. Комнина въ замужествѣ за Алексѣемъ Аксухомъ.

Андроникъ Комнинъ, Севастократоръ. Ж. Ирина.

Исаакъ Комнинъ, Севастократоръ.

Θεодора за Балдуиномъ III. Марія за Стефаномъ Венг. N. за Констант. Макродукою. N. мать Исаака Комниціа царя Кипрскаго. Евдокія въ замужествѣ за Вильгельмомъ, владѣтелемъ Монтиепессуланскимъ.

Мануилъ Комнинъ, царь. Ж. 1 Ирина Алеманника, 2 Марія Антиохійка.

Марія Комнина за Іоанномъ Рожеромъ Цезаремъ. N. Комнина за Стефаномъ Контостефаномъ. N. Комнина за Θεодоромъ Ватакою.

Іоаннъ Комнинъ, Протосевастъ.

Алексѣй Комнинъ Протосевастъ и Протовестіарій.

Марія за Θεодоромъ Дасіотою, а потомъ за Іоанномъ Кантакузеномъ. Θεодора и Евдокія.

Марія Комнина за Ренеріемъ Монферратенскимъ.

N. дочь, умершая въ младенчествѣ.

2 Алексѣй Комн. царь. Ж. Агнеса де Франція.

Алексѣй Комнинъ, Севастократоръ, незаконнорожденный.

Алексѣй Комн. Ж. Ирина, д. В. Доместика.

Марія Комнина за Алмарикомъ цар. іерусал.

Стефанъ Комнинъ В. Друнгарій. Ж. Евдокія д. В. Доместика.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ТУРЕЦКИХ СУЛТАНОВЪ.

Дегакъ благородный Турокъ.

Салгевкъ, по Этому Садокъ, по Тирію Селюкъ, отлагается отъ турецк. царя ум. 107 лѣтъ.

Михаилъ, отказавшійся отъ войны съ Султаномъ Махмудомъ, ввергнутъ былъ имъ въ темницу. По этому случаю взбунтовавшіеся Турки овладѣли многими городами въ Хорасанѣ.

Н. братъ Михаила.

Кутлумъ, родоначальникъ иконійскихъ Султановъ.

Абуталибъ Магометъ, прозв. Тегралбекъ, у греч. писателей Странголипъ, по Этому, Догрисса, убивъ Султана Мазгуда, объявляетъ себя Султаномъ въ 1037 г.; умеръ въ 1063 году.

Давидъ.

Сирузезъ, можетъ быть тоже, что Аспамъ, у Скилица (478) именуемый братомъ Странголипа.

Ибрагимъ, воставъ на Хедига, жена Кембемб-брата и, побѣжденный имъ, рилла, багдадскаго ка-преданъ смерти въ 1038 г. лита.

Гведадолдуль Альба Арселанъ, по Тирію, Бельфетъ и Бельсетофъ, по Этому, Аспасалемъ, у Грековъ Асанъ и Аксанъ, Султанъ, беретъ въ плѣнъ Диогена; убитъ въ 1071 г.

Марубилъ, послѣ смерти Султана стремится захватить власть, схватывается и умерщвляется внукомъ Малькозою въ 1073 году.

Асанъ *ἄδελφός* Странголипа погибъ въ сраженіи.

Дарсианъ, по другимъ, Кассианъ и Асанъ, антиох. Султанъ, внукъ Бельсетофа.

Санседоніи, Булдагисъ, Н. дочь.

Гезалолдуль Маскоза, или Мелексигей по Этому, Мелекта или Мелекса. В. Султанъ Туркѣвъ, умеръ въ 1097 г., у Анны называется Тапарисъ.

Низъ вооружается противъ брата въ 1084 году.

Тагеолдуль Низъ, по убійствѣ Исаака, нападаетъ на Дамаскъ; получивъ султанское достоинство, лишается жизни внукомъ Белциарокомъ въ 1097 году. По Аннѣ, Тутузъ.

Мугамедъ или Махмудъ, 8 лѣтъ провозгл. Султаномъ подъ правительств. матери Берханы; изгоняется братомъ Бельциарокомъ.

Бельциарокъ, у Анны, Цургі-арухъ, по изгнаніи брата, становится Султаномъ; умеръ въ 1104 году.

Магометъ Гвиатолдичъ убиваетъ Бельциарока и объявляется Султаномъ; умеръ въ 1117 году.

Сангеръ или Сангиръ, братъ Мугамеда.

Редуванъ, прозв. Фахеромеликъ, алепскій Султанъ, ум. 1113г. у Фульх. Гинабольдъ.

Сансолменей Дегакъ отнимаетъ у брата Дамаскъ въ 1093 г., беретъ Эмессу въ 1102 г., ум. 1103 г.

Н. дочь за благор. Арабомъ.

Гезалолдуль, Султанъ на 14 году.

Измаилъ. Махмудъ помогаетъ отцу въ правленіи.

Тагеолдуль алепскій Султанъ, проз. Ахаренсъ, убитъ въ 1114 г.

Султанъ — Са, послѣ брата, Султанъ Алепа въ 1114 году.

Н. дочь за алепскимъ Султаномъ Баладомъ.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ИКОНИЙСКИХЪ СУЛТАНОВЪ.

Салгевкъ, (см. табл. турецк. Султановъ).

Михаилъ.

Н. братъ Михаила.

Тегралбекъ, Султанъ Турковъ.

Кутлумъ, по Эл-Мацину, Птоломей.

Солиманъ, никейскій Султанъ, беретъ Антиохію, убитъ дамасскимъ Султаномъ Тагесолдуломъ въ 1083 г. Масуръ. Три дочери.

Кливестланъ, Султанъ сперва Никеи, потомъ Ликаоніи, Каппадокіи или Иконіи.	Солиманъ младшій, никейскій Султанъ. При немъ Никейю берутъ Галлы.	Далиманъ братъ Солимана. Меласъ, жена Рожера, князя антиохійскаго.	Н. дочь за Цахою топархомъ смирскимъ. Цаха, владѣтель Смирны.
---	---	--	---

Кливестланъ II, иконійскій
Султанъ, прозв. Саисанъ,
убитъ братомъ Мазутомъ.

Мазутъ Султанъ
воюетъ съ царя-
ми Мануиломъ и
Іоанномъ.

Марцибанъ убитъ на поединкѣ Боемундомъ.

Ордерикъ, Н. другой сынъ.

Кливестланъ III, икон. Султ., убиваетъ братьевъ и овла-
дѣваетъ ихъ топархіями; убиваетъ царя Мануила въ 1176.
Жена его христіанка.

Санисанъ, владѣ-
тель Гаугры и
Анкиры.

Н. дочь за Ягунизаномъ,
топархомъ Амасіи, Ан-
киры и Каппадокіи.

Н. дочь за Дадунемъ,
владѣтелемъ Кесаріи и
Севастіи.

Камеро за Іоанномъ
Комнинымъ сыномъ
царя Андроника.

Кайхозрой, Султанъ Ликаоніи и Памфилии убиваетъ царя
Фридерика I въ 1190 г.; изгоняется изъ Иконіи; возста-
новляется царемъ Θεодоромъ Ласкарисомъ; убитъ въ сра-
женіи 1210 года.

Мазутъ, Султанъ
Амасіи, Дорилеи
и стражъ прион-
тійскихъ

Копнатинъ, Султанъ мели-
тинскій, послѣ котораго
овладѣваетъ Мелитиномъ
Рукратинъ.

Рукратинъ, Султанъ Амисы, по изгнаніи Кайхозроя
овладѣваетъ Иконією. Умеръ въ 1204 году.

Мелекъ. Кутепецъ. Если эти сыновья — не одно и тоже лице; то не извѣстно, который изъ нихъ наследовалъ отцу.

Н. Н. два сына, рожденные отъ
сестры Калифа.

Гаяздинъ, по Пахимеру Ятатинъ, по Акрополиту, Ятатинъ, получаетъ отъ отца власть надъ Иконією. При немъ дѣлаютъ
набѣгъ Татары, убиваютъ Султана въ 1243 году.

Раконадій—преемникъ отца, заключаетъ миръ съ Татарами.

Азадинъ, у Григоры Азатинъ.

Аладинъ, род. отъ грузинской царицы.

Мелекъ, вмѣстѣ съ отцомъ изгнанъ изъ Фракіи и послѣ его смерти, получивъ Иконію, убитъ возбунтовавшимися Турками. Послѣ сего въ Азіи появилось много
тираній, изъ которыхъ одна дала начало османской.